

ISSN 0135-1672

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 21

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 21

Ответственный редактор
академик АН УзССР *А. А. Аскар*ов

Сборник включает оперативную информацию о новейших результатах полевых исследований и обобщения в области археологии периода от каменного века до развитого средневековья. В нем излагаются материалы многолетних раскопок палеолитической стоянки Кульбулак, данные о культуре эпохи бронзы и раннего железа, ранней средневековой Ферганы, жилой архитектуре средневековых городов Мавераннахра, об этнической истории и нумизматике.

Для археологов, этнографов, историков, преподавателей, студентов и краеведов, интересующихся историей Узбекистана.

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. Р. Мухамеджанов*,
кандидаты исторических наук *М. Исамиддинов*, *Б. А. Тургунов*

И $\frac{0507000000-3657}{M 355(04)-87}$ 22—87

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1987 г.

Н. Х. ТАШКЕНБАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОЛИТУ ЗАРАФШАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Долина Зарафшана — один из наиболее богатых районов развития каменного века в Узбекистане, особенно среднего и верхнего палеолита.

Широко распространены здесь мустьерские местонахождения, часть из них представлена подъемным материалом. Есть стоянки многослойные и богатые культурными остатками, найденные в непотревоженном или слабо нарушенном залегании и ясных палеогеографических и стратиграфических условиях. Наиболее интересной из них является Кутурбулакская мустьерская стоянка, приобретающая широкую известность¹.

Второй, не менее важный памятник мустьерского времени — Зирабулакское мустьерское местонахождение, расположенное на берегу одноименного родника в 1 км к востоку от Кутурбулакской стоянки и топографически примыкающее к подошве отрогов Зирабулакских гор. Первоначальное изучение данного памятника проводилось в 1971 г.² и 1978 г.³ В 1984 г. было продолжено ее исследование с целью уточнения стратиграфии и более подробного изучения содержания культурных напластований.

В 50—55 м западнее родника Зирабулак был заложен раскоп (8 м × 4 м) площадью 32 кв. м. Наиболее полный стратиграфический разрез прослежен по северной стенке раскопа (рис. 1):

	<i>Глубина, м</i>
Покровная почва, серая пылеватая супесь, гумусированная	0,2
Перемешанный слой серого цвета со строительными остатками	0,2 — 0,55

¹ Ташкенбаев Н. Х. Новая мустьерская стоянка Кутурбулак//История материальной культуры Узбекистана. Вып. 10. Ташкент, 1978. С. 24—26; Тетюхин Г. Ф., Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Геоморфологическое положение мустьерского местонахождения Кутурбулак//ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978. С. 13—18; Археология СССР (Палеолит СССР). М.: Наука, 1984. С. 144.

² Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент: Фан, 1980. С. 61—66.

³ Ташкенбаев Н. Х. О работах на Зирабулакской палеолитической стоянке//Археологические открытия 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 563.

Супесь серого цвета с примесью щебня	0,53—1,25
Суглинок темно-серого цвета с зеленым оттенком	1,25—1,7
Зеленовато-желтый суглинок	1,7 —2,9
Темно-желтый суглинок	2,9 —3,35
Суглинок с железистыми пятнами	3.35—3,65

Культурные остатки в богатом наборе прослежены в зеленовато-желтом суглинке, который утолщается в северо-восточном направлении. Культурный слой частично разрушен. В верхних культурных горизонтах разрушений, происшедших, вероятно, при строительстве средневековой крепости, расположенной недалеко от родника, и при рытье фундаментов для построек некогда существовавшего здесь кишлака, выявлено больше.

Собранные в Зирабулаке каменные изделия напоминают инвентарь Кутурбулакской мустьерской стоянки.

Выбор сырья для производства орудий заметно влиял на технику, типологию и весь комплекс каменной индустрии Зирабулака. Основным сырьем для изготовления каменных изделий у древних обитателей Зирабулакской стоянки являлась крупная галька — пластинчатая, хорошо поддающаяся обработке порода, представленная в изобилии в пойме Зарафшана и обнажении его террас. Реже использовалась крупнозернистая разновидность породы, дающая шероховатую поверхность скола, а также кремль различных оттенков, который добывали в обнажениях коренных выходов по склонам Зирабулакских гор. В качестве сырья использовались также не очень прочные осадочные породы, легко поддающиеся обработке: кремнистый известняк, глинистые сланцы и т. д.

Первичная обработка камня на Зирабулакской стоянке, как и на других мустьерских памятниках, характеризуется наличием ядриц и продуктами его расщепления, т. е. заготовками для орудий (отщепов, пластинчатых отщепов и пластин).

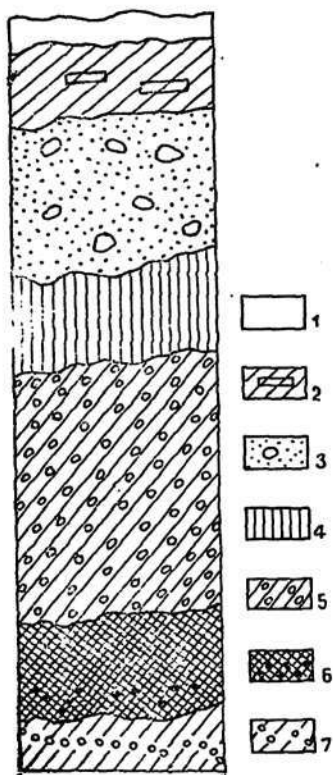

Рис. 1. Разрез северной стенки Р-3, (кв. кв. 1_а—48). Условные обозначения:

1 — покровная почва; 2 — слой, перемешанный со строительными остатками; 3 — супесь серого цвета; 4 — суглинок темно-серого цвета с зеленым оттенком; 5 — зеленовато-желтый суглинок; 6 — темно-желтый суглинок; 7 — суглинок с железистыми пятнами.

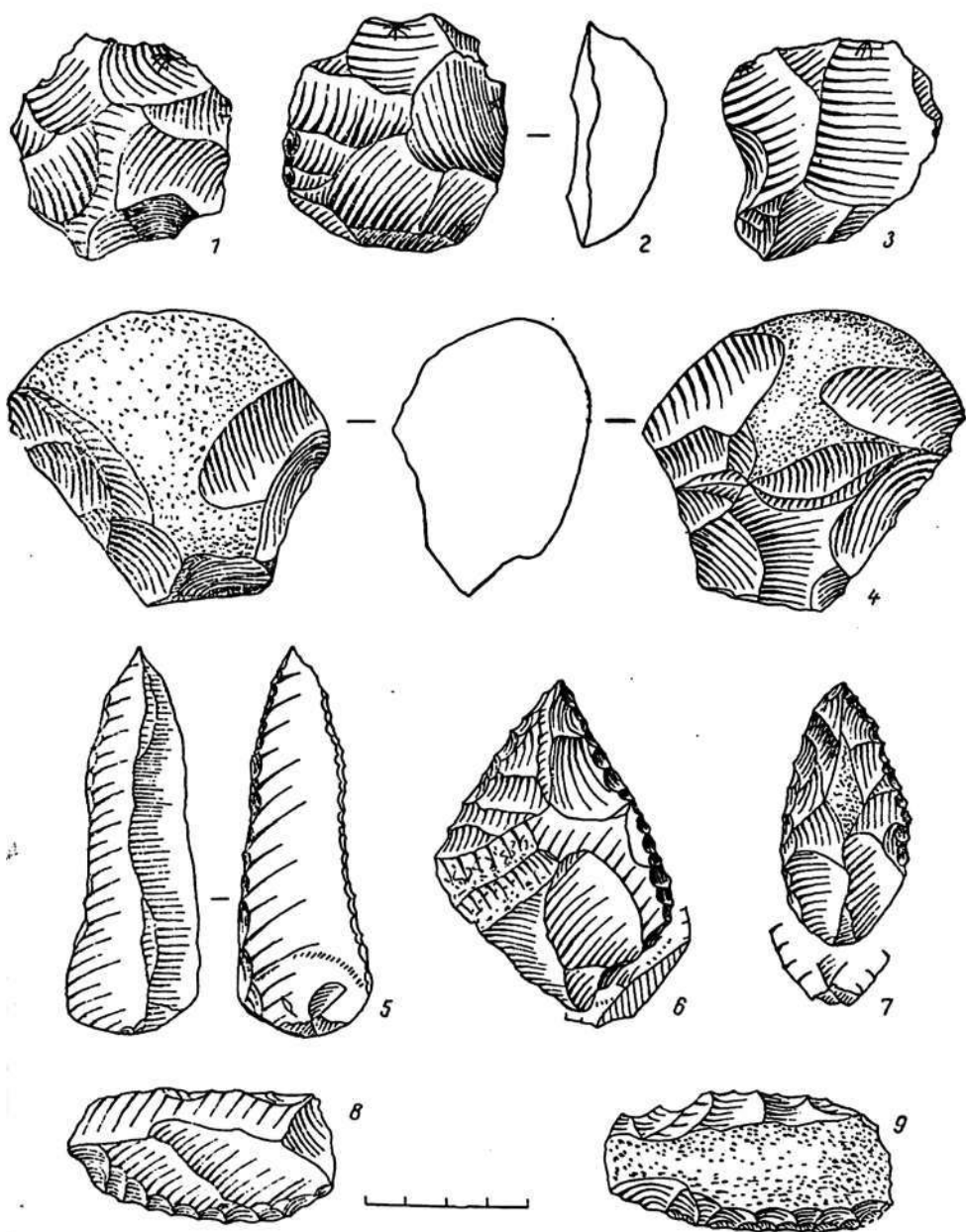

Рис. 2. Каменные изделия Зирабулака:

1, 2 — дисковидные нуклеусы; 3 — нуклеус треугольной формы; 4 — галечное изделие — чоппинг-тул; 5 — ретушированная пластина; 6 — скребло; 7 — остроконечник; 8, 9 — скребла.

Одним из фактов, удостоверяющих мустьерский облик инвентаря данного памятника, является наличие дисковидных ядрищ, которые представлены 10 экземплярами в сборах 1984 г. Среди них — дисковидный нуклеус из кремня фиолетового цвета, на рабочей стороне которого сохранились фасетки радиальных снятий. Для получения заготовок от данного ядрища были использованы ударные площадки по всему его периметру. Размеры изделия: диаметр — 5 см, толщина — 2 см (рис. 2, 1). Другое ядрище, также дисковидной формы, сделано из диоритовой гальки, на спинке имеет ряд негативов сколов, направленных от краев к центру. Тыльная сторона, кроме обработанных краев, использованных как ударные площадки, почти полностью покрыта валунной коркой. Параметры ядрища: диаметр — 5,5 см, толщина — 2,2 см (рис. 2, 2).

В коллекции Зирабулака имеется три нуклеуса треугольной формы. На одном из них рабочая поверхность оставила две крупные фасетки сколов — результат скалывания заготовок в одном направлении, под небольшим углом к площадке, веерообразно. Размеры $6 \times 5,2 \times 1,7$ см (рис. 2, 3).

Некоторые из галечных орудий представлены рубящими орудиями — чоппингами (с односторонней обработкой рабочего лезвия) и чоппинг-тулами (с двусторонней обработкой рабочего края). На рис. 2, 4 изображен чоппинг-тул, рабочее лезвие которого обработано оббивкой, а противоположная, выпуклая часть сохранила валунную корку. Размеры орудия: $7 \times 8 \times 5$ см.

Помимо дисковидных и треугольных форм нуклеусов найдено 4 экземпляра одно- и двухплощадочных нуклеусов, которые встречаются и на других среднеазиатских памятниках эпохи мустье. Собрано более 500 отщепов и пластин без вторичной обработки, у большинства из них ударные площадки — фасетированные. Количество отщепов и пластин леваллуазского облика незначительно (примерно 1%).

В наборе орудий Зирабулакской стоянки имеются ретушированные отщепы и пластины, использовавшиеся первобытным человеком, вероятно, в качестве ножевидных предметов и скребел. Одно из этих орудий изготовлено на кремневой пластине темно-коричневого цвета. Ударная площадка — двухгранная. Имеет вторичную обработку по двум продольным краям со стороны брюшка. Ретушь мелкая, зубчатая. Размеры орудия: $9,5 \times 3 \times 0,6$ см (рис. 2, 5). Подобные изделия есть и среди каменного инвентаря Кутурбулакской мустьерской стоянки⁴.

В нижнем культурном слое Зирабулакской стоянки обнаружено 9 остроконечников, являющихся доминирующими формами орудий для всех мустьерских памятников. Остроконечник миндалевидной формы сделан на кремневом отщепе светло-серого цве-

⁴ Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века... Табл. VII, 7; XIX, 3, 7, 8.

та. Рабочее лезвие на одном из краев обработано крутой многоступенчатой ретушью, на другом — более пологой «стелющейся» ретушью. Ось орудия совпадает с осью отщепа. Размеры изделия: $6,2 \times 3,2 \times 1,2$ см (рис. 2, 7).

На рис. 2, 6 изображено изделие из кремня белого цвета, найденное в кв. В₃ — 33 нижнего культурного слоя. По внешнему виду и оформлению подобно остроконечнику, однако по классификации французского исследователя Ф. Борда относится к категории угловатых скребел — особому варианту конвергентных скребел со сходящимися рабочими лезвиями, у которого ось орудия наклонена по отношению к оси отщепзаготовки. Рабочее лезвие настоящего скребла отделано ретушью, образующей острые, выпуклые края⁵. Размеры изделия $6 \times 5,2 \times 2,3$ см (рис. 2, 6).

Помимо вышеописанного на Зирабулаке обнаружено еще 11 скребел с прямолинейными, выпуклыми и вогнутыми краями. Одно из них (рис. 2, 8) изготовлено на пластинчатом отщепе из кремнистого сланца, обработано крупной зубчатой ретушью ($6,5 \times 3,6 \times 1,4$ см). Другой экземпляр — с двумя рабочими лезвиями, созданными на двух продольных краях, на диоритовой пластине с сохранившейся на спинке валунной коркой ($6,7 \times 3,5 \times 1,5$ см (рис. 2, 9)).

В целом каменный инвентарь Зирабулака, собранный в верхнем и нижнем слоях, однотипен с кутурбулакским по наличию мустьерских изделий: дисковидных нуклеусов, остроконечников, скребел, ретушированных отщепов, пластин и т. д. В зирабулакском комплексе изделий есть предметы, характеризующие значительное развитие техники расщепления, т. е. получения заготовок с призматических нуклеусов, от которых отщеплялись уже более правильные пластины, пригодные для изготовления разнообразных орудий: ножевидных орудий, скобелей и т. п. Есть орудия верхнепалеолитического облика типа скребков. Наличие развитых форм орудий в Зирабулаке позволяет отнести данный памятник к развитому мустье.

В 1984 г. было также продолжено археологическое исследо-

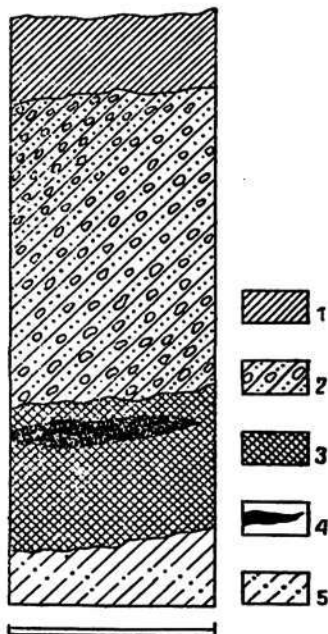

Рис. 3. Разрез южной стенки Р-1 (кв. кв. Л-52).
Условные обозначения:

1 — рыхлый грунт с примесью глины; 2 — плотный грунт серого цвета с примесью песка и щебня; 3 — плотный суглинок бурого цвета с культурными остатками; 4 — зольная прослойка; 5 — плотный суглинок зеленоватого оттенка с редкими находками.

⁵ Bordes F. Typologie du paléolithique ancien et moyen. Mémoire. N 1. Bordeaux, 1961. P. 6. Fig. 1, 4. Табл. 21, 8—13.

вание верхнепалеолитической стоянки Ходжамазгиль, расположенной в 75 км к юго-востоку от Самарканда, у западного подножья Туркестанского хребта, на территории совхоза «Российский» Булунгурского района. Памятник открыт в 1969 г.⁶, его стационарное изучение началось в 1981 г.⁷

Полевыми работами был продолжен раскоп 1983 г. у северо-западного берега искусственного водоема. Площадь исследуемого участка составила 48 кв. м (8×6 м). Культурные остатки — каменные изделия и фрагменты костей животных — концентрируются на северо-западных участках раскопа, т. е. они постепенно увеличиваются в западном направлении. В кв. Л—52, 53 выявлена зольная прослойка (линза) диаметром 1—1,2 м, толщиной 10—15 см с большим количеством каменных изделий, мелких чешуек и кремневых осколков.

Условия залегания памятника таковы (рис. 3):

	<i>Мощность, см</i>
Рыхлый грунт с примесью глины	25—40
Плотный грунт серого цвета с примесью песка и щебня	12—15
Плотный суглинок бурого цвета с культурными остатками	40—65
Зольная прослойка	10—15
Плотный суглинок зеленоватого оттенка	30—40

Сохранность культурного слоя на отдельных участках различна: в центре исследуемой площади он абсолютно не потревожен, в некоторых частях наблюдается частичное разрушение его и перекрывающих слоев. Культурные остатки приурочены к одному геологическому слою, в котором сконцентрированы каменные поделки, кости и следы очага.

Основным материалом для изготовления орудий труда древнего ходжамазгильца служил кремьень темно-зеленого цвета, выходы которого прослежены в районе кишлака Гишали, в 8 км к юго-востоку от Ходжамазгильской стоянки.

Большинство нуклеусов Ходжамазгиля составляют одно- и двухплощадочные призматические. На рис. 4, 1 изображен нуклеус, сохранивший на рабочей спинке фасетки параллельных сколов, снятых в двух противоположных направлениях.

Одним из элементов кремневого инвентаря Ходжамазгильской стоянки являются пластины и отщепы — заготовки для изготовления орудий. Собрано их около 400 экземпляров. Кремневые отщепы не отличаются ни правильностью форм, ни стойкостью размеров (рис. 4, 2). Пластины преобладают. Длина пластин

⁶ Аскарлов А. А., Ташкенбаев Н. Х. Древнейшее прошлое Самарканда // Обществ. науки в Узбекистане. 1970. № 9. С. 81—83.

⁷ Ташкенбаев Н. Х. Верхнепалеолитическая стоянка Ходжамазгиль (Самаркандская область) // Археологические открытия 1981 года. М., 1983.

больше ширины. Применялись они для изготовления орудий различных форм и назначений (рис. 4, 3, 4). На объекте собрано огромное количество кремневых осколков и чешуек, наличие которых свидетельствует о том, что первичная и вторичная обработка сырья происходила на самой стоянке.

В Ходжамазгиле большинство орудий составляют скребки на удлиненных и коротких заготовках, последние преобладают. Они

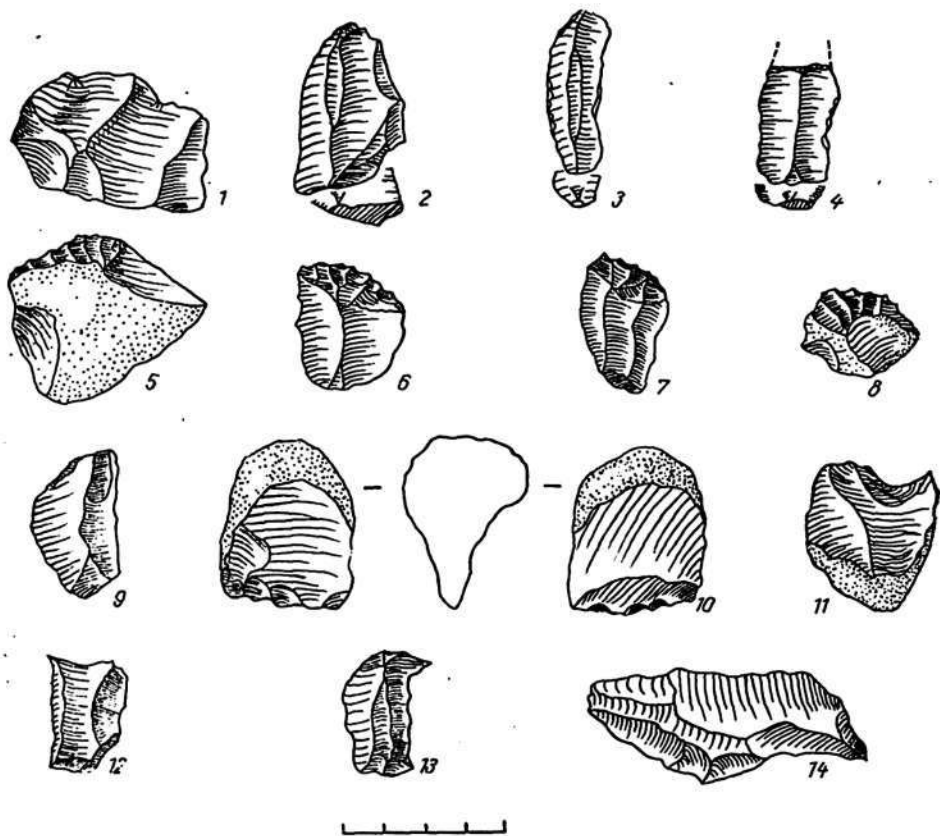

Рис. 4. Каменные изделия Ходжамазгиля:

1 — нуклеус двухплощадочный; 2 — отщеп; 3, 4 — пластины; 5—8 — скребки; 9 — резец; 10 — долотовидное орудие; 11 — выемчатое орудие; 12—14 — проколки.

считаются одним из наиболее устойчивых видов орудий в инвентаре среднеазиатских памятников эпохи позднего палеолита, использовавшихся для обработки мягкого материала. Скребки, изображенные на рис. 4, 5—8, изготовлены на коротких отщепах. Их дугообразные рабочие лезвия отделаны более или менее тонкой ретушью. Размеры изделий: $2 \times 2,6 \times 1$ см — $4 \times 4,5 \times 1,2$ см. Угол рабочего края по отношению к брюшке предмета — 50° —

70°. На Самаркандской верхнепалеолитической стоянке скребки также представлены большим числом⁸.

В инвентаре Ходжамазгильской стоянки резцы единичны. Основная функция этих орудий — обработка прочных материалов. Одно из них (рис. 4, 9) представляет собой угловой резец, изготовленный на фрагменте пластины путем снятия продольного резцового скола с одного из углов заготовки. Рабочую часть составляет угол пластины, образованный плоскостью излома и резцовым сколом. Размеры изделия: $3,5 \times 2 \times 0,8$ см.

В коллекции Ходжамазгиля имеются орудия типа долота или траше, служившие для обработки менее твердого материала. Долотовидное орудие Ходжамазгиля (рис. 4, 10) представляет собой продолговатое изделие из кремневой гальки. Рабочее лезвие подтесано с двух сторон. Верхний край предмета утолщен, на нем сохранилась валунная корка.

На Ходжамазгильской верхнепалеолитической стоянке выделено несколько экземпляров выемчатых орудий. Один из них (рис. 4, 11) образован на маленькой гальке из кремня темно-зеленого цвета. Выемка находится на противоположной по отношению к выпуклой, естественной части орудия. Размеры: $3,5 \times 3 \times 1,5$ см.

В технике позднего палеолита существенное место занимают небольшие орудия с удлинненным, плотным жальцем, имевшие значение проколов, необходимых при шитье меховой одежды, просверливания отверстий в дереве, кости, камне. Подобные изделия из Ходжамазгиля представлены на рис. 4, 12—14. Это проколки на отщепе и пластине, у которых выделены острия с частичной обработкой. Их размеры: $2,6 \times 1,7 \times 0,8$ см — $6,5 \times 2,6 \times 1,5$ см. Аналогичные предметы имеются в инвентаре Самаркандской стоянки⁹.

Таким образом, собранная коллекция каменных орудий достаточно полна, чтобы говорить о принадлежности памятника к верхнепалеолитической культуре Зарафшанской долины, возможно, самаркандской¹⁰. Преобладают здесь скребки, проколки незначительны, резцы единичны, имеются галечные орудия, скребла. Орудия в большинстве сделаны на коротких заготовках.

В целом исследования Самаркандским палеолитическим отрядом ряда памятников палеолитических культур — мустьерских и позднепалеолитических — выявляют единую автохтонную группировку двух крупных периодов каменного века. Материалы Зи-

⁸ Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде//Труды Самарканд. гос. университета. 1964. № 135. Рис. 44—50.

⁹ Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века... Рис. 52.

¹⁰ Ранов В. А. Самаркандская стоянка и ее место в палеолите Средней Азии//Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР (58). Душанбе, 1969; Абрамова З. А. Поздний палеолит азиатской части СССР//Палеолит СССР (Археология СССР). М., 1984. С. 308.

рабулакской мустьерской стоянки, вероятно, можно отнести к кутурбулакскому техническому комплексу каменной индустрии по схожести технологической обработки каменного сырья (первичной и вторичной). Это подтверждает также одинаковое геолого-геоморфологическое расположение памятников Зирабулак и Кутурбулак. Индустрии Ходжамазгильской верхнепалеолитической стоянки и Самаркандской стоянки, как было отмечено выше, в некоторой степени аналогичны наличием значительного количества скребков на коротких утолщенных заготовках, малочисленностью резцов, большой концентрацией мелких осколков и чешуек кремня, присутствием галечных орудий и архаичных видов изделий типа скребел.

Необходимо также констатировать то, что в эпохи мустье и позднего палеолита первобытный человек Зарафшанской долины был тесно связан с природной средой и активно использовал в своей деятельности каменные орудия, постоянно совершенствуя их.

Б. АБДУЛЛАЕВ, Х. И. ДУКЕ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ БУРГУЛЮКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1981—1982 гг.

В 1981—1982 гг. бургулюкский археологический отряд Института археологии АН УзССР продолжал раскопки памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа в зоне затопления Туябугузского водохранилища в 30 км к югу от Ташкента¹.

Основные работы велись на поселениях № 1² и № 12³, расположенных на левобережье р. Ахангаран. На поселении № 1 за указанный срок были исследованы еще три жилища бургулюкской культуры, продолжены работы по выявлению оборонительной стены, заложены один раскоп и три траншеи. Ниже приводится описание проведенных работ.

Жилище № 15⁴ расположено в 47 м к северо-западу от полуземлянки № 1⁵, почти на краю обрыва Туябугузского водохранилища. В плане — овальной формы, ориентировано с запада на

¹ В работе отряда принимали участие Х. Дуке (нач. отряда), Т. Ширнинов (ст. н. с.), Б. Абдуллаев (м. н. с.), К. Алимов (м. н. с.), О. Курбанов (лаборант), М. Каримов (шофер).

² Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982. С. 19—22.

³ С целью упорядочения (унификации) последовательности бургулюкских поселений памятник № 4-а на правобережье р. Ахангаран решили обозначить под № 9; поселения № 1а и 2а на левобережье — соответственно № 10 и 11.

⁴ Поскольку в предыдущие годы на поселении № 1 были исследованы 14 жилищ, первое помещение, раскопанное в 1981 г., мы обозначили под № 15.

⁵ Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И. Древности Туябугуза. Ташкент, 1978. С. 60.

восток. Площадь его $5,65 \times 3,5$ м, глубина котлована 0,55 м. Восточная стена со входом размыта водой водохранилища. Остальные стены сохранились довольно неплохо. Культурный слой до глубины 0,3 м состоит из рыхлого лесса желтоватого цвета с отдельными угольками и фрагментами керамики. Ниже до пола — рыхлый лесс темно-коричневого цвета. В культурном слое и на полу найдено более 70 фрагментов керамики бургулюкского типа, 7 костей животных, кусок обгоревшей красной глины, а также фрагмент литейной формы.

Жилище № 16 находится в 2 м к северу, северо-востоку от жилища № 15, на краю обрыва водохранилища. В плане — овальной формы, ориентировано с запада на восток. Площадь его 3×2 м, глубина котлована 0,4 м. Восточная стена со входом, как в жилище № 15, размыта водой. Культурный слой толщиной 0,1 м состоит из плотного лесса желтоватого цвета. Ниже, до пола — сырой лесс темно-коричневого цвета. Выявлено 28 фрагментов лепной керамики бургулюкского типа и 22 мелких обломка костей животных.

Жилище № 17 расположено в 22 м к северу — северо-востоку от жилища № 16 у обрыва водохранилища. Контуры его были видны еще до начала раскопок. В плане — прямоугольной формы, с закругленными углами, ориентировано с запада на восток. Площадь его равна $4,2 \times 2,85$ м, глубина котлована 1,3 м. Восточная стена со входом также размыта водой. Культурный слой толщиной 0,45 м состоит из плотного лесса желтоватого цвета, ниже лежит зольная прослойка шириной 10—12 см, до пола — сырой лесс темно-коричневого цвета. На полу жилища выявлен лепной бургулюкский сосуд в фрагментах.

Большое значение для изучения древнейшей фортификации Чача имеют выявленные в западной части поселения остатки оборонительной стены, которую удалось вскрыть на протяжении 20 м. Она сложена из сырцовых кирпичей прямоугольной формы ($40\text{—}42 \times 24 \times 12$ см). Толщина стены 2 м, сохранилась она на высоту 24—40 см, то есть на 2—3 ряда сырцовых кирпичей, положенных плашмя. Культурный слой, перекрывающий стену, содержит лепную керамику бургулюкского типа и кости животных.

Для того, чтобы выяснить, проходит ли оборонительная стена по всей западной части памятника, были заложены три стратиграфические траншеи. Одна из них (траншея № 3)⁶ — в 30 м к северу — северо-востоку от северного края выявленной стены; вторая (№ 4) — в 65 м к югу от южного края стены и третья (№ 5) — в 21 м к югу от второй траншеи. Траншея № 3 с запада на восток имеет протяжение 10 м, а с севера на юг — 2 м. Глубина 1,35 м.

⁶ Поскольку в предыдущие годы на поселении № 1 были заложены две траншеи, первая траншея, заложённая в 1981 г., обозначена под № 3.

<i>Разрез северной стены траншеи</i>	<i>Мощность слоя, м</i>
Дерновый слой	0,35
Грунт средней плотности желтоватого цвета	0,25
Рыхлый грунт темно-коричневого цвета, перемешанный с золой и обломками сырцовых кирпичей	0,2
Грунт средней плотности желтоватого цвета	0,15
Зола с отдельными камнями	0,1
Рыхлый грунт темно-коричневого цвета	0,3

На глубине 1,35 м появился материк. В траншее выявлены: в I ярусе — каменная терка для растирания красок и 15 фрагментов керамики бургулюкского облика; во II ярусе — 8 мелких лепных фрагментов, относящихся к бургулюкской культуре.

При проведении траншеи в ее восточной части был найден край оборонительной стены, которая сохранилась в высоту на два ряда сырцовых кирпичей прямоугольной формы (40×22×10 см), положенных плашмя. Стена была открыта с севера на юг на протяжении 2 м. Ширина стены, как и в открытом ранее отрезке — 2 м.

Траншея № 4 с запада на восток имеет протяжение 8,8 м, а с севера на юг — 2 м. Глубина 0,8 м. Траншея прорезает восточную часть рва на 0,8 м.

<i>Разрез северной стены траншеи</i>	<i>Мощность слоя, м</i>
Дерновый слой	0,05
Светло-желтый лесс средней плотности	0,35
Рыхлый грунт темно-коричневого цвета	0,4

На глубине 0,8 м появился материк. При проведении траншеи в ее восточной части выявлен край оборонительной стены, сохранившейся на высоту в три ряда прямоугольных сырцовых кирпичей того же размера, что и кирпичи из траншеи № 3. Стена, как и во вскрытой части, имела толщину 2 м. К западу от стены, вплотную к ней, на глубине 0,4 м от дневной поверхности обнаружен очаг, следы которого в виде золы и обгоревшей до красноватого цвета глины прослеживаются в западной стене. Очаг — овальной формы, размерами 1,55×0,48 м. Хорошо сохранилась западная стена очага, ширина ее — 15 м. Глубина очага — 0,2—0,25 м.

В траншее № 4 все находки обнаружены в I ярусе. Среди них выявлены 26 фрагментов лепной керамики бургулюкского типа. Большая часть керамики является обломками горшков, меньшая — котлов и чаш.

Траншея № 5 проложена в 21 м к югу от траншеи № 4. Длина ее с запада на восток — 9 м, ширина — 2 м, глубина — 1,55 м. Траншея на 1,8 м прорезает восточную часть рва. При проведении траншеи был найден край оборонительной стены, сохранившейся в высоту на три ряда сырцовых кирпичей. Размеры сырцовых кирпичей и толщина стены такие же, как описаны выше.

Стратиграфия этой траншеи идентична стратиграфии траншеи № 4. Вся керамика, как и в траншее № 4, выявлена в I ярусе. Найдено 42 фрагмента лепной керамики бургулюкского типа, являющихся, как и в траншее № 4, большей частью обломками горшков, меньшей — котлов и чаш.

Таким образом, проведение траншей показало, что оборонительная стена поселения № 1 располагалась параллельно рву по всему краю западной части поселения.

Выявление оборонительной стены на поселении № 1 имеет большое значение для изучения истоков становления городской культуры на территории древнего Чача, начиная с эпохи поздней бронзы и раннего железа. В настоящее время эту стену следует считать древнейшей на территории Ташкентского оазиса.

Раскоп V⁷ заложен в западной части поселения № 1 к северу — северо-востоку от шурфа, раскопанного в 1976 г.⁸ для уточнения стратиграфии вышеуказанного участка памятника. Размеры раскопа — 4×4 м.

Описание слоев раскопа

*Мощность
слоя, м*

Дерновый слой	0,2
Светло-желтый лесс средней плотности	0,3
Обломки сырцовых кирпичей	0,25
Светло-желтый лесс средней плотности	0,15
Темно-коричневый рыхлый лесс	0,65

На глубине 1,35 м появился материк. В I ярусе раскопа выявлен 51 фрагмент лепной керамики бургулюкского облика. Большая часть — фрагменты горшковидных сосудов и котлов (в числе последних один — с носиком-сливом), фрагмент от миски. Кроме того, выявлено 6 обломков костей животных и три куса глины, прокаленные до красноты.

Во II ярусе обнаружены 69 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика — в основном горшковидных сосудов и котлов (в числе последних — ручка-налеп, носик-слив), а также 18 костей животных.

В III ярусе найдено 14 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика — в основном горшковидных сосудов, 19 костей животных и их обломки (в том числе два зуба и одно копыто), 6 фрагментов глины, обожженной до красноты.

На левобережье р. Ахангаран нами были обнаружены еще три бургулюкских поселения — № 12—14.

Поселение № 12 расположено в 30 м к югу от поселения № 10, № 13 — в 37 м к северу — северо-востоку от поселения № 1, № 14 — в 250 м к югу — юго-западу от поселения № 11.

⁷ В предыдущие годы на поселении № 1 были заложены четыре раскопа, в связи с этим мы начинаем нумерацию раскопов, заложенных в 1981 г., с цифры «V».

⁸ Дукеев Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982. Рис. 3.

Представляет собой лессовый холм почти овальной формы, вытянутый в меридиональном направлении более чем на 230 м, в широтном — на 25 м. Высота его — 5 м от уровня воды водохранилища. До начала раскопок на поверхности поселения было собрано около 160 фрагментов керамики, большая часть которой относится к бургулюкской культуре, меньшая — к каунчинской и раннему средневековью. В числе фрагментов очень интересная серия черепков с черным изломом, которую можно рассматривать как переходную от бургулюкской керамики к каунчинской⁹, выявлена одна стенка с отпечатками ткани на внутренней поверхности.

Бургулюкская керамика представлена в основном четырьмя типами: горшками, котлами, мисками и чашечками. На местах котлованов прослеживаются углубления, в большинстве случаев совпадающие с планом жилищ. Иногда на поверхности видны округлые контуры от хозяйственных ям.

На поселении № 12 раскопано 6 жилищ и две хозяйственные ямы.

Жилище № 1 расположено в 50 м к югу от северного края поселения, в 6 м к западу от обрыва Туябугузского водохранилища. Оно состоит из двух комнат, соединенных между собой узким коридором. Ориентировано с запада на восток.

Западная часть жилищ в плане — округлой формы, диаметр — 3,1 м, глубина котлована 0,45 м. На полу у юго-восточной стены обнаружены остатки очага, заполненного золой. Стенки очага прокалены до темно-коричневого цвета. Размеры очага — 1×1 м. В заполнении комнаты — светло-желтый лесс средней плотности. Никаких находок не выявлено.

Восточная часть жилища — в плане прямоугольной формы, площадь — 2,8×1,7 м, глубина котлована — 0,3 м. В юго-восточной части комнаты находился очаг округлой формы диаметром 0,75 м, глубиной 0,25 м. Сравнительно хорошо сохранилась южная стенка очага, ее ширина 0,15 м. В восточной стене прослеживается вход в комнату со стороны Туябугузского водохранилища. Ширина входа — 1 м. Ширина северной стены равна 0,75 м. Около входа у восточной стены на полу неподалеку от первого очага обнаружены остатки второго в виде пятна темно-коричневого цвета диаметром 0,5 м. В северо-западной части на полу найдено скопление костей крупного парнокопытного животного. В заполнении помещения — рыхлый лесс темно-коричневого цвета. В нем и на полу обнаружено 16 фрагментов лепной керамики бургулюкского типа и 24 кости животных.

Ширина коридора, соединяющего оба помещения — 1,1 м, длина — 3,1 м, глубина — 0,45 м. В северной стене его обнаружена ниша округлой формы диаметром 0,8 м, глубиной 0,55 м. В нише найден большой фрагмент котла с ручкой-налепом, силь-

⁹ Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С. 43—53.

но закопченной наружной поверхностью, а рядом с ним — несколько костей животных. Других археологических материалов в процессе исследования коридора не обнаружено. В заполнении коридора — рыхлый лесс темно-коричневого цвета.

Жилище № 2 находится в 25 м к югу от жилища № 1, непосредственно под обрывом водохранилища. В плане — овальной формы, ориентировано с запада на восток. Площадь его — $5,25 \times 2,9$ м, глубина котлована — 1,2 м. Восточная стена со входом размыта водой водохранилища. Пол ровный. В восточной части жилища на полу обнаружены остатки очага диаметром 1,35 м, заполненного мелкими кусками сырцовых кирпичей, обожженных до красноты. Стены очага сохранились в высоту на 0,1 м. Культурный слой до глубины 0,45 м состоит из плотного лесса желтоватого цвета, ниже до пола — рыхлый лесс темно-коричневого цвета. Выявлено всего четыре фрагмента лепной керамики бургулюкского типа.

Жилище № 3 расположено в 62 м к югу — юго-западу от жилища № 2, под обрывом водохранилища. В плане — почти трапециевидной формы, ориентировано с запада на восток. Площадь его $5,6 \times 3,8 \times 2$ м, глубина котлована 2 м. В южной стене обнаружена ниша размерами $0,7 \times 0,45$ м, высотой 0,7 м. На расстоянии 2,1 м от восточного края жилища на полу выявлены остатки очага в виде коричневого пятна диаметром 0,5 м. Восточная стена вместе со входом размыта водой. Культурный слой до глубины 1,5 м состоит из лесса светло-желтого цвета средней плотности, ниже до пола — рыхлого лесса темно-коричневого цвета. В заполнении жилища выявлено 16 фрагментов лепной керамики бургулюкского типа и 4 обломка глины, обожженной до красноты.

Жилище № 4 находится в 14 м к северо-востоку от жилища № 3 под обрывом водохранилища, на расстоянии 3,5 м к востоку от его края. От жилища сохранилась лишь западная половина, восточная вместе со входом размыта водой. Размеры сохранившейся части: площадь $2,6 \times 2,1$ м, глубина котлована — 1,4 м. Культурный слой до глубины 0,4 м состоит из лесса светло-желтого цвета средней плотности, ниже до пола — рыхлого лесса темно-коричневого цвета. Выявлено всего 7 фрагментов лепной керамики бургулюкского типа.

Жилище № 5 расположено в 9 м к северу от жилища № 3, в плане почти квадратной формы. Площадь его — $2,45 \times 2,35$ м, глубина котлована — 0,6 м. Сохранились все стены жилища. С восточной стороны находится вход шириной 0,6 м. Почти посередине жилища на расстоянии 0,3 м от южной стены, 0,8 м — от северной обнаружена яма овальной формы с удлинением с одной стороны. Диаметр округлой части 1 м, ширина прямоугольной — 0,4 м, длина — 1,1 м. На глубину 1 м выявлены скопления костей лошади, расположенных в беспорядке. Вследствие того, что грунт внутри ямы сырой, хорошо сохранились лишь зубы и

стопа ноги. Около черепа лошади найден лепной фрагмент горшковидного сосуда бургулюкского облика. В заполнении жилища — лесс средней плотности желтоватого цвета. В жилище найдены пять лепных фрагментов керамики бургулюкского типа.

Жилище № 6 находится в 14 м к северу — северо-востоку от жилища № 5 на краю обрыва водохранилища, состоит из двух комнат: западной и восточной.

Восточная часть жилища в плане — почти овальной формы, площадь его — $3,85 \times 1,45$ м, глубина котлована — 1 м. Комната имеет два входа: один, со стороны обрыва, шириной 0,7 м, второй, в западное помещение, шириной 0,6 м. В заполнении помещения до глубины 0,55 м — лесс желтоватого цвета средней плотности, ниже до пола — рыхлый лесс темно-коричневого цвета. Следы очагов и находок не обнаружены.

Западная часть жилища в плане — неправильной квадратной формы, площадь его — $2,5 \times 1,6$ м, глубина котлована — 1,2 м. Комната сужается к востоку. Ширина комнаты у западной стены 1,75 м, у прохода в восточной части — 0,6 м. В северо-западном углу находится ниша шириной 0,95 м, высотой 1,2 м. Она прослеживается от дневной поверхности до пола. В заполнении помещения до глубины 0,6 м — лесс желтоватого цвета средней плотности, ниже до пола — рыхлый лесс темно-коричневого цвета. В заполнении помещения найдены пять лепных фрагментов керамики бургулюкского типа, два небольших обломка костей животных, четыре куски глины, обожженных до розовато-красного цвета.

Кроме этих шести жилищ на поселении № 12 исследованы две хозяйственные ямы.

Первая хозяйственная яма находится в 4 м к северу от жилища № 1, имеет округлую форму, размеры ее 60×70 см, глубина — 35 см. В заполнении ямы — рыхлый лесс темно-коричневого цвета. В яме выявлены пять лепных фрагментов котлов бургулюкского облика с сильно закопченной наружной поверхностью, терка для растирания красок, два маленьких обломка костей животных и четыре булыжника.

Вторая хозяйственная яма расположена в 2 м к югу от первой. Она имеет овальную форму, размеры ее — $1,65 \times 1$ м, глубина — 0,5 м. В заполнении ямы — лесс темно-коричневого цвета. В яме найдено 18 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика — обломков мисок и котлов, а также фрагмент зернотерки и обломок кости животного.

Как указывалось выше, во время археологической разведки были выявлены еще два бургулюкских поселения — № 13 и 14. Поскольку на поверхности этих памятников следы жилищ или хозяйственных ям не наблюдаются, археологические раскопки на них не проводились.

Поселение № 13 расположено в 20 м к северо-востоку от поселения № 1. Оно представляет собой лессовый холм овальной формы, вытянутый в меридиональном направлении более чем на

105 м, широтном — на 40 м, имеет высоту 3,5 м. На поверхности поселения собрано более 200 фрагментов керамики и два обломка зернотерок. Половина фрагментов керамики относится к бургулюкской культуре (в основном принадлежит мискам и котлам с носиком-сливом), остальная часть — к каунчинской культуре и средневековью. В числе последних — мелкие фрагменты поливной керамики IX—X вв. Керамика бургулюкского типа встречалась в основном на нижней террасе, около воды водохранилища, а средневековые материалы — на верхней. На верхней террасе в средневековом материале был обнаружен закопанный в землю острием вниз железный наконечник копья — листовидной формы с уплощенным, узким пером и сравнительно длинной втулкой, которая сужается в направлении к лезвию и расширяется в нижней части. Из общей длины копья — 32 см — на втулку приходится 18,5 см, ее диаметр — 3 см. Ширина пера — 3 см, толщина лезвия — 1 мм. Копья такого типа обычно датируются в пределах VII—XI вв.

Поселение № 14 находится на левобережье р. Ахангаран, в 250 м к югу — юго-западу от поселения № 11. Памятник этот состоит из двух лессовых холмов, отстоящих друг от друга на 25—30 м. Первый из холмов (южный) — овальной формы, вытянутый в меридиональном направлении более чем на 60 м, в широтном — на 40 м, высотой 3,5 м от уровня воды водохранилища. Второй, расположенный севернее первого, почти прямоугольной формы, вытянутый в меридиональном направлении более чем на 95 м, в широтном — на 55 м, высотой 4 м. На поверхности первого холма найдено всего пять фрагментов лепной керамики бургулюкского типа, на поверхности второго — более 50, среди них три принадлежат сосудам, выработанным на гончарном круге и относящимся к раннесредневековому времени, остальные — лепные, бургулюкского облика, три фрагмента — расписная керамика. По серому или розоватому фону нанесен геометрический орнамент темно-красной краской. Кроме керамики на поверхности второго холма найдено бронзовое шило.

На поверхности цитадели и шахристана 1 Кендыктепе¹⁰ собран подъемный материал. Большая часть его относится к каунчинской культуре и средневековью: это керамика, каменные орудия, медные монеты, меньшая — к бургулюкской культуре. Фрагменты бургулюкской керамики представлены круглодонными, лепными мисками, котлами, горшковидными сосудами. Но особый интерес представляет каменный серп чустского типа. Подобный серп впервые найден на памятниках бургулюкской культуры Ташкентского региона.

Как видно из описания бургулюкского материала, собранного в 1981—1982 гг., почти весь он относится к керамике, кроме

¹⁰ Буряков Ю. Ф., Дуке Х. И. Указ. соч. С. 93—112.

бронзовых бляхи и шила, литейной формы, каменного серпа, зернотерки и терки для растирания красок.

Бронзовая бляха — округлой формы, массивная, литая, неорнаментированная, слегка выпуклая с одной стороны, с ушком-петелькой для прикрепления к ремню на обратной стороне. Диаметр ее — 5,5 см, толщина — 5 мм. Подобные бляхи, по-видимо-

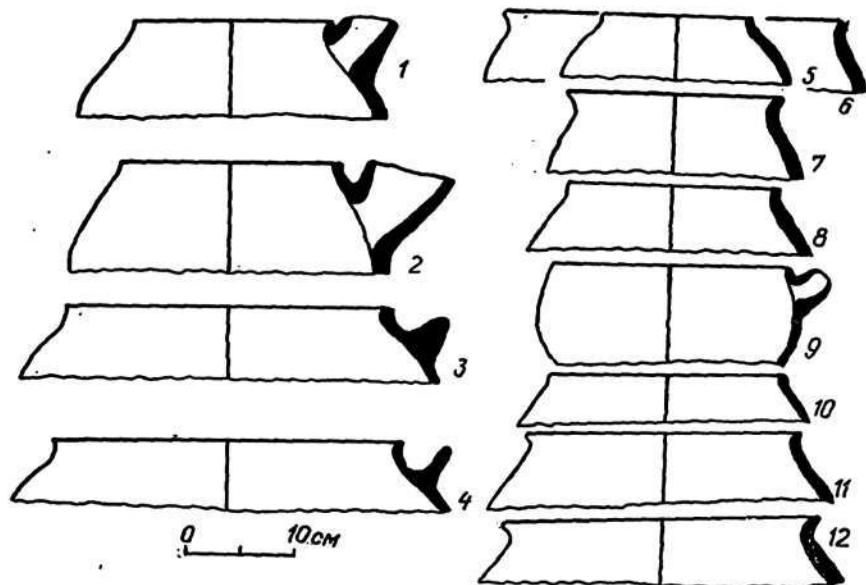

Рис. 1. Основные виды бургулюкской керамики.

му, составляли часть набора конской узда. Идентична бляхе из клада у с. Бричмуллы Ташкентской области¹¹.

Бронзовое шило — четырехгранное, в поперечном сечении подквадратное. Изогнуто по длине. Один конец заострен, второй слегка отломан. Размеры: длина — 110 мм, сечение средней части — 4×4 мм.

Фрагмент каменного серпа — со слабо изогнутой спинкой, один конец закруглен, второй отломан. Размеры — 10×3,5×1 см. Аналогичен каменным серпам чустской культуры Ферганы¹² и поселения Кучуктепе Сурхандарьинской области¹³.

Обломок каменной литейной формы для отливки втульчатого наконечника стрелы и рукояти ножа или кинжала (?). Размеры — 11,5×7×5 см.

¹¹ Тереножкин А. И. Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бричмуллы близ Ташкента//СА. 1962. № 3. Рис. 2, 5.

¹² Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА. 118. М.—Л., 1962. Рис. 12.

¹³ Аскарров А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979. Табл. 22.

Общее количество фрагментов керамики, найденных за указанный период, составило около 600. Для бургулюкской культуры характерно ограниченное количество форм универсального назначения:

лепные, круглодонные, полусферической формы котлы со слегка или сильно отогнутым наружу венчиком. Черепок в изломе кирпичного, реже коричневого цвета. В верхней части большин-

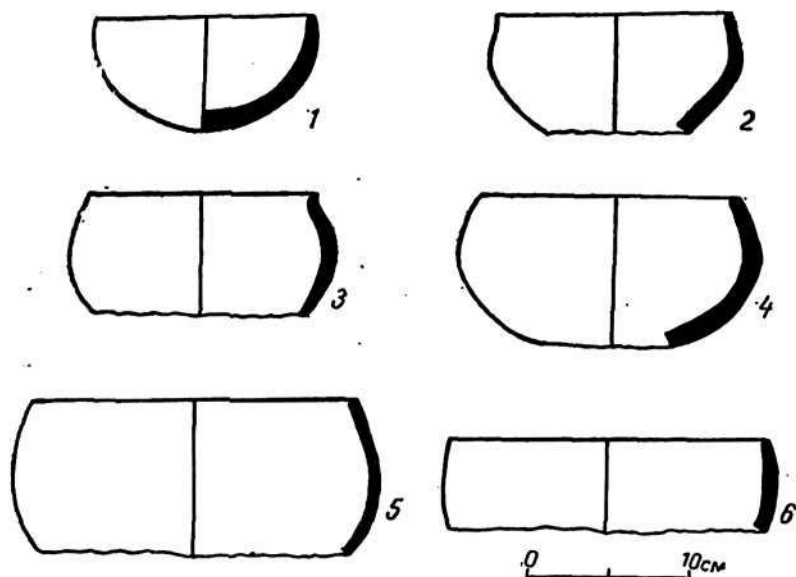

Рис. 2. Основные виды бургулюкской керамики.

ства котлов под венчиком расположен носик-слив или горизонтальная ручка-выступ (рис. 1, 1—4). Верхний край носика почти всегда находится на одной плоскости с венчиком;

лепные круглодонные горшки с округлым туловом и невысокой горловиной (рис. 1, 5, 8, 10, 11). Часть горшков — с прямым венчиком, другая — с отогнутым наружу. Черепок в изломе красного цвета разных оттенков. Некоторые горшки, как и котлы, имеют под венчиком с одной стороны носик-слив, с другой — горизонтальную ручку-выступ, но меньших размеров, чем у котлов. Часть горшков формовалась на матерчатом шаблоне, о чем свидетельствуют отпечатки ткани на внутренней поверхности более чем на 70 фрагментах;

полусферические круглодонные миски со сравнительно большим диаметром венчика. У большинства мисок венчик слегка вогнут внутрь (рис. 2, 4—6), иногда слегка отогнут наружу (рис. 2, 2, 3). Черепок в изломе розоватый или коричневый;

круглодонные, полусферической формы чаши. Стенки чаш, сужаясь к венчику, утолщаются в придонной части. Венчик слег-

ка вогнут внутрь (рис. 2, 1). Часть чашек, как и мисок, сформована на матерчатом шаблоне.

В свое время мы датировали бургулюкский комплекс в зоне затопления Туябугузского водохранилища IX—VII вв. до н. э.¹⁴ Археологические материалы, добытые в 1981—1982 гг., не отрицают эту дату, а, наоборот, подтверждают ее.

Важнейшие результаты исследований, которые были проведены в указанные годы в зоне затопления Туябугузского водохранилища, таковы:

подтверждено, что поселение бургулюкской культуры № 1 было обнесено оборонительной стеной из прямоугольных сырцовых кирпичей размерами 43—40×24×12 см. Это древнейшая стена на территории Чача;

на левобережье р. Ахангаран обнаружены три новых поселения бургулюкской культуры;

впервые найдена литейная форма и каменный серп чувстского типа.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ШОРТЕПЕ

В 1963—1965 гг. Узбекская искусствоведческая экспедиция осуществляла исследования Шортепе, расположенного к северо-западу от Термеза в Ангорском районе (участок Карасу)¹.

Названием «Солончаковый бугор» тепе обязано близкому стоянию грунтовых вод, вызвавшему подтягивание солей, которые покрывают его поверхность пухлым слоем белесой пушонки.

Шортепе имеет вид прямоугольного, почти плоского бугра с крутыми скосами граней (125×100 м — в основании, 105×90 м — вверху). Его желтоглиняный массив возвышается на 4,5 м над хлопковым полем, но культурные слои, как показали стратиграфические шурфы, находятся на три метра ниже. Ориентация тепе — со склонением на 35° к странам света, вход располагался в центре северо-восточного фаса. Площадь вокруг Шортепе давно распахана; весной на вырытых грядках видны керамические черепки, но распространение их вне бугра незначительно — в основном отмечается в западном направлении на 200—250 м. По-видимому, у подножья главного архитектурного комплекса распола-

¹⁴ Буряков Ю. Ф., Дукеев Х. И. Указ. соч. С. 89; Дукеев Х. Туябугузские поселения.... С. 71.

¹ Работы производились под общим руководством автора статьи при постоянном участии раскопок Д. Г. Сидоровой и временном участии Б. Тургунова, Ш. Ташходжаева, Н. Абдуллаева, Л. Жуковой. Краткую характеристику памятника см.: Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 97. Рис. 16, 17.

гались подсобно-хозяйственные строения, но поселения вокруг него не было. Как сообщили нам колхозники, в 1960 г. близ восточного угла тепе при прокладке арыка бульдозером были вывернуты терракотовые гробики (?) с плоскими крышками и костными останками внутри. Позднее весь прилежащий участок стал

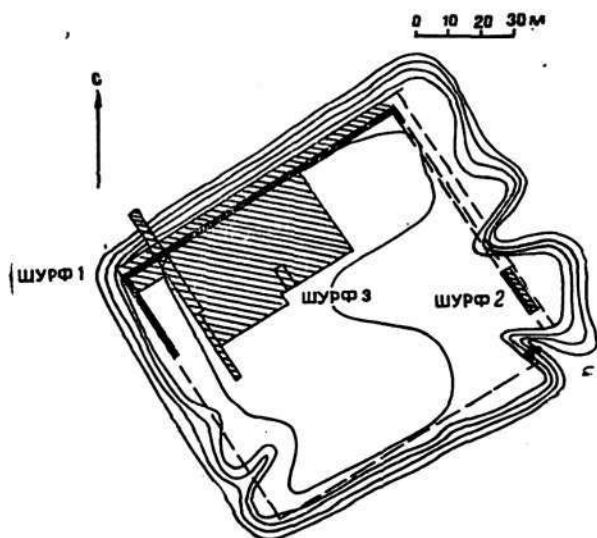

Рис. 1. Шортепе. План. Штриховкой обозначена площадь раскопа, черной линией — вскрытые участки ограждающей стены.

практически недоступен для исследования, так как был возделан под хлопок.

Шортепинский комплекс административно, видимо, тяготел не к Термезу, от которого находится на значительном расстоянии, а к другому крупному античному городу Термезского округа — Зартепе, расположенному всего лишь в 10 км².

В результате раскопок вскрыта северо-западная четверть тепе в его верхнем горизонте, включающая 56 помещений, местами осуществлены углубления в нижележащий строительный горизонт, опущены три стратиграфических шурфа. Все это в сумме дало возможность проследить четкую последовательность культурных слоев и определить периодизацию памятника, включающую шесть основных периодов — от Шт-1 до Шт-6, некоторые — с промежуточными в них этапами.

² Альбаум Л. И. Некоторые данные по изучению Ангорской группы археологических памятников (1948—1949) // ТИИА АН УзССР. Т. 7. Ташкент, 1955; Он же. Балалык-тепе. Ташкент, 1960; Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974; Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976.

Остановимся на стратиграфических шурфах. Два из них связаны с главным раскопом — шурф № 1 опущен внутри и вне выявленной здесь древней внешней стены, № 3 — в центральной группе помещений (комната 36), № 2 — у северо-восточного фасада тепе. Целью закладки последнего, помимо стратиграфии, было также выявление на этом участке внешних ограждений архитектурного комплекса. Шурфы № 2 и 3 были опущены в глубину на 7—7,5 м от дневной поверхности, причем культурный слой, хотя и слабо насыщенный археологическим материалом, еще продолжался. Добраться до материка нам не удалось из-за наличия грунтовых вод: вскрытие последнего метра велось в сплошной жиже солоноватой воды и лесса.

Шурфы дали сложную, но отчетливую стратиграфию последовательной смены археологических горизонтов. Ниже приведено их описание, которое ведется относительно нулевого репера, избранного на высшей точке холма у триангуляционного знака.

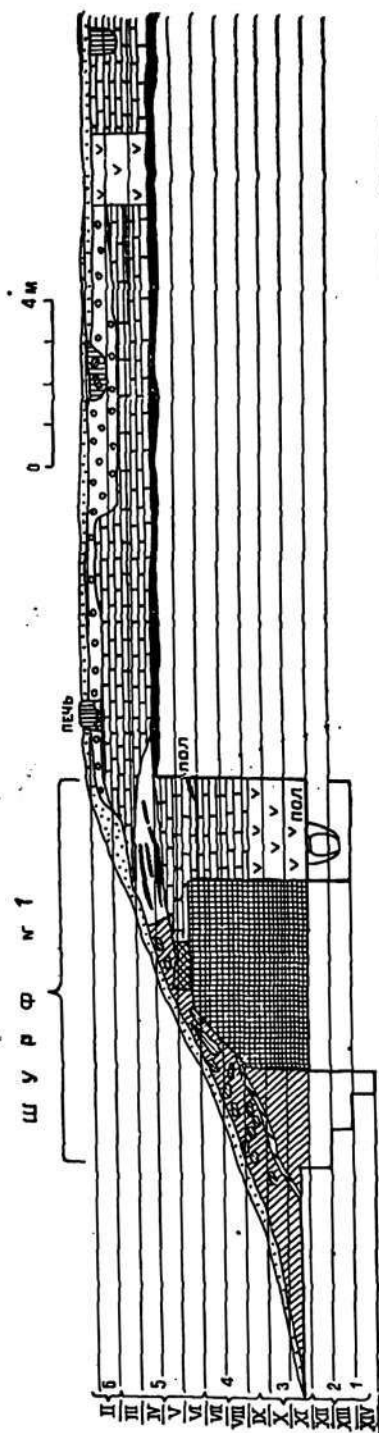
Шурф № 1. На отметках 6,3—5,5 м залегает слой глины. В нем обнаружена нижняя половина очень крупного хума (диаметр 90 см), в которой стоял целиком сохранившийся хум поменьше (диаметр 52 см, высота — 72 см). На отметке 5,5—5,45 м находится уплотненный глинобитный пол. С этого же уровня начинается мощная внешняя ограждающая стена толщиной 4,5 м, выведенная из однородной, без примесей, плотной пахсы. Над полом скопился рыхлый завал (отметки 5,45—4,15 м) с керамическими фрагментами, глиняными грузилами и др. Над завалом на каком-то этапе перестроек перпендикулярно к внешней стене была возведена стена из сырца (36×36×12—14 см); та и другая обрываются по высоте на отметке 2,75 м. Над сырцовой стеной виден ряд разрушенного кирпича, а вне ограждающей стены — оползающий комковатый завал разрушенной пахсы.

В период существенных перестроек гребни старых стен использовались как основания при возведении новых: примерно посередине пахсовой стены возведена уже не столь капитальная пахсовая стена толщиной 1,3 см, над поперечной сырцовой — стена из сырца (31—32×31—32×10—11 см), сохранившаяся на отметке 2,5—2 м.

Перестройки эти погибли от пожара, о чем свидетельствует содержание шестидесятисантиметрового слоя, прослеженного не только в шурфе (отметки 2,15—1,5 м), но и в главном раскопе на протяжении почти 20 м в юго-восточном направлении.

Над слоем пожара были воздвигнуты новые капитальные сооружения. В шурфе выявлена начинающаяся на отметке 2 м и сохранившаяся по высоте на 1—1,5 метра поперечная стена толщиной 90 см, сложенная из сырца (32—33×32—33×10 см) и вскрытая на протяжении 40 см. Судя по наружному оплыву разрушенных сырцовых кладок, из такого же кирпича была возведена, с отступами относительно более древней, другая внешняя стена. Поперечная же стена предшествующего времени частично

использовалась в последний период обживания Шортепе (отметки 1,2—0,4 м). В шурфе слои этого периода содержат то комковатую, то рыхлую серую глину со всевозможными вещественными включениями, остатками небольшой керамической печки, возведенной на гребне стены предыдущего периода, и вкопанными с южной стороны от нее хурами.

Закладка шурфа № 2 позволила выявить внешние стены северо-восточного фаса Шортепе. В пределах 5,5—3,2 м от репера следует мощная кладка стены из сырца квадратной формы (36—37×36—37×12—14 см), разрушенная в верхних рядах. Над нею на отметке 3,2—2,5 м не параллельно, а чуть наискосок находится метровая по толщине стена из сырца (32—33×32—33×10—10,5 см), с внешней стороны которой образовался плотный завал глины с включением керамических фрагментов. В разрушенные со временем сырцовые ряды стены на отметках 2,5—1,9 м включились зеленоватые слои сгнивших органических остатков. Все это перекрыла другая стена такой же толщины и из сырца того же формата (отметки 1,95—1,5 м). Над нею (на отметке 1,5—1 м) следуют рыхлые отвалы и большой зольник; сверху на 20—25 см — слой пушонки.

Шурф № 3, заложенный в северо-восточной части комнат № 42 и 51, оказался чрезвычайно содержательным в стратиграфическом от-

Рис. 2. Разрез и шурф I:

1 — кирпичная кладка стен; 2 — разрушенный сырцовый кирпич; 3 — комковатый серый слой; 4 — рыхлая земля с включением угольков и гипса; 5 — рыхлый завал; 6 — пахсовая стена III периода; 7 — пахсовая стена IV периода; 8 — завал из разрушенной пахсы; 9 — зеленый слой органических остатков; 10 — чистый лесс; 11 — зольники, слои пожара; 12 — пушонка.

ношении, так как в нем особенно отчетливо выделяются различные уровни обживания и запустения памятника.

На отметках 7,9—7,1 м (где при выемке грунта тотчас же скапливались подпочвенные воды) находится слой глины с мно-

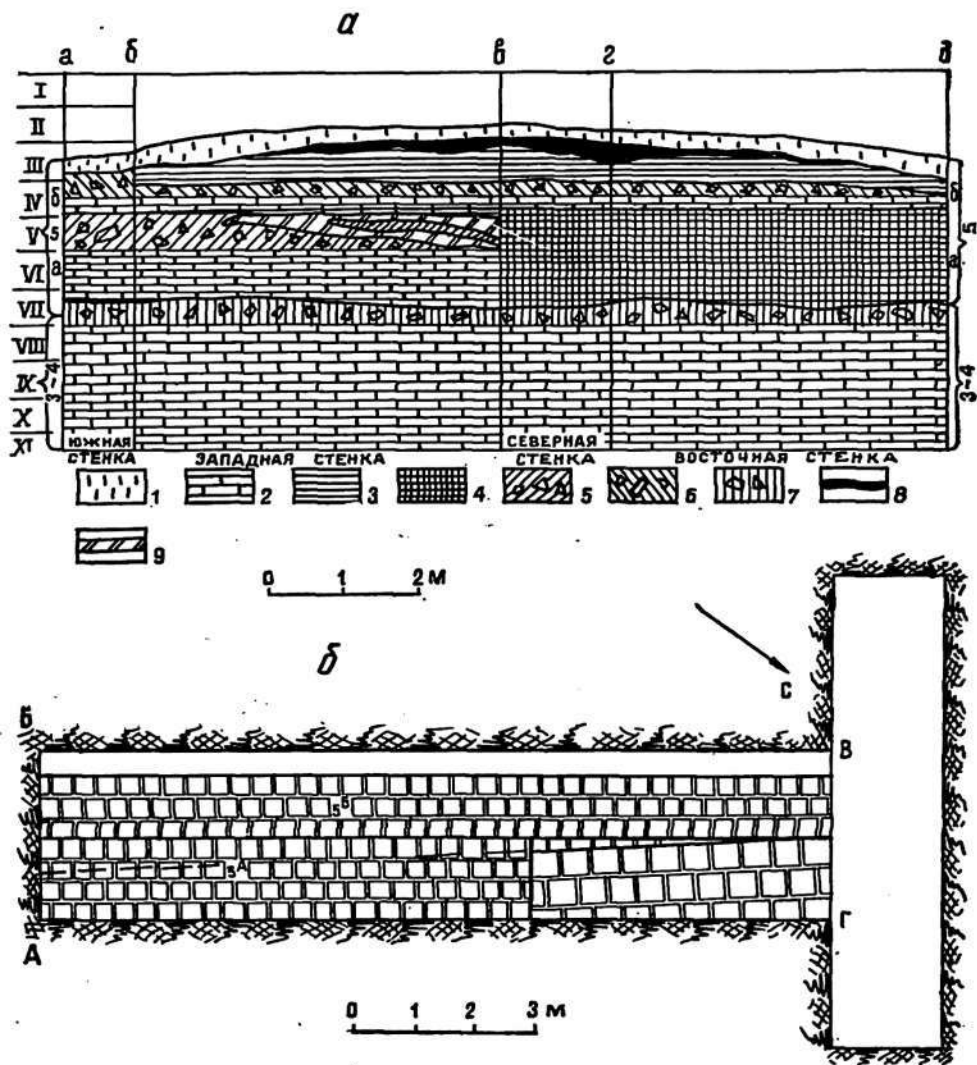

Рис. 3. Шурф № 2:

a — развертка; *б* — плай. 1 — пушонка; 2 — сырец; 3 — рыхлый завал; 4 — плотный завал; 5 — разрушенный сырец стены периода 5б; 6 — разрушенный сырец стены периода 3-4; 7 — разрушенный сырец стены периода 3-4; 8 — зольник; 9 — зеленые слои сгнивших органических остатков.

гочисленными угольками. Наиболее велика его толщина наверху, где она достигает 10—12 см. Над ним — уплотненный уровень, с которого в нижележащий слой были наполовину вкопаны

два крупных хума. Над этим уровнем — слой чистой глины, по-видимому, от разрушения пахсовых стен, перемежающихся зеленоватыми линзами органических остатков (отметки 7—6,1 м), поверх которого лежит слой надувного песка толщиной 10—15 см. В пределах отметок 6—5,2 м — плотный слой с обильным включением керамики, костей животных и прочих бытовых ос-

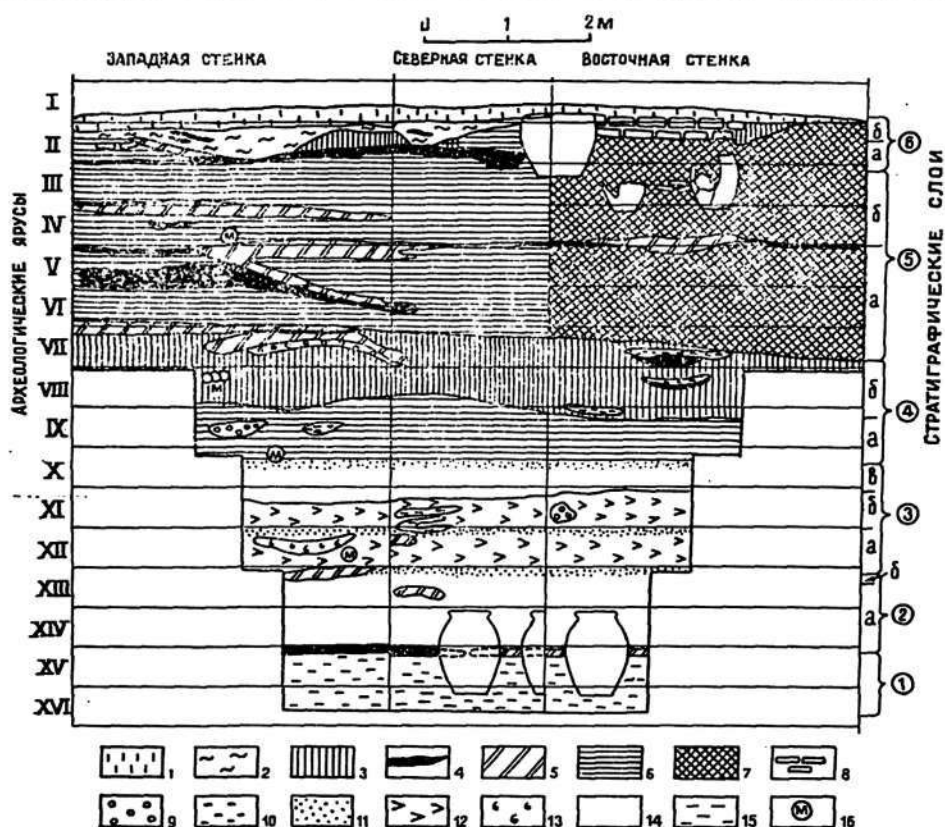

Рис. 4. Шурф № 3. Развертка:

1 — пушонка; 2 — натежно-надувной слой; 3 — рыхлый слой; 4 — горелый слой; 5 — зеленый слой органических остатков; 6 — плотный завал; 7 — пахсовая стена; 8 — сырец; 9 — комковатый завал; 10 — угольки; 11 — песок; 12 — плотная глина с включениями керамики; 13 — рыхлый слой с включениями костей; 14 — чистый лес; 15 — грунтовые воды; 16 — монета.

татков. Этап заброса характеризуют почти чистая глина (5,7—5,3 м) и надувной песок (5,3—5,2 м).

Следующий стратиграфический горизонт отмечен появлением уплотненного уровня, над которым идет рыхлый завал (от 4 до 3,4—3 м) с обильными культурными остатками.

Новый стратиграфический период ознаменован возведением стен, одна из которых — пахсовая, толщиной 2,4 м — обнаружена в северо-восточной части шурфа. Функционировала она на

протяжении длительного времени. Основание стены и наклонно лежащий пол находятся на отметках 3,2—3 м, а гребень ее — на 0,6—0,5 м. В заполнении помещения выделяется плотный слой с большим включением горелых остатков и угольных скоплений — явные следы пожара. На отметке 2 м появляется уплотненный уровень нового пола, над которым следует почти метровый плотный завал с керамикой и иными остатками.

Следующий стратиграфический уровень лежит на отметке 1—0,9 м. Здесь в уплотненный пол было врыто два хума, один из которых, хотя и раздавленный, сохранился почти до плечиков, а от другого осталось лишь днище. Над полом до отметки 0,5 м прослеживаются зольники, рыхлые и плотные завалы глины, натечно-надувные слои. На каком-то этапе был отремонтирован верх пахсовой стены, выстелена подкладка из рыхловатого сырца (30×30×10 см) и повышен на 30 см уровень пола, в который врыт хум, сохранившийся по высоте на три четверти. Выше — до отметки 0,4—0,3 м — следует слой пушонки.

Для характеристики верхнего строительного горизонта многое дал большой раскоп в северо-западной части городища, на описании которого остановимся позднее.

На основе археологических комплексов³, в частности монетных находок⁴, стратиграфия Шортеле четко датирована.

Шт-1 и Шт-2. С одним из этих горизонтов соотносится монета Евтидема (230—200 гг. до н. э.), обнаруженная в кладке стены на северо-западном склоне тепе, куда она, несомненно, попала при перестройках из нижних слоев, поскольку землю для пахсы брали здесь же, у Шортеле.

Другой датирующий предмет — трехгранный бронзовый наконечник стрелы с открытой втулкой. Такие наконечники встречены в Фергане⁵ и Хорезме⁶; их принято датировать VI—IV вв. до н. э. Однако они сосуществовали с железными и позднее — в частности комплект подобных бронзовых и мелких трехлопастных черешковых железных наконечников стрел был найден в одном из помещений «квадратного дома» Старой Нисы — царского хранилища, предметы в заполнении которого относятся в основном к III—II вв. до н. э.

С одним из нижних горизонтов Шортеле связан фрагмент оббитой профилировки волюты, попавшей под пол верхнего помещения № 40. Она выточена на плоском куске мраморовидной

³ К сожалению, основные археологические материалы из разных горизонтов Шортеле исчезли при сносе пострадавших во время землетрясения 1966 г. помещений, где располагался Институт искусствознания.

⁴ Монеты из Шортеле (все медные) уже опубликованы, поэтому в данной статье их описание не приводится (См.: Пугаченкова Г. А. К стратиграфии новых монетных находок в северной Бактрии//ВДИ. 1967. № 3).

⁵ Гамбург Б. З., Горбунова И. Г. Айртамский могильник//КСИИМК. Вып. 69. 1957. С. 83, 86. Рис. 29.

⁶ Труновская С. А. Изделия из металла, кости, камня, стекла и других материалов//Кой-Крылган-кала. ТХАЭ. Т. 5. М., 1967. С. 134. Рис. 53.

породы и, видимо, являлась частью декоративной (а не несущей) капители пилястра. Сохранился небольшой глазок, развертывающаяся от него спираль высокого рельефа в среднем витке и плоская — в крайнем. На тыльной стороне глубокое гнездо (1,5×1,5×2 см) для закрепления на инструменте вращения, а затем на стене. Волюта явно принадлежала ионической, а не коринфизированной капители, по форме она близка к классическому ордеру, а не к тем видоизмененным и несколько грубоватым волютам, которые широко известны в архитектуре кушанской Бактрии (Айртам, Хатын-Рабат, Термез). Близость к греческой ионике позволяет отнести фрагмент к греко-бактрийскому времени.

Керамика из нижних горизонтов Шт-1 и 2 представлена мало-выразительными фрагментами. Их отличает высокое качество черепка, обычно красноватого цвета, со светлоангобным, реже — красноангобным покрытием и слабым лощением. Характерен фрагмент сероглиняного донца с выгнутой кольцевой ножкой. По форме он аналогичен основаниям кратерообразных сосудов из Ай-Ханума⁷. Сероглиняная керамика на этом греко-бактрийском городище составляет до 15%⁸. В шурфе № 3 в горизонте Шт-2 оказалось два хума, наполовину врытых в пол — оба традиционной для Северной Бактрии эллипсоидной формы, с выпуклым венчиком, покрытые светлым ангобом.

Вслед за этапом запустения (Шт-2а), о котором свидетельствует метровый слой глины и надувного песка, началось новое обживание пункта (период Шт-3). Датировка четко определяется монетой варварского Гелиокла (конец II—I вв. до н. э.) непосредственно из слоя Шт-3; две монеты этого типа попали также в замес кирпичей вышележащей постройки.

Среди фрагментов керамики из слоя Шт-3 имеются ножки бокалов или кубков с расширенным выемчатым основанием, разнообразно профилированные при переходе к резервуару (форма последнего неясна, хотя и имеются обломки его стенок). Черепок очень плотный, светло-кофейного или кирпичного цвета, ангоб — от ярко-красного до вишневого. В числе керамики — небольшой грушевидный кувшин с плоским дном, без ручек, с выделенным двумя валиками венчиком, туалетный сосудик с сильно расширенным к плоскому дну туловом; часть плоской крышки с лепной ручкой в центре, на которой с обеих сторон по две вмятины для упора пальцев; плоское профилированное пряслице из полупрозрачного алабастра.

Стратиграфический горизонт Шт-4 отделен от предшествующих слоев глины и надувного песка. Этот этап запустения связан, возможно, с начальной порой борьбы Кушан за утверждение их абсолютной власти при Герае или Кадфизе I (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.). Сам период Шт-4 ознаменован создани-

⁷ Cardin J. C. Les céramiques. Fouilles d'Aï Khanoum//MDAFA. T. 21. Paris, 1973. P. 145. Fig. 20.

⁸ Там же. P. 126.

ем над снивелированным поверху бугром былых строений прямоугольника ограждающих стен (90×70 м) из сырца (36—37×36—37×12 см) и из пахсы. Толщина стены по северо-западному фасу на участке шурфа № 1 равна 4,5 м, но, возможно, в ней имелся внутренний коридор или отдельные камеры. Снаружи нами была осуществлена расчистка этого фаса до 8 м в длину, обнаружены щелевидные бойницы-оконца (40—41×11—12 см), расположенные через 1,2 м. Форма двух прямоугольная; у третьего — со скругленным, у четвертого — с треугольным завершением.

Внутри ограждающей стены залегает плотно насыщенный культурный слой. В его метровой толще на разных уровнях получено 5 монет чекана Кадфиза I (типа Сотер Мегас), еще одна оказалась в вышележащем горизонте и одна — подъемная.

Археологический комплекс Шт-4 количественно невелик, поскольку в основном сконцентрирован над полом на ограниченной площади в шурфах № 1 и 3 (на отметке 5—4,5 м.) Черепок сосудов очень плотный, красного или коричневого цветов. Чаши, бокалы, горшочки, парфюмерные кувшинчики покрыты красным ангобом, прочие формы — в основном светлым. Характерны бокалы на изящных ножках, варьирующих в профилировке; резервуар их, судя по фрагментам, колоколовидный, в одном случае — тюльпанообразный. Чаши — с плавно скругленным внутрь краем и петельчатым поддоном. Найден парфюмерный одноручный кувшинчик с грушевидным туловом и устойчивым плоским дном. Нижняя часть кувшина имеет выемчатый поддон. В шурфе № 1 оказался целый хум, вмазанный на гипсе в нижнюю половину какого-то другого хума. Форма эллипсоидная, дно выпуклое, профиль закраины лишь слегка выделен рельефом со вмятиной. Вблизи найдено большое число ткацких грузил из плотной необожженной глины, из них 20 штук — имеют вид толстых дисков (размеры диаметра их колеблются от 5 до 8,5 см), со сквозными отверстиями, заметно сдвинутыми относительно центра. Пять грузил — пирамидальной формы (высота 7,5—8 см, ширина основания 4—5 см). Найдены также куски зернотерок.

В период Шт-5 по линии прежних ограждающих стен, но с отступом были возведены новые внешние стены толщиной 1,8 м из сырца (32—33×32—33×10,5—11 см). К нему относится часть вскрытого нами блока помещений: коридор О, прослеженный в юго-восточном направлении на 40 м и поворачивающий вдоль внешней северо-западной стены, коридор 5, помещения 1, 2, 6, 7, 10, 11 и частично — дворик 3—4 и помещения 9, 22, 23. Стены их выведены из пахсы и из сырца упомянутого размера, оштукатурены глиной, иногда с побелкой.

В числе находок из горизонта Шт-5 — 6 монет чекана Каниш-

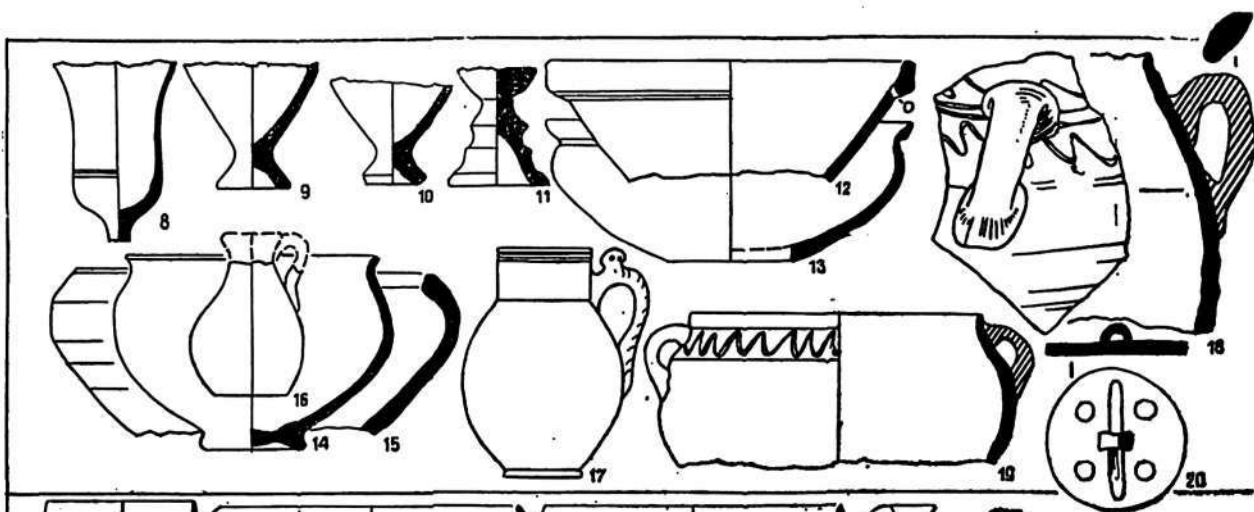
Рис. 5.

Типы керамики из шести стратиграфических горизонтов

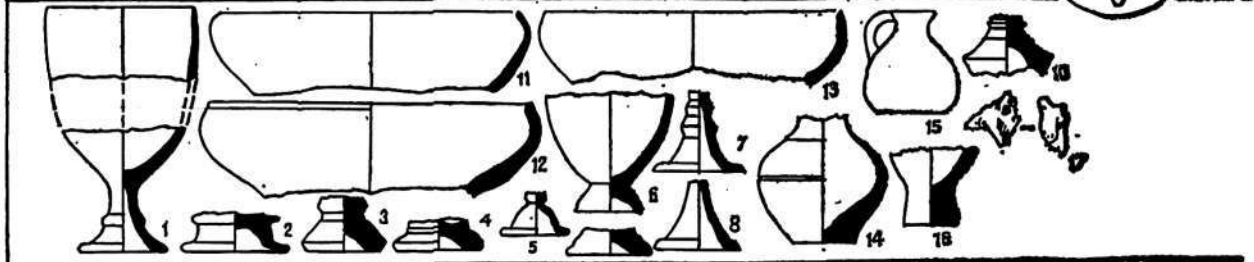
0 5 10 CM

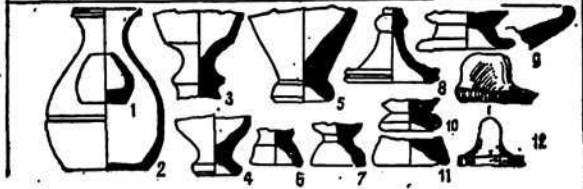
У ПЕРИОД

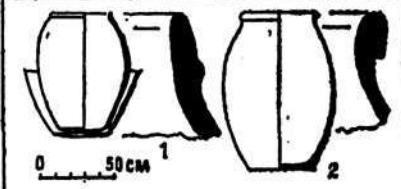
IV ПЕРИОД

III ПЕРИОД

II ПЕРИОД

I ПЕРИОД

ки (три из них с неразличимым реверсом могут быть отнесены и к чекану Кадфиза II), причем одна извлечена из кладки стены, прочие — из культурного слоя. Кроме того 4 монеты Канишки оказались в завалах вышележащего горизонта 6, куда могли попасть из разрушенных стен предшествующего периода 5.

В заполнении здания периода Шт-5 на вскрытых нами участках характерны хозяйственные отложения — с зольниками, зеле-

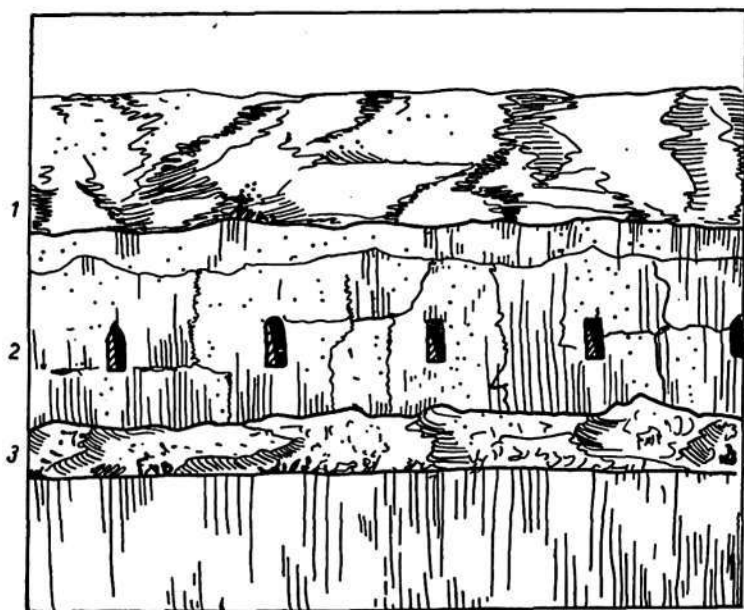

Рис. 6. Часть наружной стены периода Шт-6:

1 — оплывы; 2 — пахсовая стена с бойницами-оконцами; 3 — оплыв глины.

новатыми пятнами органических вкраплений, костями животных и т. д. В большом числе обнаружены хумы (*in situ* и в обломках), фрагменты керамики, зернотерки.

Хумы, сохранившиеся то почти на половину высоты, то в виде фрагментов, имеют эллипсоидное тулово, чуть выпуклое дно, закраину в форме утолщенного венчика с перегибом над выемом шейки. Черепок их плотный, красновато-коричневый («кирпичный»), ангоб светлый. Интересен фрагмент плечевой части хума (из двора 4), на котором врезкой нанесен зигзаг, а между его углами штампом (не очень четким) — вихревой мотив с тремя спиральями, напоминающий деталь узора на бронзовой печати из Шортеле, о которой речь пойдет ниже.

Среди других видов керамики значительно число фрагментов бокалов или кубков. Ножи небольшие, полоконические, резервуар отходит от них по конусу, общая форма его неясна, но, судя по фрагментам, сечение приострялось к краю. Черепок очень

плотный, розоватый или красный. Темно-красный ангоб нанесен с обеих сторон, но иногда лишь на внешней поверхности; есть и безангобные экземпляры.

Чаши-миски с широким, плавно скругленным сверху резервуаром, на выемчатом невысоком поддоне, внутри сплошь, а снаружи по краю покрытые красным ангобом. Интересна чашечка той же формы, но с плоским дном, со скоплением в ней темно-красной краски.

Встречены одноручные кувшинчики с грушевидным туловом и плоским дном. Имеется кратерообразная миска с широким,

Рис. 7. Небольшие кувшины: 1 — период Шт-5; 2, 3 — период Шт-6.

устойчивым поддоном. Характерен фрагмент крупного горшка (розоватый черепок и светлый ангоб) со сплюсненно-сфероидным туловом и двумя небольшими ручками вверху, на уровне которых под горловиной проходит полоса волнистого орнамента. Для горшков, вероятно, предназначались плоские крышки близкого к ним диаметра. На фрагменте одной из них в центре — петельчатый выступ, а на поверхности — широкая радиальная черта и два кружка (первоначально, вероятно, четыре).

К особой группе культовых подставок или курильниц, очевидно, относятся крупная профилированная ножка с внутренним выемом и фрагмент профилированной подставки, украшенный concentрическими рядами наколов стекой; оба экземпляра покрыты красновато-коричневым ангобом.

В комплекс Шт-5 входит и керамика с зооморфными изображениями. Таков одноручный кувшинчик с высоким поддоном и почти прямой горловиной, ручка которого оформлена как фигурка гибкого животного, повернувшего голову влево. В горизонте Шт-5 обнаружены две отбитые аналогичные ручки. Определить породу животного затруднительно, — вероятно, это обезьяна (мотив, проникший в кушанскую коропластику из Индии). Здесь же

найдена петельчатая ручка в виде не то льва, не то широкомордой собаки. Все они изготовлены из плотной красноватой глины и покрыты красным ангобом⁹. Своеобразны две красноангобированные петельчатые ручки (одна найдена во дворе 25, другая поднята на склоне тепе) в виде стилизованной фигурки животного с приподнятым длинным рыльцем, широкими ушами и кру-

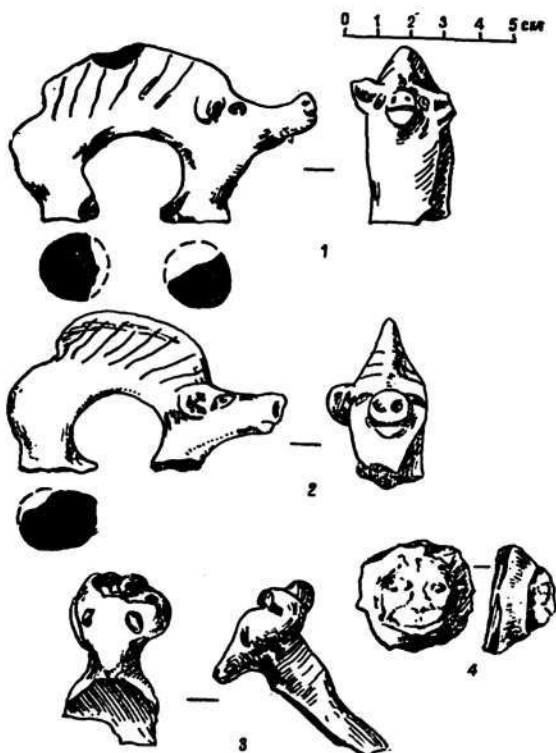

Рис. 8. Зооморфные мотивы на сосудах.

той, в параллельной штриховке, спинкой. Их считают кабанчиками, но нам представляется, что это еж, которого как зверька-змеелова всегда ценили в Средней Азии.

Имеются также фрагмент какого-то сосуда в виде головки быка с оттиском звезды надо лбом и фрагмент тонкостенного сосуда, покрытого красновато-коричневым ангобом, с наделом в виде львиной морды.

Описанные виды зооморфных украшений на сосудах известны и на других кушанских городищах по Амударье, где датировка в некоторых случаях также уточняется находками монет Ка-

⁹ Пугаченкова Г. А. Новые данные... С. 122 и сл.

Рис. 9. Две матрицы для изготовления терракотовых статуэток и оттиски с них. нишки (Древний Термез¹⁰, Халчаян¹¹, Хатын-Рабат (раскопки УзИскЭ 1964 г.) и Васудевы I (Термез¹²), или археологическим

¹⁰ Сычева Н. С. Керамика Кара-тепе//Новые находки из Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975. С. 188. Рис. 52, 53.

¹¹ Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966. С. 104.

¹² Шишкин В. А. Курган и мечеть Чар-Сутун в развалинах Старого Термеза//ТАКЭ. II. Ташкент, 1945. С. 126.

комплексом¹³. Назначение изображений — магическое. Появление их на кушанской керамике, по-видимому, в одних случаях навеяно суевериями местной скотоводческой среды, в других (обезьянки) — влиянием Индии.

С городской традицией связано изготовление терракотовых статуэток. Примечательно, что делали их здесь же, на Дальверзинтепе, о чем свидетельствует находка двух матриц. Одна (подъемная), возможно, еще раннекушанского периода Шт-4. На оттиске изображена стоящая женщина в драпирующейся тунике и гиматии эллинистического типа, с мягкой моделировкой лица и прядей волос. Другой оттиск с матрицы (к сожалению, сильно попорченной) передает более локальный образ сидящей женщины в высоком головном уборе и тяжелой накидке, причем то и другое украшено рельефными кружками. Имеется фрагмент терракоты — торс мужчины в кушанском запахнутом наискосок кафтане, с наколами, обозначающими круглые нашивные украшения. Упомянем еще рельефную мужскую головку со схематично моделированными чертами и короткими волосами, обозначенными наколами (датировка не определена).

Из отдельных находок перечислим следующие: круглая биконическая бусина из сердолика; трехлопастный черешковый железный наконечник стрелы с опущенными жальцами (они обычны в составе кушанского вооружения, в частности из находок в Бактрии); ножевидный костяной предмет — возможно ложило; десять каменных пряслиц, тщательно выточенных из полупрозрачного алабастра или мергелистого известняка, форма их варьирует от полусфероидной до дисковидной; шесть глиняных пряслиц аналогичной формы, но более крупных; несколько зернотерок — в большинстве крупных (40—45 см в длину, 20—24 см — в ширину) с ладьевидно сработанной поверхностью; продолговатые гальки — куранты; шаровидная терка с тремя сработанными до блеска плоскостями.

Здание периода Шт-5 погибло от пожара, мощный горелый слой которого заполняет соответствующие уровни в шурфах и вскрытых помещениях.

После короткого интервала в период Шт-6 на сnivelированных руинах вновь возникла сплошная застройка с многочисленными помещениями, стены которых иногда повторяют план нижележащих, но чаще возводятся на завалах, формируя иную конфигурацию. Качество строительных работ ухудшилось: стены — глинобитные, с огромным количеством в замесе глины добавок — керамических осколков, угольков, зерен гипса и прочих. Это уже не пахса, а комья-гуваля, очевидно, от простейшей глино-каркасной конструкции (доныне распространенной в народном

---

¹³ Козловский В. А., Некрасова Е. Г. Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза//Бактрийские древности. Л., 1976.

строительстве Средней Азии). Лишь изредка применялся некачественный сырец из зеленоватой глины (30×30×10 см).

Вскрыто свыше пятидесяти помещений данного периода. На всей площади тепе их число могло достигать 150.

В застройке имеются небольшие световые внутренние дворики, использовавшиеся в хозяйственных целях (№ 3, 4, 25, воз-

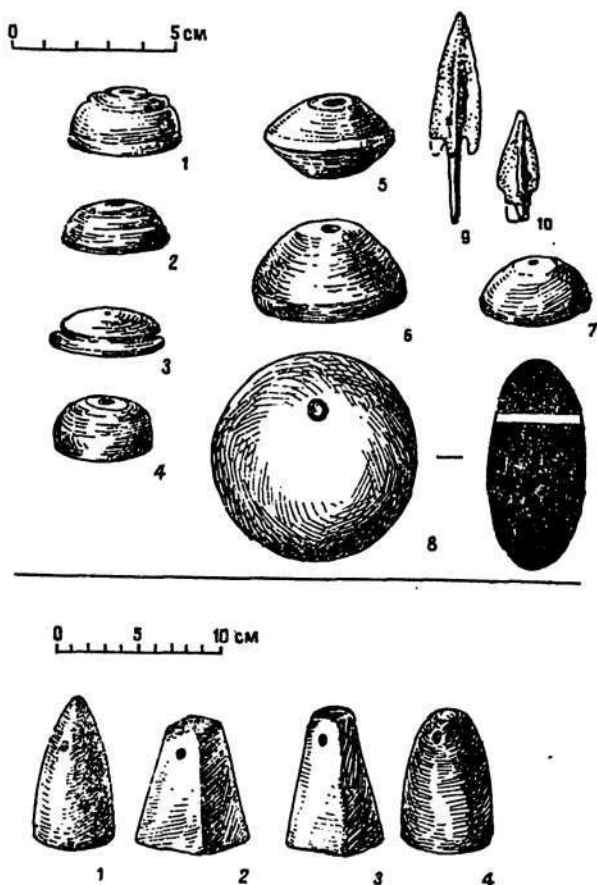

Рис. 10. Пряслица, грузила, наконечники стрел.

можно 36). Комнаты — прямоугольные и подпрямоугольные, в южном блоке связанные узкими коридорчиками (№ 18, 21, 24) и дверными проемами. Местоположение дверей из-за сохранности стен лишь на 20—40 см (не превышающих высоты порогов) в ряде помещений установить не удалось.

Вскрытая застройка является единым сплошным комплексом, причем в нем выделяется «специализация» отдельных блоков. Так, во дворике № 3 размещена небольшая продолговатая, сильно ошлакованная производственная печь, напоминающая

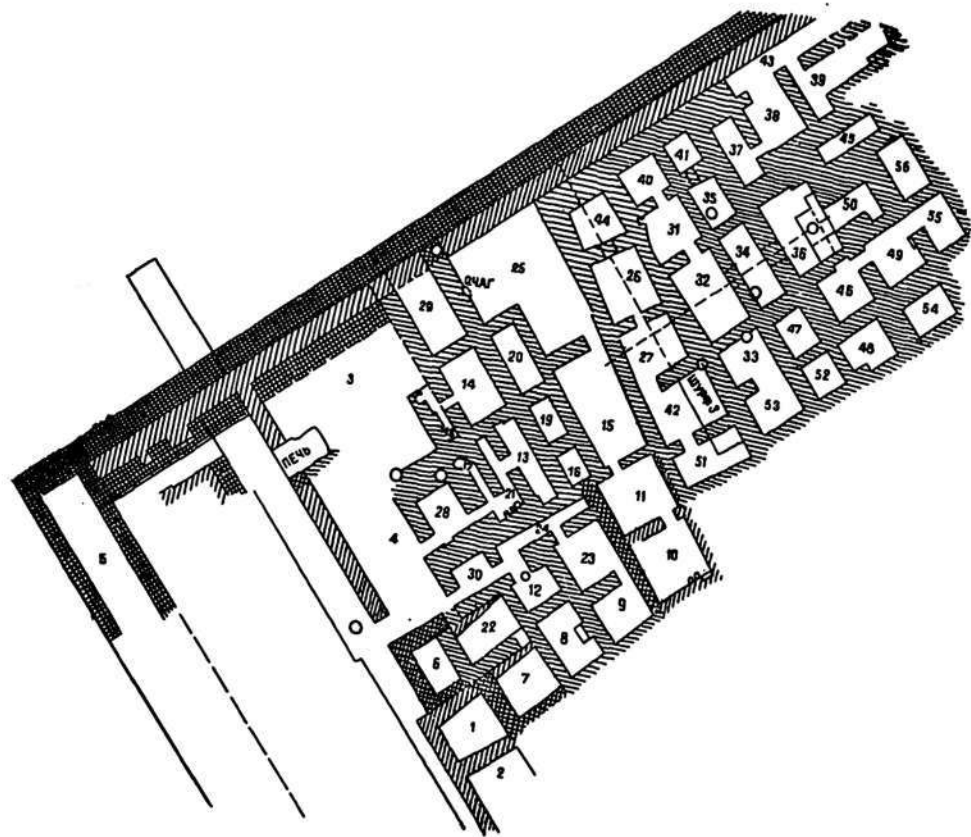

Рис. 11. Шортепе. Сводный план вскрытых помещений.

гончарные печи кушанского времени из Северной Бактрии¹⁴. Не исключено, что в ней производился обжиг терракотовых статуэток, изготовлявшихся с помощью упомянутых матриц-калыбов.

Помещения № 1, 2, 6 связаны с хранением, а может быть и изготовлением вина: здесь отмечено скопление хумов и особых кувшинчиков, а в помещении № 6 лежит слой в 60—80 см истлевших косточек винограда или, скорее, кишмиша.

В северном блоке (помещения № 25, 26) были закрома для

Рис. 12. Шортепе. Раскопки помещений верхней зоны.

зерна, от которого остался сплошной зеленоватый слой — здесь изготавливалась мука: в ряде комнаток (помещения № 34, 35, 41, 47, 52) оказалось множество зернотерок, ручные жернова, куранты, хумы для хранения зерна или муки. Судя по находке многочисленных ткацких грузил и пряслиц, в доме занимались ткачеством. В южной, пока не вскрытой зоне Шортепе изготавливались предметы из металла — здесь на поверхности сконцентрированы мелкие железные и медные шлаки.

Несомненно, что часть помещений была предназначена для проживания или временного пребывания людей, обслуживавших это огромное хозяйство.

Датировку периода Шт-6 уточняют монеты. В горизонте Шт-6а найдены 2 монеты Васудевы I, одна монета чекана этого

¹⁴ Пугаченкова Г. А. Керамические печи кушанского времени в Южном Узбекистане//СА. 1973. № 2.

правителя была в слое Шт-6б и три подняты на поверхности городища. Из слоя Шт-6б извлечено 5 монет Канишки III и 4 подъемных экземпляра того же чекана, 2 монеты — подражания чекану Васудевы I и одна подъемная, два монетных кружка сасанидо-кушанского чекана.

Керамика из слоя Шт-6 представлена разнообразными посудными формами, однако четкие границы их залегания не всегда могут быть уточнены, поскольку в ряде случаев часть помещений и полов Шт-6а продолжала функционировать без перестроек и на следующем этапе — Шт-6б. Черты же материальной культуры на этом отрезке не претерпели существенных изменений.

Хумы этапа Шт-6а сохраняют сходство с хумами из слоя Шт-5 — форма овоидальная, венчики — утолщенные с перегиба-

Рис. 13. Зернотерки.

ми, однако черепок лессового или светло-кофейного цвета, ангоб желтоватого цвета. Таков хум из помещения № 1, на плечике которого до обжига был прочерчен крупный фигурный знак — марка мастера или же родовая тамга владельца, по заказу которого он выполнялся.

На этапе Шт-6б черепок хумов грубее, в нем много дресвы, цвет сероватый. Закраина — с горизонтальным срезом, венчик профилирован несколькими желобками (при этом хум имеет две небольшие ручки) или с сильно оттянутым наружу выступом. В том и другом случаях, очевидно, предусматривалось плотное прилегание крышки к сосуду и привязывание ее к ручкам.

В упомянутом хуме с тамгой из помещения № 1 оказалось 9 небольших (высотой от 10,5 до 18 см) двухручных и одноручных кувшинчиков, варьирующих в своих формах и составляющих своеобразную коллекцию единовременно существовавших типов. Черепок — лессового цвета, один экземпляр — безангобный, прочие — с красновато-коричневым тусклым ангобом, покрывающим до середины или на две трети внешнюю поверхность и слегка

заходящим внутрь горловины. Варианты форм видны на рисунках. Общим является широкое горло, S-образная форма ручек,

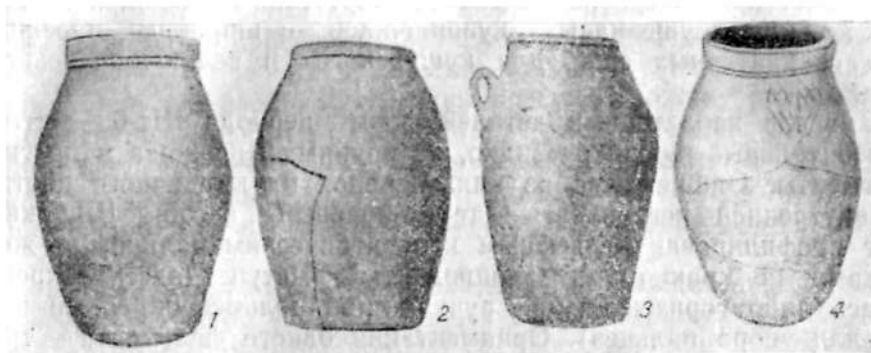

Рис. 14. Хумы. 1 — период Шт-2; 2 — период Шт-3, 3, 4 — период Шт-б.

закрепленных под горловиной и у середины тулова, размеры же кувшинчиков различны. Тулово — расширяющееся кверху или книзу — сферическое, грушевидное. Дно плоское или с довольно

Рис. 15. Кувшины и кувшинчики.

высоким, небольшого диаметра поддном. Горло невысокое, закраина его то заостренная, то в виде венчика — подтреугольного, с горизонтальным срезом или профилированного одним-двумя валиками. Фрагменты подобных кувшинов найдены в двух помещениях. Некоторые из описанных кувшинов напоминают най-

денные в погребениях Каратепе¹⁵, датированных монетами кушано-сасанидских царей Хармизда и Варахрана (по Бивару — первая половина IV в.). Однако существенное отличие от шортепинских составляет профилировка закраины, отсутствие лощения и штампов, наличие грушевидных кувшинчиков с широким плоским дном, характерных еще для кушанского и великокушанского времени.

В числе характерных деталей форм периода Шт-6 — витые горизонтальные ручки, очевидно, от крупных мисок-ваз и другие фрагменты. Опишем два из них. Черепок их кирпичного цвета, на внутренней поверхности — темно-красный ангоб. Широкий борт профилирован рельефным концентрическим валиком и желобками, по краю оттянут приподнятый выступ (здесь закреплялась либо горизонтальная ручка, либо пельменеобразный напел для упора пальцев). Орнаментация одного фрагмента — три ряда волнистых линий. На другом однорядная «волна», на выступе густо расположенные штампики в виде пятилепестковых цветков, а на сохранившемся участке внутреннего резервуара нанесены лощильной палочкой пересекающиеся дуги («арочное лощение»). В керамике Северной Бактрии вазы этого вида характерны для II—IV вв. Фрагменты их получены в стратиграфических слоях на раскопках в Термезе¹⁶, Зартепе¹⁷, Дальверзинтепе¹⁸.

В подъемном материале на склоне городища найдены два фрагмента со штампами в виде овальных листков (применявшимися на протяжении всего кушанского и кушано-сасанидского времени), а также лицевая часть кувшина с оттисками двух рядов крупных, продолговатых листов с прожилками. В составе керамики имеются лепные «ладьеобразные» чираги со следами копти у края.

Из других археологических материалов слоя Шт-6 отметим следующие: свыше двух десятков фрагментов сильно сработанных зернотерок от 12—14 см до 22—25 см в ширину (целые, видимо, были унесены из покинутого комплекса); два ручных жернова (один почти целый, диаметр — 38 см, толщина 12 см) со сквозным отверстием в центре и ямкой на одной из плоскостей; ткацкие грузила из обожженной глины — три пирамидальной формы, одно с почти вертикальными гранями, скругленными на углах, и одно глиняное пулевидной формы; пряслица — биконическое глиняное, полусфероидное керамическое, полусфероидные с концентрической профилировкой из алабастра; небольшая раковина-каури с отверстием для подвески.

¹⁵ Сычева Н. С. Керамика Кара-тепе. С. 90 и сл. Рис. 36—39.

¹⁶ Козловский В. А., Некрасова Е. Г. Стратиграфический шурф... Рис. 4—27.

¹⁷ Завьялов В. А., Осипов В. И. Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Рис. 3—21.

¹⁸ Пугаченкова Г. А. Керамические печи..., Рис. 6.

Остановимся на двух интересных подъемных объектах, стратиграфически неуточненных печатях. Одна из них обнаружена при распашке поля у подножия тепе. Она изготовлена из белого камня, имеет цилиндрическую форму (диаметр — 1,8 см, высота — 1,5 см) и просверленное посередине поперечное отверстие для шнура. На обеих плоскостях цилиндра искусно вырезано одно и то же изображение: два противоположно размещенных козла в позе прыжка и козленок, перед мордами козлов — по елочке, в верхнем поле — три кружка. Туловища животных удлинены и по-кошачьи выгнуты, что придает им особую выразительность. Пока это первая каменная печать данного типа с территории Бактрии.

Изображения козла, козленка, мотивы священного дерева, магических кружков в азиатском искусстве восходят к самой глубокой архаике; они были широко распространены и в ареале всего античного мира. Однако рисунок печати аналогов среди находок из областей сопредельных культур — на территории Афганистана, Индии, восточной Парфии — не имеет. Изображения условны, но полны динамики, присущей наскальным рисункам и так называемому скифскому звериному стилю. Вероятно, изготовление печати относится ко времени оседания в Бактрии сако-юедей, мировоззрению которых была близка зооморфная тематика. Мы считаем возможным датировать ее II—I вв. до н. э.

Другая печать (поднятая на склоне Шортепе) имеет отлогоконическую форму с цилиндрическим стерженьком, который завершается петлей для закрепления шнура. На круглом зеркале печати (диаметр 3,5 см) выгравированы в свободном расположении, заполняя всю поверхность, знаки скобковидной, S-образной, e-образной, U-образной формы, в виде трехконечной вихревой свастики и другие. Значение их неясно — видимо, это не буквенные знаки, а символы. Во всяком случае трехконечная свастика широко известна в античной нумизматике Среднего Востока — от Персиды¹⁹ до Таксилы²⁰. Причем некоторые нумизматы усматривают в ней символ молнии²¹. Этот знак встречается на античных керамических штампах из Кобадияна²², а на сырцовых кирпичиках античных построек Северной Бактрии нередко S-образные и скобковидные клейма²³. Некоторые криволинейные фигуры шортепинской печати встречаются на античных монетах Хорез-

¹⁹ Morgan J. de, Manuel de numismatique Orientale. Paris, 1923—1936. Fig. 356. P. 283, 284.

²⁰ Marshall J. Taxila. T. 3. Cambridge, 1951. Pl. 232.

²¹ Hill G. F. Olba, Cennetis Lallasis. Numismatical Chronicle. Vol. 19. 1899. Pl. 22.

²² Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян)//МИА СССР. № 37. М.—Л., 1953. Рис. 23.

²³ Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.//МИА СССР. № 66. М.—Л., 1958. Рис. 3; Пугаченкова Г. А. Калчаян. Рис. 24—29.

ма²⁴. С. П. Толстов уоматривал в них влияние Индии, выделяя данную группу монет в чекан особой «индо-хорезмийской династии»²⁵, однако М. Е. Массон считал их тамгообразными знаками кангюйской среды. Среди находок на хорезмийских городищах характерны также монеты Великих Кушан с нанесенным на них местным надчеканом в виде S-образной фигуры²⁶, по М. Е. Массону, — также кангюйский знак. Не случайно две фигуры, вырезанные на шортепинской печати — свастикообразная и U-образная — сохранились в качестве тамги еще в раннесредневековом чекане Согда²⁷, как знаки Кангюя, унаследованные от эпохи вхождения этой области в первых веках до нашей эры и в начале нашей эры в его состав.

Приведенные аналогии позволяют отнести датировку шортепинской печати к кушанской эпохе, но вопрос о том, местного ли она происхождения или привнесена извне (из областей Кангюйского влияния — Хорезма либо Согда), пока остается открытым.

Что же представляло собой Шортепе? Раскопки показали, что здесь располагался многокомнатный архитектурный комплекс, включенный при Кадфизе I в прямоугольник ограждающих стен и существовавший от греко-бактрийской до позднекушанской поры. Временами он приходил в упадок, дважды погибал в пожаре и вновь отстраивался. Характерны воссоздание его на одном и том же месте, сходство новой застройки со старой и сохранение, по-видимому, близких функций.

Полученные данные позволяют предположить, что это было крупное (по современной терминологии — «многоотраслевое») хозяйство, принадлежавшее либо богатому владельцу, либо храму. Последнее нам представляется наиболее вероятным. Об этом свидетельствуют крупные размеры комплекса и огромное число помещений (до 150, если не более); разнообразие хозяйственных функций, сочетавших сельскохозяйственный труд (изготовление муки, вина) и всевозможные ремесла (обработка металлических изделий), качество, изготовление терракотовых статуэток Великой бактрийской богини). С культом этой богини скорее всего было связано и храмовое хозяйство. О популярности культа свидетельствуют не только многочисленные терракоты, находимые на всех античных городищах Северной и Южной Бактрии, но и два святилища со статуями богини, открытые Узбекстанской искусствоведческой экспедицией на Дальверзинтепе.

Где находился храм, в который на поклонение стекались в основном, вероятно, женщины-горожанки и сельские жительницы;

²⁴ Толстов С. П. Датированные документы из дворца Топрак-Кала и проблема «эры Шака» и «эры Канишки» // Проблемы востоковедения. 1961. № 1. С. 62 и сл. Рис. 6.

²⁵ Там же. С. 65.

²⁶ Там же. Рис. 1.

²⁷ Смирнова О. И. Монеты древнего Пенджикента // МИА. № 66. М.—Л., 1958. С. 259 и сл.

на самом ли Шортепе или в стороне, до полного вскрытия памятника сказать трудно. Не исключено, что он стоял поодаль, изолированно от житейской суеты, царившей в обширном храмовом хозяйстве.

Ю. П. МАНЫЛОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА КАРАТЕПЕ НА НАРПАЕ

В 1983 г. Нарпайский отряд Института археологии АН УзССР проводил археологические раскопки городища Каратепе и других памятников в зоне реконструкции канала Нарпай¹.

В 1971 г. городище обследовалось Ю. Ф. Буряковым и О. М. Ростовцевым. В 1979 г. на памятнике заложена стратиграфическая траншея.

Каратепе находится на правом берегу канала Нарпай в 5 км юго-восточнее райцентра Зиатдин на территории совхоза им. Свердлова. Городище площадью около 3 га расположено на естественном холме, ориентированном с юго-запада на северо-восток и возвышающемся над местностью на 4—5 м. Сохранившиеся остатки стен и рвов слабо оконтуривают шахристан площадью до 10 га. Его юго-восточную часть занимает прямоугольной формы цитадель размерами 195×140 м, с башнями вдоль стен. С северной стороны цитадели располагается, как нам представляется, донжон размерами 74×56 м, возвышающийся на 10—13 м. Северо-восточную оконечность холма занимает могильник. К северо-востоку от шахристана на площадке треугольной в плане формы отмечено не менее 10 курганообразных возвышений. Юго-восточная часть шахристана занята современным кладбищем, примыкающим к северо-восточной стороне цитадели (рис. 1).

Основные исследования проводились на центральном холме и, отчасти, цитадели. Раскоп 1 был заложен на юго-западной стороне холма и примыкал к разрезу 1979 г. На раскопках было вскрыто три хронологически различных строительных периода на площади 368 м².

В юго-западной части раскопа на уровне XI яруса открыта прямоугольной формы башня размерами 5,36×5 м. Высота башни, как показало продолжение работ в траншее 1979 г., равна 4,12 м. Низ ее заканчивается глиняной отсыпкой с наклоном в юго-западную сторону на уровне XX яруса.

Башня сложена из пахсы. На ее фасадной стороне имеются остатки бойниц шириной 0,15—0,16 м с наклоном их дна, угол

¹ Отряд работал с 1 июля по 20 декабря в составе: Ю. П. Манылов — начальник отряда, О. М. Ростовцев — м. н. с., С. Фонарев — архитектор, рабочие-землекопы.

которого равен 65° . Расстояние между ними — 1,14—1,20 м. На углах башни — прямоугольные выемки. Признаки бойниц в боковых сторонах башни не засвидетельствованы. Исследования в куртине длиной 5 м показали, что стены построены с наклоном

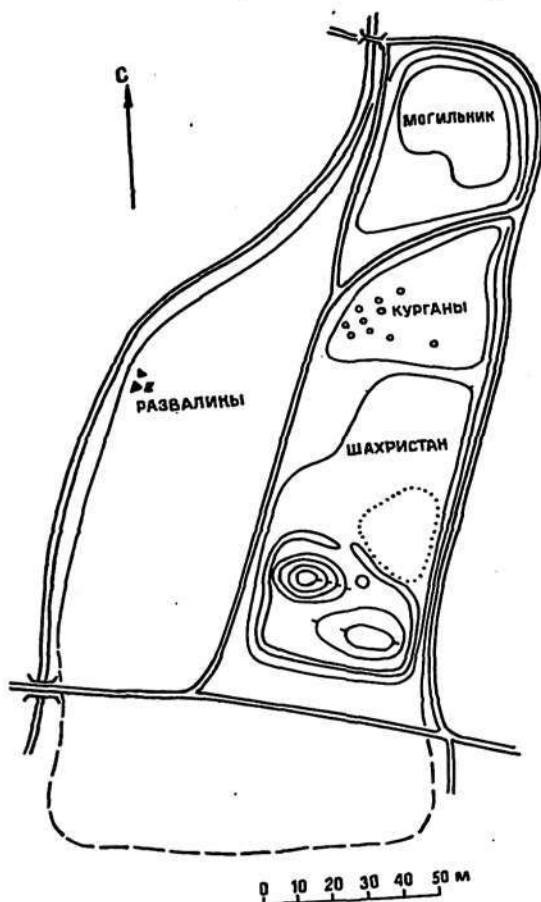

Рис. 1. Городище Каратепе. Схематический план.

к основанию, угол которого равен 86° . В куртине обнаружена одна ложная бойница размерами $1,65 \times 0,17$ м. Она расположена по центру зубца на стене, длина которого 1,56 м. На раскопах получено недостаточно данных для анализа фортификационных особенностей памятника. Время возведения башни и стен по аналогии с башнями и стенами Пенджикента и Пайкенда мы относим предварительно к V—VI вв.

Основные материалы получены на раскопках для периода VII—VIII вв. Культурные слои этого времени перекрывают вышеописанные постройки на уровне X—XI ярусов и вскрыты в 8 помещениях.

Помещение № 1 размерами 3,52×2,4 м находится в центре-раскопа и связано проходом шириной около 0,7 м с помещением № 2, проходом шириной 1,28 м — с помещением № 3. Перекрытие прохода в помещение № 2 — балочное. Привлекает внимание неодинаковая толщина стен, сложенных из сырцового кирпича размерами 45×21—25×8—10 см. Толщина юго-восточной стены помещения равна 1,52 м, северо-западной — 1,24—1,68 м, северо-восточной — 0,56 м, юго-западной — 0,52 м. Пол ровный, за исключением северо-восточной части, где выступает стена предшествующего периода. На полу найдено большое количество бусин, среди которых преобладают коралловые и бронзовые, имеется анэпиграфическая монета VII в.

Помещение № 2 размерами 3,15—3,28×2,4—2,48 м связано проходом шириной 0,92—0,96 м с помещением № 3. Южный угол занят суфой шириной 0,9 м. Пол и суфа выложены сырцовым кирпичом размерами 45×21×10 см. У северо-западной стены в пол вкопана половина хума, рядом вырыта круглая яма.

В проходе из второго помещения в третье на полу в слое пожара найдены целые и фрагментарные мисочки, водоносная фляга, два кувшина, небольшая фляга, покрытая сине-зеленой глазурью, и верхняя часть гончарного круга (рис. 2, 1—11, 13—17).

Помещение № 3 размерами 11,6×11,3 м представляет собой зал. Юго-западная его часть сильно размыта. По этой причине сказать, что помещение было квадратным и примыкало к юго-западной стене, пока затруднительно. Стены, сохранившиеся в высоту на 3,7 м, сложены из кирпича вышеуказанных размеров. Вдоль северо-восточной, северо-западной и юго-восточной стен расположены суфы шириной 0,7—1,2 м с двумя прямоугольными выступами размерами 2×0,52—0,64 м на северо-восточной суфе и 2,4×0,64 м — на северо-западной. Подобные выступы получили название «эстрад»². Высота суф равна 0,7—1,2 м, заканчиваются они на уровне XI яруса. Построены суфы следующим образом: на определенном расстоянии от стены возведена стеночка в ширину одного лежащего кирпича на требуемую высоту и промежуток заполнен рыхлой землей. По верху этого заполнения и боковым сторонам нанесен слой глиняной обмазки.

В юго-восточной стене имеется проход шириной 1,52 м. Здесь была найдена массивная железная дужка для навешивания замка. В северо-восточной стене открыто три, а в северо-западной — две ниши от деревянных колонн, поддерживавших кровлю при помощи откосин. Ширина ниш — 24—28 см, глубина — 20 см. Пол помещения ровный. Признаки каких-либо подкладок под колонны или углубления от них в полу при самых тщательных расчистках не обнаружены.

Помещения № 1—3 составляют изолированный комплекс, стены которого сильно прокалены при неоднократных пожарах.

² Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента // Материалы и исследования по археологии СССР. № 124. М.—Л., 1964. С. 61, 62.

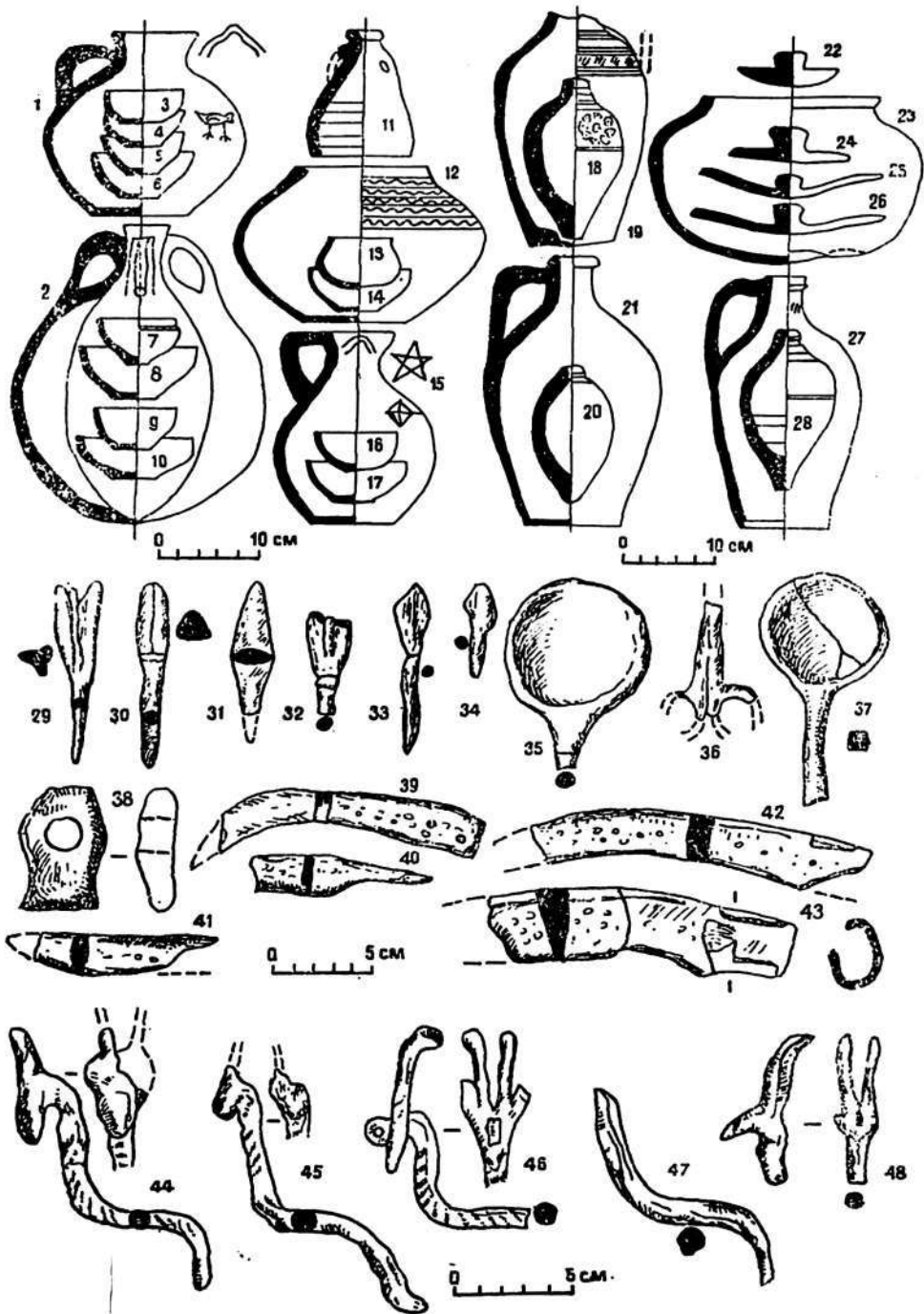

Рис. 2. Гордище Каратепе. Керамика и железные изделия.

К северо-западу от этого комплекса расположен еще один, состоящий из помещений № 4, 6, 7.

Помещение № 4 размерами 5,2×4,4 м имеет П-образную суфу вдоль стен. Верхний пол его находится на уровне конца V — начала VI яруса. В полу помещения найден врытый горшок, в котором хранилось 4 монеты, а всего на полу обнаружено 8 бронзовых монет Урка Вартрамука, которые датируются 675—696 гг.³ Помещение, судя по характеру культурного слоя в нем, погибло в огне пожара. Первый пол этого помещения вскрыт на уровне IX яруса. Коридорообразные помещения, разделенные тонкими перегородками, уходят под северо-восточную стену верхнего горизонта (предстоят дополнительные работы для выяснения планировки в целом). Помещение № 6 размерами 3,44×2,2 м отделено стеной шириной 1,2 м от помещения № 4 и связано с ним проходом шириной около 1 м. В стенах прохода сохранились круглые отверстия от балок перекрытия. Помещение было заполнено рыхлым культурным слоем с большим содержанием истлевших органических веществ. В нем найдено значительное количество гончарной посуды.

Помещение № 7 размерами 3,6×3,2 м занимает в комплексе крайнее юго-западное положение. Проход шириной 0,8 м связывает его с помещением № 6. На каком-то этапе существования он был заложен на всю высоту кирпичом вышеуказанных размеров.

В северо-западной части раскопа вскрыто два помещения. Помещение № 8 размерами 5,5×1,7 м с проходом шириной 1,1 м в юго-западной стене очень сильно размыто. Помещение № 5 размерами 3,55×3,6 (?) м заполнено плотным слоем глины. Стены и полы этих помещений покрыты тонким слоем алебастрового раствора.

Археологические раскопки описанных помещений дали большое количество керамики, железных и бронзовых изделий, нумизматического материала, бус, позволяющих достаточно подробно охарактеризовать материальную культуру.

Водоносные фляги представлены целым экземпляром (рис. 2, 2) и горловиной другого сосуда. Они изготовлены из тщательно приготовленного теста, приобретшего при обжиге ровный желтоватый цвет. Аналоги этих фляг имеются в Пенджикенте. По мнению Б. Я. Ставиского, «по форме она (фляга.— Ю. М.) восходит к выючным флягам... последних веков до н. э.—первых веков н. э.»⁴

Вместе с флягой найдены 2 гончарных кувшина, отличающихся друг от друга пропорциями тулова и способом крепления ру-

³ Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981. С. 45 (приводим чтение легенды, предложенное В. А. Лившицем).

⁴ Ставиский Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., № 124. С. 169. Рис. 29.

чек. На плечиках сосудов процарапаны ромб с взаимнопересекающимися осями, пятиконечная звезда, а также фигурка птички (рис. 2, 1, 15).

Аналогичный кувшин найден В. И. Спришевским близ Самарканда⁵. В. И. Распопова датирует его VI — первой половиной VII в., подчеркивая, что это ранняя форма кувшина⁶.

Согдийские кувшины подобной формы встречены С. К. Кабановым на Аултапе в долине Кашкадарьи⁷ и Б. Я. Стависким на холме Кала-и-Муг в бассейне Магиандарьи⁸. Они датированы исследователями V—VII вв.

Двуручная фляжка найдена вместе с вышеописанными сосудами. Она изготовлена на гончарном круге, после обжига приобрела ровный светло-желтый цвет. Сосуд покрыт снаружи бледно-голубой глазурью плохого качества, которая легко осыпается (рис. 2, 11).

В комплекс посуды входило 40 целых и фрагментарных мисочек с диаметром устья 7,8—13,7 см при высоте 3,5—5,8 см (рис. 2, 3—10, 13, 14, 16, 17). Все они, за исключением одной, изготовлены на гончарном круге. На некоторых отмечены желобки под венчиком, что характерно, по мнению Б. И. Маршака, для керамики нижнего слоя Пенджикента⁹.

Вместе с посудой найдена верхняя часть гончарного круга, напоминающая по форме дастархан. Диаметр плоской площадки равен 23 см. Ее подставка имеет вид усеченного конуса. Толщина стенок равна 1,5 см. В нижней части подставки сделаны специальные углубления для лучшей связи с осью гончарного круга при помощи алебаstra, следы которого сохранились во внутренней части конической подставки верхней площадки круга.

Большим количеством фрагментов и целыми экземплярами представлены дастарханы, диаметр столешниц которых равен 25—40 см при толщине 2,5—3,5 см. На нижней стороне имеются три ножки высотой 4—7 см. На одном экземпляре сохранились отпечатки ткани грубого плетения. Дастарханы на трех конусообразных ножках имеются в материалах Пенджикента¹⁰, запад-

⁵ Спришевский В. И. Погребение с конем середины I тыс. н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека//Труды Музея истории народов Узбекистана. Ташкент, 1951. Вып. 1. С. 38—40.

⁶ Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. С. 98.

⁷ Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н. э. в долине Кашкадарьи//Советская археология. 1958. № 3. С. 150. Рис. 8, 1.

⁸ Ставиский Б. Я. Археологические работы в районе Магиандарьи в 1957—1959 гг.//Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 21. С. 57.

⁹ Маршак Б. И. Керамика нижнего слоя Пенджикента//Известия отделения общественных наук АН ТаджССР. Вып. 14. Сталинабад, 1955. С. 94. Рис. 1, 4.

¹⁰ Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента//Материалы исследования по археологии СССР. № 124. С. 291. Рис. 35.

ной Ферганы, где они датируются VI—VIII вв.¹¹, Акбешима¹², Тараза и его окрестностей¹³.

Вооружение представлено шестью железными черешковыми наконечниками стрел: трехгранной пирамидально-призматической формы; трехжильной трехлопастной (два экземпляра); бипирамидальной, квадратной в сечении; плоской в виде приплюснутого овала; ромбической бипирамидальной. Черешок, в основном, круглый в сечении. От боевой части он отделен упором для древка (рис. 2, 29—34).

Аналогичные наконечники стрел хорошо представлены в материалах Пенджикента¹⁴, Ток-калы¹⁵, Аултапе в долине Кашкадарьи¹⁶ и многих других памятников. Все остальные железные изделия, вид которых удалось определить, относятся к орудиям труда.

Фрагмент ножниц длиной 7 см найден на уровне XII яруса в помещении № 3. Режущая часть ножниц не сохранилась, кольца сохранились частично (рис. 2, 36). Аналогичные ножницы эпохи раннего средневековья известны в Пенджикенте¹⁷. Ножи представлены 5 экземплярами, имеющими разную форму лезвий. У двух из них — прямая спинка и черешок для насадки ручки. Нож с вогнутой спинкой и вогнутым лезвием на короткой ручке сохранил следы дерева и три стержня для крепления рукоятки. Одним экземпляром представлены ножи с вогнутой спинкой и выгнутым лезвием, выгнутой спинкой и вогнутым лезвием от длительной работы. Ножи аналогичных форм в Средней Азии часто встречаются на раскопках раннесредневековых памятников¹⁸.

Серпы представлены двумя фрагментарными экземплярами длиной 17,9 и 16,3 см. Ширина лезвия 3—4 см. Деревянная рукоять крепилась при помощи втулки и вертикальных выступов (рис. 2, 42—43). В Средней Азии серпы — частая находка на памятниках раннего средневековья. Они известны в Пенджикенте¹⁹,

---

¹¹ Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района//Труды АН ТаджССР. Т. 35. Сталинабад, 1955. С. 151.

¹² Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины//Труды Кирг. археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М., 1960. С. 154. Рис. 5.

¹³ Сенигова Т. П. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 96, 97.

¹⁴ Распопова В. И. Металлические изделия... Рис. 44, 17—31; 46, 21, 22, 24.

¹⁵ Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент: Наука, 1964. С. 55. Рис. 13, 9.

¹⁶ Кабанов С. К. Согдийское здание... С. 151.

¹⁷ Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе: Дониш, 1977. С. 178.

¹⁸ Распопова В. И. Металлические изделия... С. 63, 64. Рис. 40, 1, 4, 7, 8; Гудкова А. В. Ток-кала. С. 83. Рис. 1, 4.

¹⁹ Распопова В. И. Металлические изделия... С. 61, 139. Рис. 37, 9, 10.

Ток-кале²⁰, Мунчактепе²¹, Карабулаке²². Аналогичные изделия из Пенджикента В. И. Распопова называет цалдами и считает, что они применялись при обработке дерева²³.

На раскопках найдено четыре железные ложки длиной 10,2—12,6 см с резервуаром диаметром 6,2—7,5 см (рис. 2, 35, 37). Не вызывает никакого сомнения, что в домашнем обиходе они не применялись. По мнению А. М. Беленицкого, они являлись инвентарем ремесленника. Исследователь приводит свидетельство послерабского времени, в котором говорится о применении железных ложек для работы с ртутью²⁴.

Из других железных изделий отметим пробои для дверей. Наиболее массивный найден в проходе юго-восточной стены помещения № 3. Следует упомянуть о гвоздях разных размеров, имеющих диаметр шляпки до 2,3 см, железных стержнях, обкладках из железного прута, топоре длиной 10,7 см, теше длиной 6,7 см. Длина рабочей части последней 3,5 см. Диаметр отверстия для рукоятки — 1,9 см. Внешняя сторона рабочей части имеет небольшой угол наклона по отношению к верхней части, что позволяло ставить инструмент под острым углом к обрабатываемой поверхности. Аналогичная теша известна в материалах Пенджикента²⁵.

Особую группу железных изделий составляют изображения фантастических чудовищ — змей с головами козлов или горных баранов. Длина их от конца хвоста до кончиков рогов равна 14,6—14,7 см. Изготовлены они из витого прута диаметром 0,9—1,2 см (рис. 2, 44—48).

Концы фигурок, противоположные голове, расплющены, их ширина равна 1,1 и 1,5 см. У одной из фигурок передняя часть головы имеет треугольную форму, над нею — длинные стоящие уши и рога (одно ухо и один рог обломаны). У двух фигурок, сохранившихся частично, высокие рога изогнуты назад. Уши имеют различные формы.

Аналогичная фигурка найдена в слоях VIII—IX вв. на Акбешиме²⁶. Л. Р. Кызласов назвал ее s-образным псалием²⁷. Необходи-

²⁰ Манылов Ю. П. Железные орудия труда VIII в. с городища Ток-кала//Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1962. № 1. С. 81, 82; Гудкова А. В. Ток-кала. С. 53.

²¹ Манделъштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.//Материалы и исследования по археологии СССР. № 66. М.—Л., 1958. С. 316. Рис. 27, 23.

²² Брыкина Г. А. Карабулак. М.: Наука, 1974. С. 86.

²³ Распопова В. И. Металлические изделия... С. 59.

²⁴ Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг.//Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., 1953. № 37. С. 32. Рис. 10.

²⁵ Распопова В. И. Металлические изделия... С. 59. Рис. 36, 20.

²⁶ На этот аналог указала Н. Г. Горбунова.

²⁷ Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Акбешим 1953—54 гг.//Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. С. 217. Рис. 44, 1.

димо сказать, что найденные на Акбешиме s-образные псалии отличаются от фигурок с головкой горного козла. Остается также неясным, как крепились эти псалии с удилами.

Среди изделий из бронзы отметим зеркало диаметром 6,6 см, украшенное орнаментальной полосой из чередующихся фигур двух видов (напоминающих знаки курсивного согдийского письма), которая заключена между двумя концентрическими окружностями, состоящими из полуовальных точек.

Наиболее близким аналогом является зеркало с городища Карабулак. Г. А. Брыкина указывает, что «на средневековых городищах Средней Азии зеркала являются редкой находкой»²⁶.

В процессе раскопок найдено две туалетные ложки, изготовленные из бронзы с примесью серебра; массивный браслет диаметром 6,6 см с утолщенными концами; туалетная чашечка с горизонтальной площадочкой по краю резервуара, длинным узким носиком и ручкой с двумя отверстиями.

В помещении № 2 найдены перстень диаметром 2,3 см с гладким щитком полуовальной формы и поперечными насечками на внешней стороне, перстень с мелким гнездом овальной формы и щипом, разомкнутый перстень с уплощенным щитком.

Серьги представлены тремя экземплярами. Одна имеет вид несомкнутого кольца с утолщением в нижней части, к которому прикреплено разомкнутое колечко для подвески в виде стержня. Серьги биконусовидной формы сохранились частично. Их длина — 1,4—1,8 см, максимальный диаметр — 1,1 см. На вершине конуса имеется колечко для подвешивания. Заполнение серьги — железное.

В помещении № 1 найдены фигурки собаки высотой 4,1 см и длиной 5,6 см и козленка высотой 4,2 см и длиной 4,8 см, бронзовые полусферические бляшки диаметром 1,4—1,6 см и высотой 0,5—0,4 см, навершие в виде птички, зеркало (?) и бубенчик.

К верхнему строительному горизонту отнесены нами остатки стен толщиной 0,50—0,55 м, сложенные из сырцового кирпича размерами 46×25×8 см и сохранившиеся в высоту на 0,6 м. К этому же горизонту отнесено большое количество ям, опущенных в слои и постройки VII—VIII вв. и давших основной материал по материальной культуре X—XII вв. Сфероконусы с тремя вертикальными налечами на тулове украшены орнаментальной полосой, выполненной при помощи штампа. Подобные сосуды известны по многочисленным аналогам из памятников Средней Азии и Кавказа X—XII вв.²⁹

²⁶ Брыкина Г. А. Карабулак. С. 97. Рис. 62, 10.

²⁹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая//Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., 1952. № 26. Рис. 70; Заднепровский Ю. А. Археологические работы в южной Киргизии в 1954 г.//Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М., 1960. С. 236; Брыкина Г. А. Указ. соч. С. 67—68; Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X—начале XIII в.//Труды ЮТАКЭ. Т. 11. Ашхабад, 1962. С. 359—366; Сенигова Т. Н. Указ. соч. Табл. XI; Джан-

Водоносные кувшины изготовлены из тщательно приготовленного глиняного теста, которое приобрело при обжиге ровный светло-желтый цвет. Наружная поверхность покрыта светлым ангобом. Плечики украшены прочерченными прямыми и волнистыми линиями, косыми насечками. Высота сосудов — 26—27,8 см, максимальный диаметр тулова — 15—17,6 см (рис. 2, 19, 21, 27).

Аналогичные кувшины встречаются на памятниках IX—XI вв. всей Средней Азии.

Крышки различаются по размерам и формам. Диаметр крышек 8—19,5 см, формы — дисковидные и вогнутые. Орнаментация отсутствует. Ручки имеют грибовидную форму. Они изготовлены из хорошо приготовленной глиняной массы, при обжиге приобрели ровный серый цвет (рис. 2, 22, 24—26). Аналоги этих крышек встречаются в материалах Афрасиаба³⁰, Карабулака³¹, Тараза³² и других памятников Средней Азии.

Алебастровые дастарханы на коротких массивных ножках или без ножек украшены по кругу штампованным орнаментом или орнаментом, прочерченным по сырому материалу. Они известны по материалам Карабулака³³. На городище Мунчактепе алебастровые дастарханы датируются XI—XII вв.³⁴

Следует отметить находку алебастровой панджары, украшенной прорезанными отверстиями в виде восьмилепестковой розетки.

К этому же периоду относится большое количество жженных кирпичей размерами 29×18×4, 29—32×14,8—17×3,5—4,7, а также 20,5—21,5×20,5—21,5×3,2—3,8 см. На одной из сторон кирпича оттиснуты до обжига орнаментальные штампы двух видов.

По краю штампа проходит окружность диаметром 15,5 см. На некотором удалении — окружность диаметром 14,2 см, выделенная выпуклыми точками. По внутреннему краю — еще одна окружность, в которую вписана шестиугольная звезда. Промежутки между вершинами звезды и окружностью заполнены трилистниками. В треугольнике, находящийся между шестиугольником и окружностью, вписано по одному листу. Центр композиции занят частью шестилепестковой розетки с точкой посередине.

Близкий к упомянутому штамп был издан А. Ю. Якубовским с Калаи-Дабуса³⁵.

поладян Р. М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982; Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма//Труды Хорезмской экспедиции. Т. 4. М., 1959. С. 307.

³⁰ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. 2. 1973. С. 80. Рис. 17.

³¹ Брыкина Г. А. Указ. соч. С. 51, 52. Рис. 82.

³² Сенигова Т. Н. Указ. соч. С. 152. Табл. XI.

³³ Брыкина Г. А. Указ. соч. С. 97—99. Рис. 64.

³⁴ Брыкина Г. А. Указ. соч. С. 98; Богомолов Г. И., Папахристу О. А. О дастарханах//ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982. С. 107—116.

³⁵ Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину//Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. 2. С. 152.

Размер второго типа штампа значительно меньше вышеописанного. Его диаметр 11,2 см. Между двумя концентрическими окружностями изображена еще одна, выделенная выпуклыми точками. Центр композиции занят кругом диаметром 3 см с вписанной в него шестилепестковой розеткой. Круг большого диаметра заполняют трилистники. А. Ю. Якубовский относил кирпичи с орнаментальными штампами «к раннеисламскому времени и, быть может, до саманидской эпохи включительно»³⁶. Л. И. Ремпель, издавший ряд кирпичей из Дабусии и Рабинджана, датировал их VIII—X вв.³⁷ Г. А. Пугаченкова в связи с находками подобных кирпичей из Мианкаля предложила их датировать VI—VIII вв.³⁸

Размеры жженных кирпичей, встреченных вместе с кирпичами, украшенными орнаментальным штампом, характерны для построек IX—XII вв.³⁹ и конца X — начала XII в.⁴⁰

К этому же периоду относятся обнаруженные в ямах поливная керамика, изделия из стекла, бусы. Совокупность находок позволяет датировать кирпичи с орнаментальными штампами из Каратепе X—XII в.

Как происходило обживание памятника в это время по материалам раскопок сказать затруднительно. Видимо, вся площадь тепе была застроена. Однако до нашего времени сохранились лишь остатки строений.

Проведенные археологические исследования показали, что Каратепе является незаурядным памятником. Особенно значительные материалы были получены для периода VII—VIII вв. В населенном пункте на месте Каратепе были развиты железоделательное ремесло и металлообработка, керамическое ремесло, обработка камня, бронзолитейное производство. Находки бус из различных пород камня свидетельствуют о добыче полудрагоценных камней в близлежащих горах, коралловых — о торговых связях с отдаленными странами. Видимо, в X—XII вв. площадь городка значительно расширилась. Культурные слои этого времени сохранились несколько хуже. Функционирование поселения прекратилось в конце XI или начале XII в.

Проделанная работа показала, что дальнейшие раскопки на Каратепе на Нарпае весьма перспективны для изучения культуры западного Согда. Но уже сейчас можно сказать, что культура западного Согда стояла на высоком уровне развития. Это еще

³⁶ Там же.

³⁷ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана//История развития и теория построения. Ташкент, 1961. С. 132, 133.

³⁸ Пугаченкова Г. А. К датировке кирпичей с орнаментальными штампами из Мианкаля//Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л., 1979. С. 45.

³⁹ Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг.//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969. С. 277.

⁴⁰ Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент: Фан, 1979. С. 65, 69, 81, 82.

раз подтверждает мнение исследователей о том, что «развитие согдийской культуры отличается самостоятельностью и многими чертами, говорящими о своеобразном, высоком творческом процессе»⁴¹.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

НОВЫЕ БАКТРИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

В наших предыдущих публикациях описаны древнебактрийские памятники, обследованные до 1975 г.¹ В последующие годы в Сурхандарьинской области выявлен новый ряд городищ и поселений VI—V вв. до н. э.— III—IV вв. н. э.² В статью включено также описание нескольких уже известных, но не вошедших в предыдущую единую систему нумерации памятников. Для некоторых поселений приведены дополнительные данные, уточняющие их топографию и размеры.

Б—106 (Кафиркала) находится на северной окраине г. Ширабада, на правом берегу Ширабаддарьи. Площадь — 12—14 га. Городище расположено на естественной возвышенности, ориентировано по направлению восток — запад. В его северо-восточной части находится «курган» — бековская крепость XVIII — начала XX в. н. э., в кушанское время являвшаяся цитаделью городища. Размеры «кургана»: длина (с севера на юг) до 130 м, ширина до 50 м, максимальная высота 35—37 м. В зависимости от высоты «курган» делится на три террасы. Городище датируется кушанским временем, X—XIII вв. и XVIII—XX вв.

Б—107 (Тешиктепе) — у восточной окраины Ангора. Тепе сильно разрушено. Площадь примерно 200 м². Размеры не опубликованы. Сохранились остатки свода и ряд помещений, сложенных из сырцового кирпича (39—41×39—41×10—11 см). Датируется I—II вв. н. э.³

Б—108 (Мунчактепе) — на левом берегу Кофрунся, на юго-восточной окраине одноименного кишлака, в 20 км к юго-востоку от райцентра Байсун. Площадь неясна, т. к. большая часть поселения занята под сады и дома. Сохранилось небольшое тепе диаметром около 50 м. Верхние слои датируются ранним средне-

---

⁴¹ Тереножкин А. И. Согд и Чач//Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 33. 1950. С. 169.

¹ Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. Древняя Бактрия. Л., 1974; Он же. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. Бактрийские древности. Л., 1976.

² В маршрутах принимали участие А. Сагдуллаев, О. Маликов, М. Исхаков, водители А. Аскарлов и Ш. Гулямов.

³ Альбаум А. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960; Нильсен В. А. Ташиктепе близ Ангора//ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 57—59.

вековьем, основной период обживания — кушанским временем. Найдена терракотовая головка типа «чаганианской богини».

Б—109 — на правом берегу Ургульсая, в 3 км юго-восточнее Бандыхантепе 1. Площадь около 200 м². Тепе, ориентированное по линии северо-восток — юго-запад, представляет собой бугор (27×23 м) высотой до 2,5 м с прилегающим к нему с юго-восточной стороны плоским участком былой застройки высотой 0,5 м. Общая протяженность тепе — 75 м, ширина — 20—25 м. Датируется позднекушанским временем. В настоящее время распахано.

Б—110 — у кишлака Ходжа, колхоза «Кызыл Октябрь» Джаркурганского района. Поселение располагалось на правом берегу Бандыхансая, в 200—300 м ниже моста «Александра Македонского», неподалеку от впадения реки в Сурхандарью. Часть берега вместе с поселением смыта рекой, поэтому размеры его неясны. Отдельные фрагменты характерной цилиндрической керамики IV—V вв. до н. э. встречаются в обрывах берега, на дне реки и отмелях на протяжении нескольких сот метров.

Б—111 — в 1,5 км к западу от Миршаде на левом берегу Джонльмасая. Площадь около 200 м². Тепе, ориентированное по линии север — юг, состоит из бугра высотой 10 м, диаметром около 30 м и прилегающего участка застройки прямоугольной формы (40×20 м), высотой 4—5 м. Датируется кушанским временем и ранним средневековьем. Поселение наполовину смыто водой. Открыто А. С. Сагдуллаевым.

Б—112 (Культепе) — в 4 км к югу от Дальверзинтепе, на правом берегу Сурхандарьи. Состоит из двух частей — западной и восточной (площадью более 4 га), разделенных ровом шириной 30—40 м. Ориентировано по линии восток — запад с небольшим отклонением к северу. Наибольшая протяженность в этом направлении — 360 м, с севера на юг — 170 м. Размеры восточной части: 170×80—90 м. В южной расположен подквадратный в плане бугор (60×45 м — понизу и 40×30 м — поверху) высотой до 8 м. Западная часть — квадратная в плане (140×140 м), высотой 3—4 м. На восточной стороне ее зачищены остатки ограждающей стены, выложенной из сырцового кирпича (35×35×10 см), и внутростенный проход шириной 1,2 м, в центре западной стороны прослеживаются ворота. Поселение датируется кушанским временем и ранним средневековьем.

Б—113 (безымянное тепе) — на границе совхозов им. Ю. Ахунбабаева и «30 лет Октября», в 3 км юго-западнее Дальверзинтепе. Поселение полностью занято под постройки современного кишлака. Найдены фрагменты типичной красноангобированной керамики кушанского времени. Здесь же обнаружено хумное захоронение⁴.

Б—114 — в колхозе «30 лет Октября», на правом берегу Сурхандарьи, в 1 км к югу от Дальверзинтепе. В обрыве склона над-

⁴ Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 222.

пойменной террасы отмечен культурный слой мощностью в 1,5 м, насыщенный керамикой кушанского времени. Размеры поселения неясны.

Б—115 — поселение в кишлаке Ушар Денауского района. Площадь 0,3—0,4 га. Датируется кушанским временем.

Б—117 (Ходжа-Капар) — в 0,5 км от юго-западной окраины г. Денау, на левой надпойменной террасе Кызылсу. Площадь около 2 га. В юго-западной его части подпрямоугольный в плане бугор (20×15 м) высотой до 12—14 м, с северной стороны ограниченный рвом. К северо-западу от бугра расположена изрезанная оврагами основная часть поселения протяженностью до 300—400 м, шириной 50—100 м. Культурный слой, особенно насыщенный в районе бугра, в другой части поселения выражен слабо. Датируется кушанским временем.

Б—118 (Калля-Минор) — в 600 м к югу от крепости г. Денау, на левом берегу Кызылсу. Поселение сильно разрушено. От прежней площади сохранился бугор высотой до 14,5 м, диаметром 60—70 м, в срезе которого отмечен мощный культурный слой толщиной до 12 м, насыщенный зольниками, строительными остатками, керамикой и костями животных. В северной части тепе прослеживается стена шириной 2 м, сложенная из сырцового кирпича (40×40×12 см). В 300 м к северо-востоку от тепе на территории мазара Ходжа-Рушнои зафиксированы остатки погребения, в котором найден красноангобированный кубок на невысоком поддоне. У западного края тепе поднят калыб для отгиска антефиксов длиной 10,5 см, шириной 6,5 см.

Б—119 (Чарханатепа) — у юго-восточной окраины г. Денау, рядом с железнодорожной линией. Площадь — около 1 га. Представляет собой квадратный в плане пологий бугор (90×90 м — понизу и 50×50 — поверху) высотой до 7 м. В 30 м к северу от него — прямоугольное в плане тепе (45×30 м) высотой до 3 м, видимо, часть былого поселения. Датируется кушанским временем и ранним средневековьем. Полностью занято под кладбище.

Б—120 (Учтепа) — на правом берегу Тупаланга, по дороге в Халчаян. Состоит из трех тепе, расположенных на расстоянии 100—200 м друг от друга. Тепе, расположенное южнее двух других (60×55 м), высотой 2—3 м, датируется кушанским временем. Найден фрагмент терракотового антефикса.

Б—121 — на левом берегу Сурхандарьи участок Сархаракат, Денауский район. Площадь 0,3—0,4 га. Сильно разрушено. Состоит из квадратного в плане бугра (30×30 м) высотой до 5—6 м, находящегося в северной части, и примыкающего к нему с юга поселения, длина которого около 40 м. Датируется кушанским временем.

Б—122 — у кишлака Обишир Шурчинского района. Поселение располагается на естественных холмах, ориентированных в направлении северо-запад — юго-восток вдоль левого берега р. Обишир. С юго-западной стороны поселение ограничено древ-

ним рвом шириной 5—6 м, глубиной 1,5—2 м, с северо-восточной стороны — руслом сая. Протяженность поселения до 300 м, ширина 50 м. В северо-западной части находится бугор (30×10 м) высотой до 8 м с крутыми склонами, выполнявший, видимо, роль цитадели. К юго-востоку от него располагается основная часть поселения. Культурный слой выражен слабо. Найлены характерные фрагменты цилиндроконических сосудов, покрытые

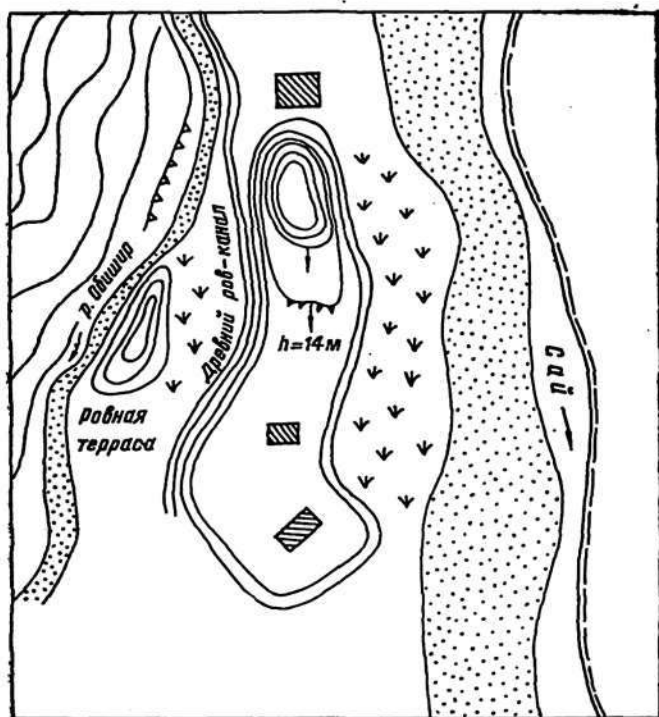

Рис. 1. Обиширтепе. Схема.

светлым ангобом, со слегка гофрированными стенками, зернотерки и обломки каменных орудий. Датируются V—IV вв. до н. э. (рис. 1).

Б—123 (Сайрактепе) — в центре кишлака Сайрак Шурчинского района. Площадь 0,25 га. Тепе — квадратное в плане (50×50 м), с сильно изрезанными краями. В центре выделяется круглое в плане возвышение высотой до 7,5 м, по краям — тепе высотой до 2 м. Ориентировано по линии северо-запад — юго-восток. Основная часть поселения разрушена. Датируется кушанским временем.

Б—124 (Дульятепе) — в 4—5 км к юго-западу от Шурчи, на правом берегу Сурхандарьи, в колхозе им. XXIII партсъезда.

Тепе состоит из квадратной в плане цитадели (150×150 м) высотой до 10 м с четырьмя угловыми башнями и прилегающего к нему с восточной и северо-восточной сторон крупного поселения, ныне почти полностью застроенного. Ориентировано по линии северо-восток — юго-запад. Основной период обживания относится к раннему средневековью. Изредка встречается керамика кушанского времени.

Дополнительные данные о памятниках. Б—125 (Кызылча 6). Памятник обнаружен в 1974 г. А. С. Сагдуллаевым. Раскопки ведутся с 1975 г. Расположено в 500 м к западу от цитадели Кызылтепе, на правом берегу Кызылджарсая. Размеры по основанию оплывов — 55×32 м. Высота северной части около 4 м, южной — 2 м. Датируется серединой I тысячелетия до н. э.

Б—56 (Караултепе). В предыдущей публикации описана только цитадель⁵. Дополнительное исследование и просмотр старых карт показали, что это было крупное городище подквадратного плана (400×350 м) общей площадью 14 га, обнесенное стенами и обведенное рвом. Керамика кушанского времени встречается повсеместно. Большая часть поселения в настоящее время застроена.

Б—60 (Савринджонтепе). Представляет собой квадратное в плане тепе (110×110 м), ориентированное по линии северо-восток — юго-запад. В северо-западном углу находится квадратное в плане здание (30×30 м) высотой до 10 м, в остальных частях тепе — 6—8 м. В центре юго-восточного и северо-западного фаса располагались ворота. По углам тепе — башни. Поселение обживалось при кушанах, в раннее и развитое средневековье, что подтверждается находками монет Васудевы, правителей Чаганиана VII—VIII вв. н. э.

Б—69 (Беш-Копа или Нуринтепе) — на левом берегу Каратагдарьи, у кишлака Чакыр. Площадь городища не свыше 8 га⁶, а немногим более 2 га. Размеры — 160×120 м. Ориентировано по линии северо-восток — юго-запад. В северо-восточном углу — подквадратный в плане бугор (40×30 м), возвышающийся над местностью на 6—7 м.

Городище состоит из двух частей: северо-восточной (120×90 м) и юго-западной (120×50 м), разделенных ложбиной или улицей шириной 20 м. Основной период обживания относится к раннему средневековью, нижние слои — к кушанскому времени, верхние — к позднему средневековью.

Б—95 (Газимуллатепе — Бандыхантепе III). В центре тепе заложен стратиграфический шурф (3×2 м), доведенный до материка. Глубина культурного слоя — 2,5 м. В шурфе зафиксированы четыре уровня полов, отмечающих четыре этапа обживания этого места. Первый уровень, расположенный наклонно с запада

⁵ Ртвеладзе Э. В. Разведочное... С. 80.

⁶ Там же. С. 81.

на восток и отмеченный на глубине 20 см V яруса, приходится непосредственно на материк. Он совпадает с основанием частично попавшей в шурф пахсовой стены толщиной 1 м, высотой около 2 м. В северо-западном углу шурфа — яма, опущенная с уровня пола и заполненная органическими остатками. На полу — органика вперемешку с рыхловатым слоем и известковыми вкраплениями, толщина слоя 70 см.

Найдено 120 фрагментов керамики, из них пять — лепных (котлы), остальные — станковой работы. В начале V яруса найдено прекрасно отшлифованное точило длиной 7 см, шириной 1,5 см с отверстием в верхней части. Несколько выше обнаружен обломок железного ножа.

Второй пол отмечен на границе III и IV ярусов. Между вторым и третьим полом в западной части шурфа — заполнения толщиной 50—60 см, состоящие из зеленоватого цвета органики и коричневатого рыхлого слоя. У восточной стенки — очажное пятно диаметром 60—70 см, над ним зольник. В слое найдено 162 фрагмента керамики, из них четыре — лепных.

Третий уровень пола соответствует концу II яруса. Над полом — слой средней плотности с угольками, выше — до уровня четвертого пола — чередующиеся прослойки органики, рыхловатой земли и зольников. В восточной стороне шурфа зафиксированы части упавшей пахсовой стены и обломки сырцового кирпича. В конце — уплотненный слой глины, на котором возведен новый, четвертый уровень пола. Найдено 68 фрагментов, все станковой работы.

Четвертый пол, приходящийся на конец I — начало II яруса, лежит с небольшим наклоном с запада на восток. Над ним до дневной поверхности — очень рыхлый слой земли с отдельными пятнами органики и золы. Найдено 29 фрагментов, из них четыре лепных. Отсутствие в культурных слоях следов упадка свидетельствует о непрерывности обживания поселения. Вместе с тем состав культурного слоя и статистический подсчет керамики указывают на то, что более интенсивно поселение обживалось на первом и втором этапах, менее — на третьем. На четвертом этапе обживание поселения постепенно прекратилось, о чем свидетельствуют малое количество керамических находок и слабая насыщенность культурного слоя.

Полученная на раскопках керамика независимо от глубины залегания не отличается разнообразием. Это говорит об устойчивости основных форм сосудов, бытовавших на протяжении довольно длительного промежутка времени. Следует только отметить, что в верхних горизонтах значительно больше керамики с уплощенным массивным венчиком, а в нижних — с подтреугольным венчиком. Ведущие формы керамики — хумы, хумчи и небольшие сосуды классической цилиндрической формы с подкосом у дна, покрытые светлым ангобом в верхней части и краснова-

тым — в нижней. Имеются также горшковидные сосуды с отогнутым венчиком и лепные котлы (рис. 2—5).

При сравнении керамики Газимуллатепе и других памятников юга Узбекистана выясняется, что наиболее сходными с первой

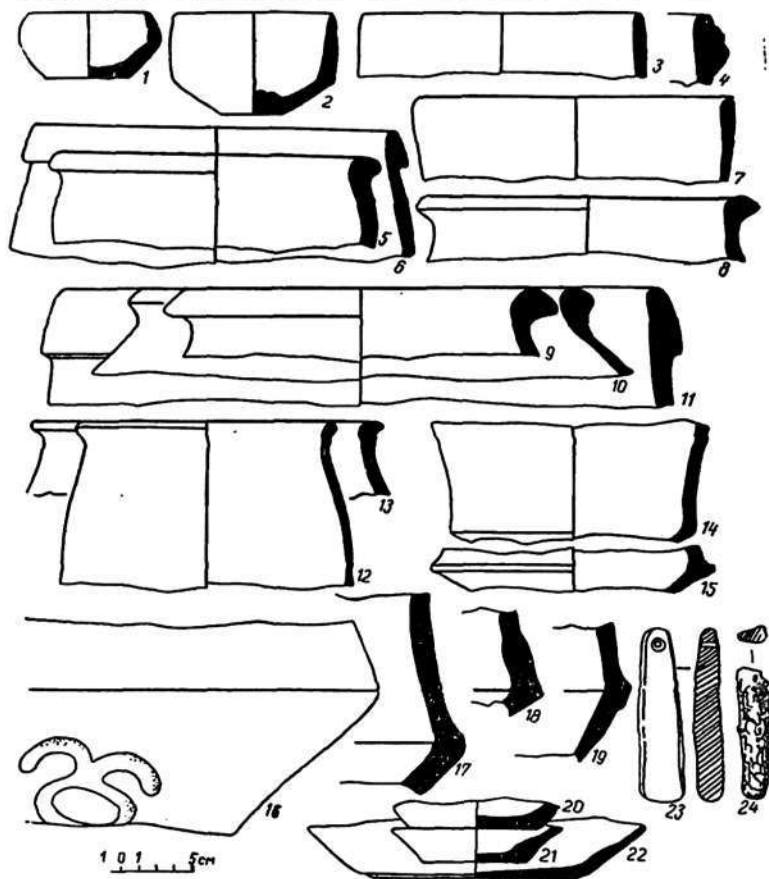

Рис. 2. Газимуллатепе. Шурф 1/IV.

являются керамические комплексы Талашкантепе⁷, Пачмактепе⁸, верхнего слоя Кучуктепе и Кызылтепе⁹. Эти памятники датируются VI—IV вв. до н. э., что позволяет отнести и время существования поселения Газимуллатепе к синхронному периоду.

⁷ Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе-1. Бактрийские древности. Л., 1975. С. 21, 22.

⁸ Пядаев Ш. Р. Открытие нового памятника середины I тыс. до н. э. // ОНУ. 1973. № 11. С. 35, 36.

⁹ Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Кучук-тепе. Ташкент, 1978; Сагдуллаев А. С., Хакимов Э. А. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе (по итогам работ 1973—1974 гг.). Бактрийские древности. Л., 1976. С. 26, 27.

При сравнении керамики Газимуллатепе и Бандыхантепе-II, находящегося в 0,5 км к юго-западу, выявляется сходство, в частности в цилиндрической форме сосудов, цвете ангоба, наличии выемки у венчика, а также близкой, хотя и не идентичной форме венчиков. Сходство с керамикой Бандыхантепе-II особенно заметно в нижних горизонтах Газимуллатепе. В то же время имеются и существенные различия, которые выражаются в наличии более острых ребер в месте подкоса и более округлых венчиков

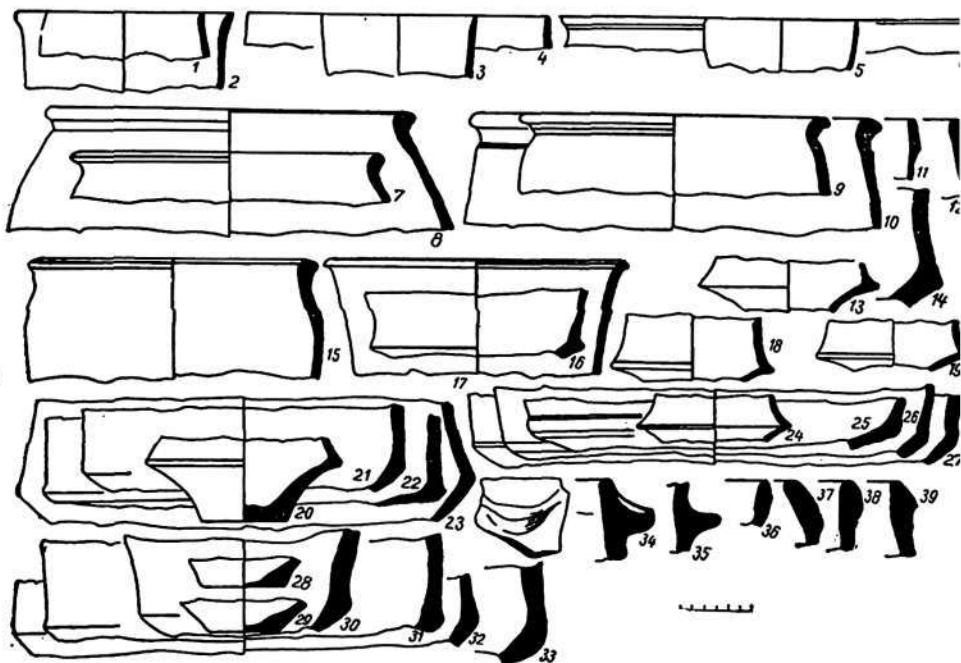

Рис. 3. Газимуллатепе. Шурф 1/III.

сосудов в керамике нижних горизонтов Газимуллатепе. Черты сходства свидетельствуют о преемственности керамического комплекса Газимуллатепе, а различия — о его более позднем в сравнении с Бандыхантепе-II существовании. Это подтверждается и присутствием в верхних горизонтах Газимуллатепе массивных уплощенных венчиков, которые представлены на Бандыхантепе-II очень малым числом.

Таким образом, в районе кишлака Бандыхан имеются три поселения, отражающих три этапа развития культуры в данном оазисе в первой — начале второй половины I тысячелетия до н. э.: Бандыхантепе-I, Бандыхантепе-II и Газимуллатепе — Бандыхантепе-III. Каждое из них обживалось только в один определенный период. Причины их упадка и перемещения населения на новое место (хотя и на небольшое расстояние) остаются пока не совсем ясными. Однако стратиграфические наблюдения говорят не

о постепенном их упадке, а, вероятно, о внезапной гибели, поскольку культурный слой до дневной поверхности остается достаточно мощным, плотно насыщенным керамикой, костями животных и другими следами интенсивной человеческой деятельности. На раскопках в северо-восточном углу крепости Бандыхан-

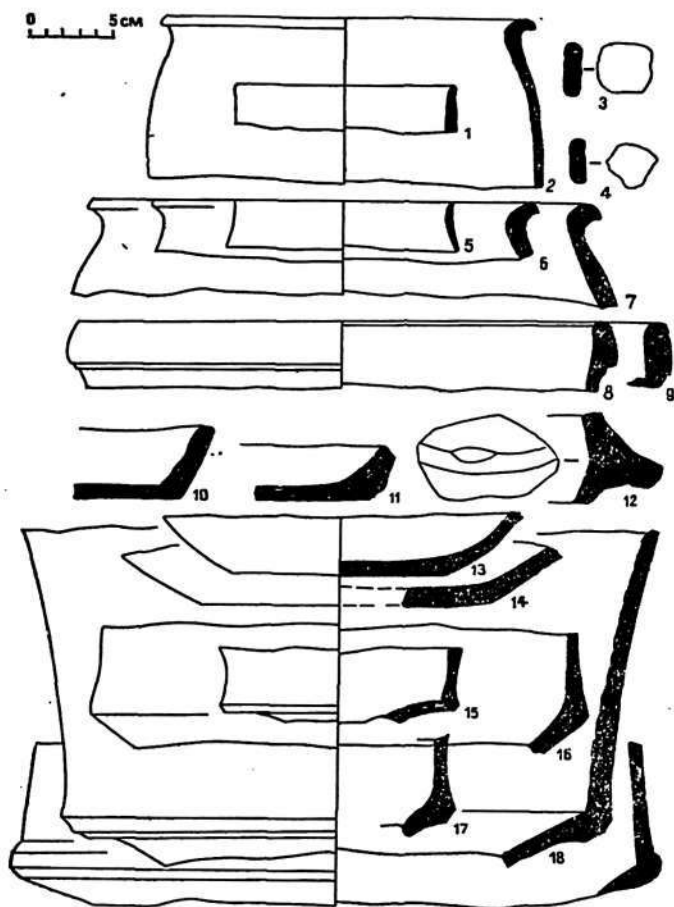

Рис. 4. Газимуллатепе. Шурф 1/II.

тепе-II выявлен мощный небытовой горелый слой и остатки разбитой оборонительной стены.

Б—96 (Ялангтуштепе). Площадь поселения в предыдущей публикации указана неточно¹⁰, она составляет около 30 га.

Б—97 (Сар-и Банд). Общая площадь около 20 га. Состоит из квадратного в плане укрепленного бугра (размеры по верхней горизонтали — 33×33 м, по нижней — 50×50 м) и подступающего к нему с трех сторон неукрепленного поселения с рассредоточен-

¹⁰ Ртвеладзе Э. В. Новые... С. 100.

ной планировкой, вытянутого с северо-востока на юго-запад. С северо-востока поселение ограничено руслом Кофрунся и двумя каналами-водосбросами, один из которых, проходящий рядом с бугром, возведен, видимо, при кушанах, а другой — в период позднего средневековья.

В заложенном у северо-восточного края бугра шурфе выявлена свита культурных отложений мощностью 2,4 м (от репера

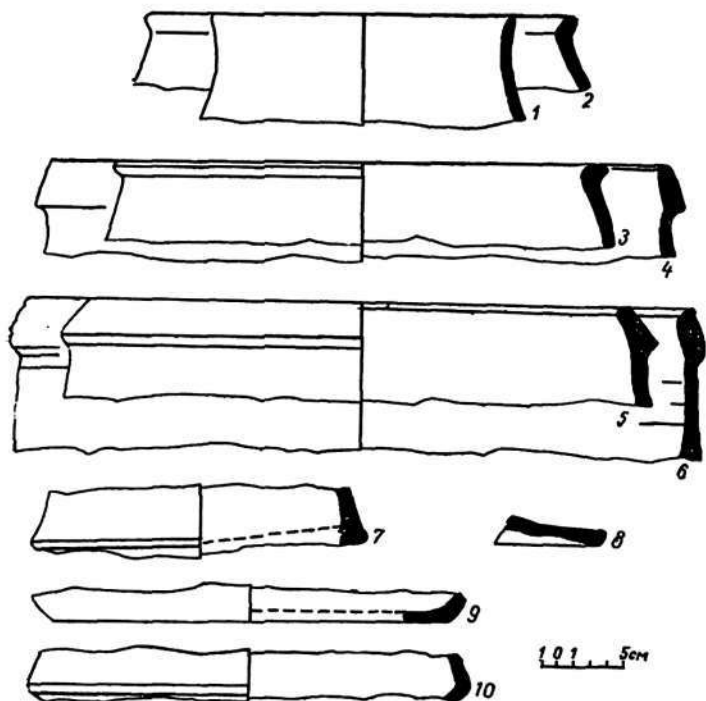

Рис 5. Газмуллатепе. Шурф 1/1.

до уровня материка). Судя по найденной в этих слоях тонкостенной красноангобированной керамике, изредка украшенной орнаментом в виде волнистой линии и штампами, хронологические рамки обживания поселения — I—IV вв. н. э. Возникновение поселения связано с охраной и распределением воды¹¹.

Б—99 (Яссытепе). Прежние данные о размерах поселения неточны. Тепе подквадратной формы (50×40 м) высотой 2,7 м, площадь 0,2 га. Частично разрушено, поверхность заасфальтирована под хирман. В разрезе северо-западной и юго-восточной сторон выявлены узкие помещения и стены шириной 1 м, сложен-

¹¹ Ртвеладзе Э. В., Исхаков М. Х. Плотина Сар-и Банд//САУ, 1. 1977. С. 18—20.

ные из квадратного сырцового кирпича (37×37×12 см). На одной из стен обнаружено шесть ремонтных слоев белой штукатурки. Принадлежит к мелким поселениям сельского типа.

Б—100 (Коштепе). По данным стратиграфических исследований, толщина культурного слоя в районе цитадели достигает 8—9 м. Нижний слой датируется II—I вв. до н. э., верхний — IV—V вв. н. э. В 30 км к северо-западу от цитадели, в обрыве берега арыка на глубине 1,6 м зафиксированы остатки хумного захоронения.

Новые выявленные памятники значительно дополняют количество поселений ахеменидского и кушанского времени в Сурхандарьинском регионе. Из 124 известных в настоящее время памятников 108 относятся к кушанскому, 16 — к ахеменидо-бактрийскому периоду.

Нижние слои кушанских городищ: Ханакатепе (Халчаян), Джандавляттепе, Хаитабадтепе, Дабиль-Курган — относятся к середине I тысячелетия до н. э., что увеличивает количество поселений этого времени до 20.

В плане исторической географии весьма интересным является оазис VI—IV вв. до н. э., определенный на юге Узбекистана и названный нами Сурханским. В нем выявлены два поселения этого времени: Б—110 и Б—49 (Хаитабадтепе). Оазис занимает район к северу от Джаркургана до низовьев Бандыхансаю. Представляется возможным то, что его освоение начато переселенцами из Ургульского оазиса, где к концу первой половины I тысячелетия до н. э. погибло крупное поселение Бандыхантепе-II (Б—92). После запустения Б—92 часть его жителей основала на левом берегу Ургульсаю поселение Газимуллатепе (Б—95), а другая, вероятно, спустившись по Бандыхансаю, в низовьях этой реки построила поселение Б—110 и 20 км ниже — Б—49 (Хаитабадтепе). Возможно, в этом оазисе были расположены и другие поселения данного периода, но они или не сохранились, или пока не найдены.

Б. АБДУЛГАЗИЕВА

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ВОСТОЧНОЙ ФЕРГАНЕ

На правом берегу Карадарьи, на территории Балыкчинского района Андижанской области исследована группа памятников, расположенных вокруг укрепленной усадьбы Халпа. На основе подъемного керамического материала, в основном красноангобированного, памятники предварительно были датированы первыми веками нашей эры и ранним средневековьем.

Усадьба Халпа находится на северо-восточной окраине одноименного кишлака, в 2 км севернее Карадарьи. Имеет прямо-

угольную форму, окружена стенами с длиной сторон 100 м. В северо-восточном углу находится огромный холм замка подпрямоугольной формы длиной 75 м, шириной 50 м, высотой 7 м. В юго-западном углу крепостных стен выделяется небольшой

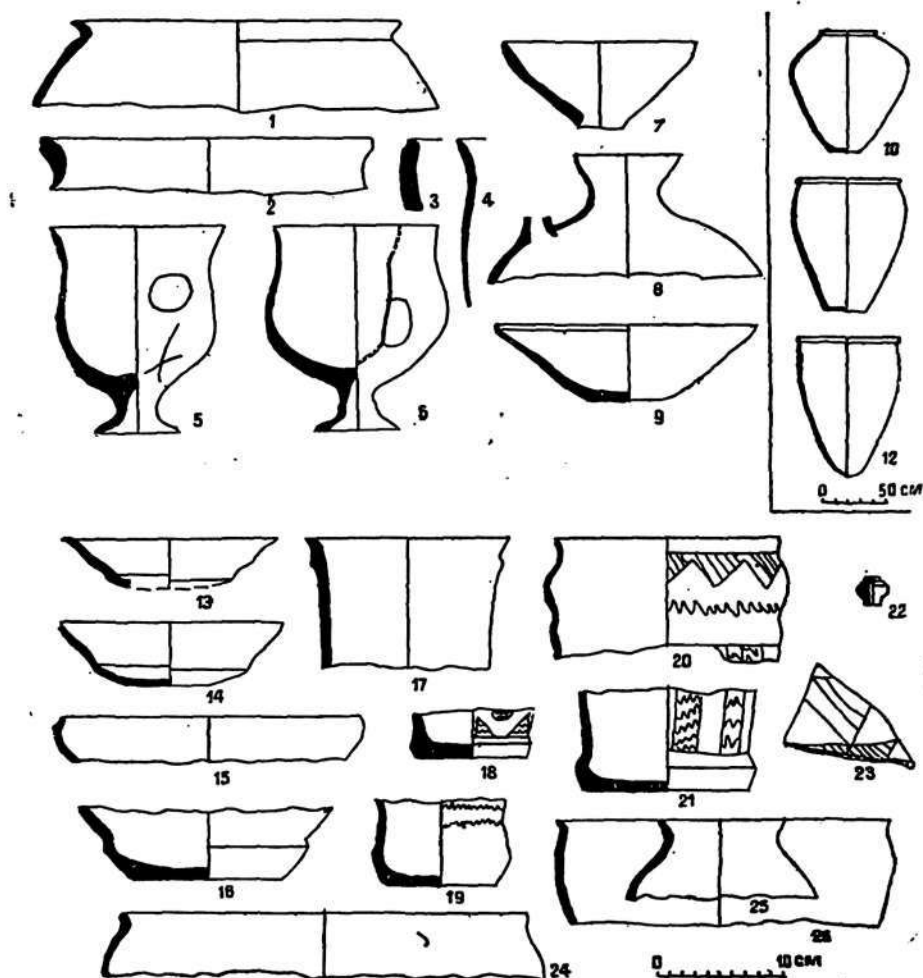

Рис. 1. Керамика: 1—10—тепе № 2; 11—26—Деватепе.

холм, видимо, остатки оборонительной башни. В поселение ведут два въезда: один с северо-запада, другой — с юго-востока от замка. В 50 м восточнее усадьбы имеется плоский холм высотой 2—3 м, длиной 80 м, шириной 50 м. Северо-восточная сторона его частично разрушена при рытье канала Ходжаабдасай.

Особое внимание было уделено отдельным тепе, поскольку при планировочных работах разрушениям (ввиду небольших размеров) подвергаются в первую очередь они. В восточной Ферга-

не этот тип памятников раннесредневекового периода изучен слабо, поэтому любые находки представляют интерес.

Раскопки проводились на двух буграх — тепе № 2 и Дева-тепе.

Тепе № 2 входит в группу из трех памятников, расположенных в 150—200 м южнее усадьбы Халпа (для удобства описания они были пронумерованы). Это прямоугольное (20×30 м), высотой 2,5 м поселение оказалось сильно разрушенным планировочными работами. На нем был произведен разрез (площадью 1×29 м) на всю его ширину. Несмотря на сильную разрушенность тепе, благодаря произведенным зачисткам и раскопам удалось выявить остатки небольшого здания с двумя культурными горизонтами. Исследованиями установлено, что здание возведено на предварительно выровненном материке, внешние стены построены из сырцовых кирпичей (40×32—37×7—10 см). Стена толщиной 1,5 м сохранилась в высоту на 1,5—1,7 м. В пределах этих стен возводились помещения, производились перепланировки. Уровень нижнего пола — на глубине 2,6 м от современной поверхности. Около стены стоял хум яйцевидной формы с узким горлом, диаметром венчика 46 см, высотой 106 см (рис. 1, 10). В завале над полом найдены три раковины каури. Видимо, здание этого периода погибло от пожара, о чем можно судить по слою золы и древесных угольков, перекрывавших пол.

В последующее время были произведены перестройки, которые характеризуются поднятием уровня пола на 1,3 м. В верхнем слое на полу обнаружены фрагменты керамики, среди которых имеются и археологически целые.

Вся столовая посуда изготовлена на гончарном круге, покрыта тусклым черно-красным и коричневатым ангобом. По форме выделяются горшки с округлым туловом и сильно отогнутым венчиком (рис. 1, 1). Кубки встречены двух типов. Первый имеет тулово в виде усеченного конуса (рис. 1, 7). Второй — с округлым туловом, слегка сужающимся к отогнутому венчику, на полый ножке с кольцевым валиком или без него. На стенках кубков имеются тамги в виде овала и косога креста (рис. 1, 5, 6), прочерченные поверх ангоба. Аналогичные кубки на полый ножке встречены на памятниках каунчинской культуры периода Каунчи II¹. Кубок из нижнего слоя Шаушукумтобе отличается от вышеуказанного кубка из тепе № 2 тонкостью черепка, покрыт красным ангобом с лощением². Особенно сходны с кубками из

¹ Датировка слоя Каунчи II до сих пор вызывает дискуссии среди исследователей: Л. М. Левина датирует концом III—V вв. н. э. (См.: Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М., 1971. С. 182), Ю. Ф. Буряков — II—IV вв. н. э. (См.: Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 79), М. И. Филанович — III—VI вв. н. э. (См.: Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С. 144. Рис. 14).

² Левина Л. М. Указ. соч. С. 145. Рис. 51, 24.

тепе № 2 изделия из металла³, найденные в с. Малая Перещепина бывшей Полтавской губернии, по поводу которых Б. И. Маршак, уделяющий большое внимание систематизации восточного серебра, писал: «...в погребении кочевого предводителя 3-й четверти VII в. группа предметов неясного происхождения оказалась близкой голове сенмурва и согдийским вещам по ряду деталей»⁴. Наличие аналогов этим кубкам в керамике Ферганы подчеркивает их среднеазиатское и, более конкретно, ферганское происхождение. Изделия из металла в Фергане пользовались большой популярностью, о чем свидетельствуют находки керамических имитаций их на поселениях и в могильниках⁵. Кубки из тепе № 2 имеют плавные очертания, без резких перегибов. В данном случае не керамические изделия являются подражанием металлическим, а, наоборот, металлические — керамическим, что отмечалось и для некоторых сосудов раннесредневековых гончаров Туркмении⁶. Кубки из тепе № 2 имеют, как было сказано выше, почти круглый резервуар с плавно отогнутым венчиком. Эта форма — типично местная. В Фергане в первые века нашей эры и предарабское время широко были распространены кружки, кубки без ножки, а также на кольцевом полом поддоне и миниатюрные сосуды аналогичной формы, для полного тождества к ним стоит только подставить полые поддоны⁷. Кубки из тепе № 2 являются дополнительным аргументом в пользу высказанной Б. И. Маршаком мысли о возможности выявления ферганской школы торевтов и уточнения локальных вариантов торевтики областей Средней Азии по мере накопления материалов⁸.

Чаши усеченноконической формы (рис. 1, 9) типичны для раннесредневековой керамики Ферганы. Встречены фрагменты кувшинов с раструбообразным венчиком и сливом на тулове (рис. 1, 8). Это характерный тип кувшинов со смятым рожком (на экземпляре, представленном на рисунке, рожок отбит), который получил широкое распространение в Средней Азии в VI—VIII вв. н. э.⁹ Аналогичные сосуды имелись в верхнем слое городища Сартепе (V—VI, VII—VIII вв. н. э.)¹⁰, расположенного в 20 км западнее тепе № 2. Возникновение их исследователи относят к III—V вв. н. э.¹¹

³ Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. Л., 1935. Табл. 60, 6, 9.

⁴ Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971. С. 52.

⁵ Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973. С. 109.

⁶ Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва//Труды ЮТАКЭ. Т. 11. Ашхабад, 1962. С. 109.

⁷ Литвинский Б. А. Указ. соч. Табл. 2, 6, 19, 22; с. 96, 103; табл. 5, 3; 10, 1, 7; с. 144; табл. 30, 20, 72.

⁸ Маршак Б. И. Указ. соч. С. 85.

⁹ Литвинский Б. А. Указ. соч. С. 120, 121. Табл. 35, 3.

¹⁰ Абдулгазиева Б. Раскопки Сартепе//История и археология Средней Азии. Ашхабад. 1978. С. 152, 153.

¹¹ Литвинский Б. А. Указ. соч. С. 120.

Из кухонной посуды найдены фрагменты котлов, изготовленных из глины с шамотом и подразделяющихся на два типа. Первый тип — котлы округлой формы с отогнутым венчиком диаметром 26 см. Второй — котлы с прямыми стенками (рис. 1, 2—4).

Исходя из приведенных аналогий, поселение № 2 можно отнести к V—VI вв. н. э. Более ранней датировке противоречит отсутствие в комплексе керамики специфического для Ферганы первых веков нашей эры процарапанного орнамента, более поздней — наличие цветного ангоба. В керамическом производстве VII—VIII вв. отмечены изменения¹².

Деватепе расположено в 2 км севернее усадьбы Халпа, на территории колхоза им. Куйбышева. Оно тоже было разрушено планировочными работами. Поселение представляет собой округлый холм высотой 2,5 м, шириной 30 м, в длину сохранилось на 35 м, ориентировано по направлению СЮ. Благодаря разрезам на этом тепе выявлено наличие двух строительных горизонтов, соответствующих двум последовательным этапам жизни на поселении. От нижнего периода сохранился культурный слой толщиной 90 см, выявленный на глубине 170 см. В разрезах зафиксированы контуры двух помещений, стены которых толщиной 120—130 см сохранились в высоту на 70 см. Помещения имели по одному уровню пола. Длина первого помещения, расположенного с западной стороны, 7,75 м. Второе помещение, смежное с первым, находилось к востоку от последнего. Оно, видимо, имело хозяйственное назначение. В нем откопаны четыре больших хума, один из которых был врыт в пол у стены. Его сохранившаяся высота 1 м, но, вероятно, он был выше, не менее 150 см, диаметр сохранившейся части тулова 135 см, плоского дна — 40 см. Здание возведено на стилобате высотой 1 м. Строительный материал — пахса.

Верхний строительный горизонт возведен на забутованных руинах предыдущего периода. Он залегал на глубине 80 см. В этом слое откопана часть помещения со стеной, сложенной из сырцовых кирпичей прямоугольного формата (40—42×30—35×8—9 см), аналогичных откопанным на тепе № 2. Стена толщиной 72 см и высотой 60 см сохранилась на 4 ряда кирпичей. Кирпичи в кладке выложены в два ряда с промазкой между рядами толщиной 7 см. В завале и на полу обнаружены целые и фрагментарные каменные зернотерки небольших размеров, дисковидные терки, оселки. В промазке между кирпичами стены найдена одна стеклянная граненая бузина.

Основным датировочим материалом строительных горизонтов является керамика. Сосуды нижнего горизонта по технике изготовления делятся на две группы. В первую группу выделена керамика, изготовленная на гончарном круге. Вся она покрыта

¹² Горбунова, Н. Г. О раннесредневековой керамике Ферганы//УСА. Вып. 4. Л., 1979. С. 69—70.

тусклым красным ангобом, порой не очень прочным, облупившимся, с черными расплывчатыми пятнами. В эту группу входят следующие формы сосудов:

чаши усеченноконической формы с перегибом в нижней части тулова. Покрываются ангобом внутри и снаружи (рис. 1, 13, 14);

баночные сосуды — очень распространенная после чаш форма в керамике нижнего слоя. Имеют цилиндрическую конфигурацию, гофрированные стенки, подкос у дна (рис. 1, 17, 19, 21). Украшены в основном процарапанным поверх ангоба геометрическим орнаментом: пояс заштрихованных треугольников под венчиком; параллельные вертикальные полосы, заполненные зигзагообразными линиями. Сосуды разной величины, диаметром венчика — 16—18 см, дна — 12—13 см. Они находят аналогии в керамике Ферганы первых веков нашей эры¹³;

горшки округлой формы с отогнутым венчиком. Иногда украшались процарапанным поверх ангоба геометрическим орнаментом в виде заштрихованных треугольников (рис. 1, 23);

тагора округлой формы с отогнутым венчиком диаметром 32 см. Внутри покрыты жидким красным ангобом. На тулове одной миски под венчиком имеется тамга в виде крючка (рис. 1, 24).

Вторую группу составляют лепные сосуды хозяйственного назначения — хумы яйцевидной формы с широким устьем. Характерным для них является наличие венчика в виде приплюснутого валика с вертикальными бороздками, тулово, сужающееся к небольшому плоскому или выпуклому дну (рис. 1, 11, 12). Аналогичные хумы типичны для памятников шурабашатского периода Ферганы¹⁴ и характерны для античной керамики Средней Азии.

Керамический материал верхнего слоя не очень сильно отличается от сосудов нижнего. Различие заключается в качестве изготовления: ангоб — красновато-коричневый, зачастую жидкий, тусклый.

Чаши встречены как с перегибистым, так и коническим туловом с загнутым краем (рис. 1, 15, 16). Они покрывались ангобом внутри полностью, а снаружи полностью или полосой под венчиком.

Баночные сосуды украшены процарапанным поверх ангоба геометрическим орнаментом, состоящим из различных комбинаций треугольников и кругов с зигзагообразными линиями (рис. 1, 18, 19).

Горшки имели прямые стенки с отогнутым венчиком. Они покрывались ангобом снаружи (рис. 1, 26).

¹³ Козенкова В. И. Гайрат-тепа//СА. 1964, № 3. С. 230. Рис. 5, 7; Исамиддинов М., Матбабаев Б., Кучкаров Т. Предварительное изучение керамики поселения Куюльтепа Северной Ферганы//ИМКУ. Вып. 18, Ташкент, 1983. С. 91—101.

¹⁴ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960. С. 37. Рис. 17, 1.

Встречены керамические прясла биконической формы с рифленой поверхностью, покрытые густым красным ангобом (рис. 1, 22).

Учитывая приведенные аналогии, комплекс описанной керамики можно датировать II—III вв. н. э. и ранним средневековьем. Отсутствие резких отличий в формах сосудов, разграничиваемых только стратиграфическим залеганием, позволяет предположить, что разрыв между строительными горизонтами не был слишком продолжительным. Возникновение поселения можно отнести ко II—III вв. н. э., а верхний строительный горизонт — IV—V вв. н. э.

Результаты раскопок Деватепе позволяют заключить, что оно представляло собой поселение сельского типа с двумя периодами обживания, датируемыми II—V вв. н. э. Верхний слой его, судя по керамике, не синхронен тепе № 2, которое возникло после прекращения жизни на Деватепе.

Подводя итоги изучения поселений тепе № 2 и Деватепе, следует отметить сходство некоторых строительных приемов в архитектурных сооружениях Средней Азии. Под раннесредневековые замки зачастую в качестве платформ использовались руины более ранних поселений, которые разравнивались, утрамбовывались и заливались слоем глины. Вначале возводили периметр внешних стен, затем внутри них строили помещения. Таковы замок Гайраттепе (I—VI вв.)¹⁵, Сымтепе¹⁶, Калаиболо¹⁷ в Фергане, Жангалтепе в Южном Согде (II—V вв.)¹⁸.

Исследованные поселения тепе № 2 и Деватепе имеют явно земледельческий характер.

Сопоставление керамических комплексов верхних слоев Деватепе и тепе № 2 позволяет заключить: в середине V — начале VI в. процарапанный орнамент практически не применялся, что отмечалось также и другими исследователями¹⁹.

Сравнительный анализ керамического материала свидетельствует о тесных культурно-экономических связях Ферганы, в первую очередь с памятниками каунчинской культуры.

Т. Дж. АННАЕВ

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ СЕВЕРНОГО ТОХАРИСТАНА

Характерной особенностью раннесредневековой керамики северного Тохаристана является такая группа сосудов, как кружки. Она имеет ряд устойчивых признаков: форма корпуса, наличие

¹⁵ Козенкова В. И. Указ. соч. С. 220.

¹⁶ Горбунова Н. Г., Козенкова В. И. Сымтепа — поселение в Восточной Фергане//АСГЭ. Вып. 16. Л., 1974. С. 94, 95.

¹⁷ Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района//Труды АН ТаджССР. Т. 35. 1955. С. 83, 84, 125. Рис. 36, 2.

¹⁸ Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда. Ташкент, 1981. С. 27.

¹⁹ Горбунова Н. Г. Указ. соч. С. 69.

ручек, ангобное покрытие — и характеризуется высоким уровнем изготовления. Кружки обнаружены на раскопках замков Куев-тепе, ангобное покрытие — и характеризуется высоким уровнем изготовления. Кружки обнаружены на раскопках замков Куев-

Хосият-тепе, IV стр. период		Кулаглытепе, III стр. период		Балалыктепе	Аджилытепе, II стр. период	Заргар	Мучактепе своей Мучак II	
								2 пол. VII — 1 пол. VIII в.
Айсарытепе				?				2 пол. VI — 1 пол. VII в.
Кучуктепе	Куевбурган	Замок на цитадели Зартепе			Далварзинтепе	Впускное покрытие		2 пол. X — 1 пол. XI в.
<p>А</p>				<p>Б</p>				

Рис. 1. Кружки в археологических комплексах Тохаристана и их прототипы.

кургана, Кучуктепе и на цитаделях городищ Зартепе и Хосияттепе¹, а также, судя по публикациям, на Балалыктепе², Кулаглытепе (Зангтепе)³ и Айсарытепе⁴.

¹ Раскопки раннесредневековых памятников северного Тохаристана ведутся с 1977 г. совместной Бактрийской экспедицией Института археологии АН УзССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (руководитель — член-корреспондент АН ТуркмССР, профессор В. М. Массон),

Накопление новых археологических данных позволяет проследить некоторые стороны генезиса и эволюции этой формы в совокупности с раннесредневековой керамикой северного Тохаристана.

Выделяются следующие типы кружек: I — с вертикальным горлом и округлым туловом, снабженные одной или двумя сдвоенными ручками; II — с округлым корпусом и одной ручкой; III — с усеченно-коническим корпусом (рис. 1). Следует отметить, что кружки характерны для культур скотоводческо-земледельческих племен севера Средней Азии⁵. В археологических комплексах Бактрии кушанского времени кружки имеются в Мирзакултепе (верхний строительный горизонт), Халчаяне (Западный дом, период IV), Дильберджине (комплекс Сардоба), Кухнакале и позднекушанских комплексах Аккургане и Актепа. Кружки из Мирзакултепе⁶ и Халчаяна⁷ — одноручные, в первом случае тулово сосуда имеет усеченно-коническую форму с вогнутым краем, во втором — цилиндрическую с отогнутым краем. Кружка из городища Дильберджин⁸ снабжена зооморфной ручкой в виде обезьяны. Судя по данным из Кухнакалы, во II—IV вв. н. э. в северном Тохаристане появились кружки со штампованным орнаментом⁹. Ручка кружки из верхнего слоя Аккургана (вторая половина IV — начало V в.) также оформлена в виде фигурки обезьянки, вдоль тулова нанесено полосчатое лощение в виде ромбов, а корпус приобрел округлую форму¹⁰. На синхронном по времени комплексе Актепе имеется кружка с цилиндрическим туловом и с-образной ручкой¹¹. По-видимому, ближе к V в. на правобережье Тохаристана сформировались три типа

с 1979 г. — Сурхандарьинской археологической комплексной экспедицией (руководитель — член-корреспондент АН УзССР, доктор исторических наук А. Аскаров).

² Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. С. 89. Рис. 61, 2.

³ Альбаум Л. И. Раскопки замка Зангтепе//ИМКУ. Ташкент, 1963. С. 73—83. Рис. 2.

⁴ Пидаев Ш. Р. Материалы к изучению древних памятников северной Бактрии//Древняя Бактрия. Л., 1974. Рис. 6, 1, 2.

⁵ Акишев К. А., Кушаев Г. Л. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. Табл. VII, XI.

⁶ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени северной Бактрии. Ташкент, 1978. Табл. II, 12.

⁷ Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. Ташкент, 1966. С. 90—92. Рис. 59.

⁸ Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. Ч. 2. Материалы к археологической карте северного Афганистана. Вып. 3. М., 1977. Рис. 29, 47, 4.

⁹ Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г.// Доклады АН ТаджССР. Вып. 11. Душанбе, 1954. С. 58. Рис. 4, 1, 4.

¹⁰ Пидаев Ш. Р. Поселение кушанского времени северной Бактрии. Ташкент, 1978. Табл. XIV, 3.

¹¹ Седов В. А. Работы Шаартузского отряда в 1976 г.//Археологические работы в Таджикистане. Вып. 14 (1978 г.). Душанбе, 1982. Рис. 2, 14.

кружек: с зооморфной ручкой, с округлым корпусом и одноручные цилиндрические. Прототипами первых двух являлись кружки с зооморфными ручками и кружки с округлым корпусом культуры Каунчи¹². Третий тип кружек демонстрирует местную автохтонную линию развития, для них исходным пунктом сложения являлись позднекушанские одноручные чашевидные кубки с вертикальным венчиком.

V в. н. э. являлся для северного Тохаристана периодом активного взаимодействия культур, временем, когда происходил непрерывный процесс культурной преемственности и внедрения новых элементов в культуру. Этот процесс охватил и один из видов массовой культуры — керамическое ремесло. В общем количестве кружек, отнесенных к V — первой половине VI в., преобладают двуручные с вертикальным горлом. В их числе — 11 кружек из замка на цитадели Зартепе (вторая половина V — первая половина VI в.), около 10 — из Куевкургона и Кучуктепе (вторая половина V — начало VI в.)¹³.

Аналоги или прототипы, которые могли бы рассматриваться как самые ранние образцы, в позднекушанских комплексах отсутствуют. Кружки с двойной ручкой за пределами северного Тохаристана известны в трех районах: на северном Кавказе¹⁴, в Пенджикенте (слои V—VI вв.)¹⁵ и Южном Казахстане в комплексах Костюбе¹⁶ и Караултюбе¹⁷. На последнем они многочисленны, датированы II—IV вв. н. э.¹⁸

Появление двуручных кружек в районах северного Тохаристана связано с торговлей или миграцией племен, изготавливающих их. Вместе с тем они не были прямым заимствованием, так как тулово сосудов приобретало здесь округлую форму, горло стало вертикальным, на нем появились уступ или выемка. В комплексах середины V в. (замок на цитадели Зартепе) наряду с двуручными найдены и одноручные кружки с округлым туловом. Кружка аналогичной формы была обнаружена во впускном погребении городища Дальверзинтепе. Ссылаясь на отсутствие хронологиче-

¹² Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 7. М., 1971. Рис. 59.

¹³ Аннаев Т. Дж. Раннесредневековые поселения северного Тохаристана. Автореф. канд. дис... Л., 1984. С. 8.

¹⁴ Кузнецов В. А. Аланские племена северного Кавказа. Материалы и исследования по археологии СССР. № 106. С. 123.

¹⁵ Маршак Б. И. Код для описания керамики Пенджикента V—VI вв. н. э. // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. Рис. 5, 75.

¹⁶ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. Рис. 83.

¹⁷ Подушкин М. Н. Новое поселение древнеземледельческой культуры на юге Казахстана // Известия АН КазССР, 1968. С. 71—75.

¹⁸ Там же. Табл. I, 9, II, 3—5.

ской колонки раннесредневековой керамики северного Тохаристана, ученые датируют это погребение V—VII вв. н. э.¹⁹

Кружки обнаружены и в комплексе Айсарытепе, который предварительно был датирован III—V вв. н. э.²⁰ Дальнейшее уточнение позволило передатировать его верхний строительный горизонт второй половиной VI — началом или первой половиной VII в.²¹ В комплексе имеются 8 экземпляров кружек: 6 из них — двуручные, 2 — одноручные, в пределах рассматриваемого времени первые бытуют без изменения. Дальнейшая эволюция форм и появление новых типов кружек северного Тохаристана наблюдаются в археологических комплексах второй половины VII—VIII вв. (рис. 1).

В Хосияттепе имеется 13 экземпляров кружек, относящихся к IV типам, Кулаглытепе — 9 (I и IV типы). Среди кружек I типа — в Аджинатепе²², Хосияттепе — появляются одноручные, причем на сосудах последнего городища наблюдается увеличение желобков на горловине. У двуручных кружек выделяется поддон округлой формы, у некоторых горло приобретает вытянутую форму, ручка переносится на середину тулова. Кружки из Кулаглытепе имеют цилиндро-коническую форму с отогнутым краем, из Хосияттепе — край слегка вогнут. Кружка аналогичной формы обнаружена в слоях VII в. на Гаравкале. В VII в. в северном Тохаристане появились лепные кружки²³. В пределах этого времени изготовлялись также кружки усеченно-конической формы. В Хосияттепе сосуды этого типа были покрыты темно-коричневым ангобом, в Балалыктепе имели вогнутый край²⁴.

Г. И. БОГОМОЛОВ, Ю. Ф. БУРЯКОВ

КУЛЬТОВЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ ПРИ ЖИЛЫХ ДОМАХ С ГОРОДИЩА КАНКА

В последнее время изучение культовых предметов и сооружений иронически объявляется модой, однако не следование ей движет учеными, а стремление выявить идеологические представления древнего общества, полнее охватить закономерности, от-

¹⁹ Тургунов Б. А., Пугаченкова Г. А. Дом рядового горожанина// Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 65—74. Рис. 45.

²⁰ Пидаев Ш. Р. Указ. соч. С. 39.

²¹ Аннаев Т. Дж. Указ. соч. С. 8, 9.

²² Литвинский Б. Л., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. М., 1971. С. 25.

Рис. 2.

²³ Литвинский Б. А. Керамика из могильников западной Ферганы. М., 1973. С. 99. Табл. 43, 11.

²⁴ Автор датирует комплекс Балалыктепе VII в., так как часть керамики из него (круглодонные чаши и лепные миски, хумы с черным подтеком вдоль тулова и т. д.) имеют аналоги в комплексах VII—VIII вв.

дельные явления и этапы развития этих представлений, тем более, что идеологические воззрения в древности были теснейшим образом связаны с религиозными, которые в свою очередь влияли на явления социального, культурного и политического характера.

Настоящая статья посвящена одному из частных вопросов культового строительства на городище Канка. В Ташкентском

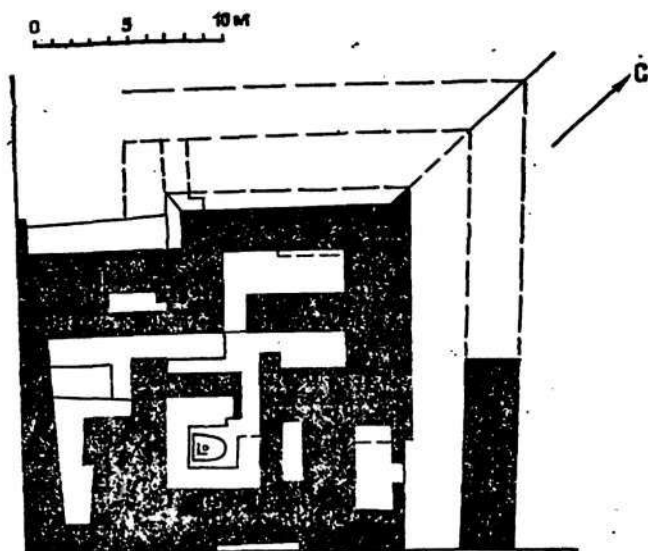

Рис. 1. Культовое помещение в цитадели Канки. План.

оазисе за последние годы при изучении жилых комплексов V—VIII вв. был обнаружен ряд небольших помещений с суфами вдоль стен и алтарем в центре. Было подмечено их сходство с домашними часовнями (капеллами) из Пенджикента. Наметилась тенденция к выделению их в обязательную принадлежность жилищ зажиточных горожан Чача раннефеодального периода. Неясным остается вопрос об их происхождении и региональной принадлежности. В Ташкентской области выделение подобных домашних алтарных комнаток археологически зафиксировано для V—VIII вв. н. э.

По форме алтарей различаются два типа этих помещений, которые, видимо, отражают два последовательных этапа в их бытовании. К первому относятся комнаты с подковообразным алтарем в центре, ко второму (более позднему) — помещения с прямоугольными алтарями. Интересно, что оба типа последовательно сменяются на городище Канка, древнем культурном центре региона¹, поэтому отправной точкой исследования послужил кан-

¹ См.: Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 40, 41.

кинский материал. Алтарная комната первого типа была вскрыта в комплексе помещений на цитадели. Она имела почти квадратную форму — $5 \times 4,85$ м, стены ее сложены из пахсы. Вдоль стен (по периметру) находились суфы шириной 1,20 м, в центре помещения — алтарь. Северная суфа имела небольшой уступ, к которому вдоль ее северного края возведена тонкая перегородка из сырца, образуя коленчатый проход-тамбур. Возможно, такая перегородка существовала и в северном конце северо-восточной стены.

Алтарь помещения имел подковообразную форму. Ближе к его южному краю была расчищена небольшая ямка овальной

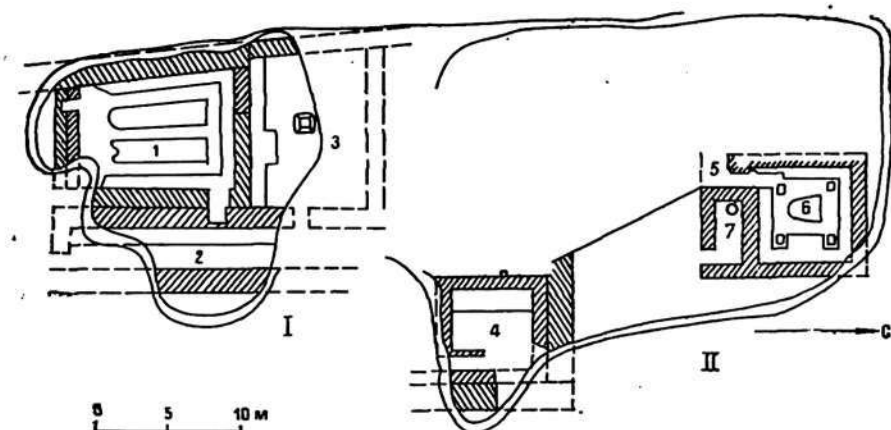

Рис. 2. Культурный комплекс из Мингурюка.

формы, окруженная с двух сторон г-образным валиком высотой 5—6 см. В функционировании помещения выявлены два этапа: первый связан с возведением суфы-эстрады у его северо-западной стены², второй характеризуется застройкой суфы-эстрады, поднятием уровня всех суф и алтаря.

Еще одно культовое помещение с алтарем первого типа вскрыто в жилом комплексе рядом с крепостной стеной Шахристана III (Р № 12). К сожалению, оно частично разрушено расположенным рядом разрезом. Помещение представляло собой небольшую комнату, по-видимому, квадратную в плане. Сохранившаяся ширина — 3,85 м. Стены сложены из пахсовых блоков, сохранились на высоту 1—1,4 м. Вдоль северной и восточной (возможно, и южной) стен были устроены суфы. Ширина суфы вдоль северной стены — 1,15 м, восточной — 0,9 м, высота обеих около 0,4 м. В центре помещения располагался алтарь подковообразной формы высотой 0,4 м и шириной 1,1 м. Книзу алтарь несколько сужался, от суф отделялся узким проходом в 0,3 м. Поверх-

² Любопытно, что в храмовом комплексе V—VI вв., расположенном восточнее цитадели у северо-западной стены, также выделяется суфа-эстрада.

ность суф и алтаря обмазана хорошо отмученной светлой глиной. Почти в центре алтаря имелась выемка диаметром 0,2 м и глубиной 12 см. Внутри ямки — красное пятно квадратной формы, возникшее вследствие обжига. Такую форму пятна скорее всего можно объяснить наличием невысокого (5—6 см) валика, который сохранился лишь с восточной стороны. Видимо, первоначально он окружал выемку со всех сторон. В последней длительное время горел несильный огонь, в результате чего поверхность прокалилась внутри ограниченного пространства и образовалось четкое квадратное пятно. Углубление было наполнено тонкой золой белого цвета. На полу найдено лишь несколько фрагментов керамики и медного бубенчика. Это указывает на то, что все предметы, хранившиеся в комнате, перенесены в другое место.

Вход в помещение шириной 0,9 м находился в северо-западном углу. Ширина «тамбура» — 1 м. Перегородка в южной части имела уступ (в «тамбур») шириной 20 см. Суфа вдоль северной стены почти на 1 м не доходила до угла, прямо на край суфы была поставлена тонкая, в полкирпича, перегородка, вытянутая параллельно западной стене. Она сохранилась на высоту чуть больше 1 м. Проход в комнату с алтарем сужен в этом месте до 60 см. Все это делалось, чтобы оградить доступ в помещение, подчеркнуть значение алтарной комнаты. Еще одним свидетельством в пользу культового назначения помещения является слой тонкого пепла, покрывавший всю поверхность пола на 5—8 см. Пепел следовало либо хоронить со сложными процедурами (обрядами), либо оставлять на месте. В таких случаях пол над пеплом, как считают некоторые исследователи, поднимался, а помещение надстраивалось³.

Видимо, с выполнением какого-то обряда связано наличие в этой комнате овальных парных углублений, обнаруженных на более широкой суфе вдоль северной стены. Длина их 10—11 см. Перед ними — ряд круглых маленьких выемок. Вполне возможно, что на суфе находилось нечто вроде трона, а в круглых углублениях крепилась арматура, поддерживавшая балдахин над сооружением.

Огонь алтаря был явно небольшим. Пепел тонкий, голубоватого цвета, образовавшийся в результате воспурения каких-то благовонных или ритуальных трав. Возможно, оно производилось не регулярно, а по особым случаям.

Помещение соединялось проходом с комнаткой прямоугольной формы (4,5×2,35 м). Выход из нее был сделан в северо-западном углу (на север), а вдоль южной стены сооружена суфа шириной 1 м.

Комплекс керамики, собранный в этом помещении, небогат и маловыразителен. Наибольший интерес представляет культовый

³ Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С. 120.

сосудик, обнаруженный недалеко от прохода в помещение, — лепной кувшинчик высотой 12 см, с невысоким горлом и тремя ручками, опущенными на чуть раздутое тулово. Дно плоское, хорошо видны следы его срезки nitкой. С внешней стороны имеются пятна ложного ангоба. Горловина сосуда закрыта тонким слоем глины еще до обжига, но в этой «пробке» сделано круглое отверстие диаметром 0,6 см, расположенное не в центре, а ближе к краю горловины. Любопытно, что в заполнении сосуда вместе с землей сероватого цвета оказалась горстка зернышек мака.

Нижний строительный горизонт содержал характерный керамический комплекс, аналогичный материалам V—VI вв. на многих других объектах городища (храм, производственный комплекс в Шахристане III). Верхний комплекс помещений, датированный керамикой VI—VII вв., погиб в результате пожара. Не исключено, что он связан с политическими событиями 605—606 гг. в Чаче. Все это позволяет датировать функционирование и закладку алтарной комнаты VI в.

Культовые помещения второго типа имеют почти аналогичное устройство. Алтари ориентированы по оси север—юг, однако вполне возможно, что их ориентация была неустойчивой. Изменилась их форма — они стали прямоугольными. Неизменной осталась традиция делать выход в северо-западном углу помещения (в западном направлении). Причем на городище Канка в Шахристане III удалось зафиксировать последовательность смены культовых помещений, когда после закладки алтарного помещения VI в. рядом возвели комнату с алтарем второго типа, погибшую, как и другие помещения, в результате пожара.

Культовое помещение строительного горизонта VI—VII вв. — прямоугольной формы (5,55×4,3 м). По периметру вдоль пахсовых стен — всех, кроме западной, — были возведены широкие, высотой лишь 20 см суфы. Ширина их неодинакова — от 1,05 до 1,4 м. Характерен способ возведения суфы — на определенном расстоянии от стен строили низкую стеночку высотой в два кирпича, а образовавшееся пространство заполняли строительным мусором и фрагментами керамики. Как и в других культовых комнатах на городище Канка, выход был устроен в северо-западном углу помещения и имел сложную конструкцию. Параллельно западной стене протянули тонкую — в полкирпича — перегородку, отгораживающую тамбур, ширина которого 1 м, а длина 1,8 м. В конце тамбура на стене-перегородке сделан уступ шириной 25 см, сузивший пространство тамбура до 0,7 м. В северо-западном углу его — проход шириной в 90 см. В дверном проеме был установлен деревянный косяк, который закреплялся в стене при помощи деревянных «пробок». Дверь открывалась внутрь, для чего часть стены была подтесана. Среди древесных углей в проходе был извлечен крупный трехперый черешковый наконечник стрелы длиной 9,4 см. Характерно тупое прямоугольное основание пера.

Пол в помещении плотный, светло-серого цвета. У южной стены, ближе к юго-западному углу, возведено прямоугольное корытообразное сооружение длиной 130 см, шириной 1 м и высотой 0,4 м. Как и суфы, оно сложено из сырцового кирпича (48—50 × 23—24 × 8—9 см). Оставшаяся часть помещения, ограниченная стеной-перегородкой, приняла почти квадратную форму (4,05 × 3,96 м). По отношению к остальным частям комплекса эта часть помещения приподнята на 25 см. Почти в центре образовавшегося квадрата около северной суфы сделано прямоугольное возвышение высотой 6—7 см и площадью 60 × 70 см. Поверхность возвышения заметно прокалена, почти в центре ее вмазана небольшая кружка. Диаметр венчика — 8 см, характерен поясковалик несколько выше плечиков сосуда. Кружечка была заполнена тонкой золой и комками горелой земли розового цвета. Прокаленная поверхность, наличие ямки-сосудика, куда ссыпали золу, свидетельствуют о том, что возвышение служило центральным алтарем. Во время культовых действий на него устанавливались курильница или переносной металлический алтарь.

В 0,5 м западнее, около перегородки были расчищены остатки еще одного возвышения, наполовину срезанного более поздней могильной ямой. Во время культовой церемонии на нем, возможно, выставлялись священные сосуды или какие-нибудь другие предметы. Прямоугольное корытообразное сооружение у южной стены помещения служило, видимо, для хранения священной травы или связок ветвей, посвященных Баресману, приготовления сока из эфедры (хаомы), смешиваемого затем с молоком.

Дробное функциональное разделение различных частей помещения наблюдается и в Даре Мехр современных зороастрийцев. По свидетельству Г. Гроппа, в Даре Мехр было установлено 6 каменных плит, одна из которых, находившаяся севернее (а), служила местом одного из священников (Zot'a), рядом располагалась плита (в) с жертвенными орудиями, справа — (с) для сосуда с водой (Rundi), а в южном конце помещения — для вазы с огнем (adsht), рядом с которой были помещены еще две маленькие плиты для кусков сандалового дерева и фимиана⁴. Д. А. Дорошенко также отмечает в алтарной части культового помещения современных зороастрийцев наличие низких каменных ступей, на которых размещалась ритуальная утварь⁵.

Возвращаясь к культовому помещению VI—VII вв., следует отметить еще одну деталь: суфы и небольшой участок пола при выходе из тамбура, рядом с корытообразным сооружением, покрывались камышовыми циновками, поверх которых сохранились следы войлока (кошмы?). Остатки зерен мака найдены в циновке около корытообразного сооружения. Е. А. Дорошенко от-

⁴ G r o p p G. Die Funktion der Feuertempels der Zoroastrier Archäologische Mitteilungen aus Iran. AF. Bd. 2. Berlin, 1969. S. 156.

⁵ Д о р о ш е н к о Е. А. Зороастрийцы в Иране. М., 1982. С. 77.

мечает, что «помещение, в котором находятся молящиеся, расположено несколько в стороне от алтарной ниши с огнем, которая скрыта от верующих перегородкой. Каменный пол молитвенного зала обычно был покрыт овчиной, теперь же стелят ковер»⁶.

Основную массу находок составляет керамика. Часть ее собрана с пола, остальная получена из заполнения суф. На полу помещения были собраны фрагменты пяти кружек. Одна из них (целая) лежала рядом с корытообразным сооружением. Это сосуд почти биконической формы. Прямой венчик слегка отогнут. На плоском дне сохранились следы срезки его ниткой. Высота кружки — 9,6 см, диаметр венчика — 8 см, дна — 4,6 см. В средней придонной части тулова посажена небольшая кольцевидная ручка. Переход к плечикам отмечен невысоким горизонтальным валиком. С одной стороны сосуда сохранились следы закопченности. Близки по форме фрагменты небольшой лепной кружки. Интересен фрагментированный кубок на маленькой плоской ножке. Переход от резервуара к ножке выделен резким перегибом и невысоким валиком (ребром), еще один валик сделан под прямым венчиком. Общая высота — 7,2 см, диаметр венчика — 10 см, донца — 4,8 см. С внешней стороны и изнутри сосуд аккуратно заглажен. Здесь же были обнаружены фрагменты двух кувшинов яйцевидной формы с невысоким горлом и жаровни. Ограниченный состав находок, видимо, характерен для домашних святилищ. Так, небольшое количество керамики было получено из алтарного помещения в Гардани Хисор, в культовом помещении на Кугаиттепе⁷.

За стеной культового помещения обнаружена небольшая глиняная фигурка человека высотой 8 см с непропорционально большой головой и грубо вылепленным туловищем. Шея короткая. Лицо овальное, плоское. Нос с горбинкой, кончик его обломан. Глаза и рот нарисованы тонкой палочкой. Торс плохо проработан, руки и ноги имеют вид толстых отростков. Руки обломаны. Черепок в изломе почти черного цвета, тесто рыхлое с сильной примесью шамота и каких-то выгорающих добавок (шерсть?). Рядом найден предмет, напоминающий катушечную бобину. Фактура и цвет черепка идентичны фигурке идола. Видимо, последняя каким-то образом соединялась с «катушкой».

Небольшие примитивные керамические идолы (высотой 5 см, шириной 2,2 см) были обнаружены на городище Топраккала в Хорезме, Джигербенте⁸. Сходная фигурка найдена на Дальверзинтепе Г. А. Пугаченковой, по мнению которой, их появление

⁶ Там же.

⁷ Филанович М. И. Ташкент... С. 74—75.

⁸ Городище Топрак-кала (раскопки 1965—1975 гг.)//ТХАЭЭ. Т. 12. М.: Наука, 1981. С. 116, 117.

связано с движением степных племен⁹. Небольшие алебастровые фигурки известны в позднесарматских погребениях и погребениях кочевников. Глиняные фигурки найдены на раскопках городища Джетыясар-3, в культовом помещении усадьбы Кайрагач в юго-западной Фергане¹⁰. Л. М. Левина, проанализировав находки алебастровых идолов, пришла к выводу, что все они обнаружены в памятниках кочевого или полукочевого круга¹¹. Однако Г. А. Брыкина возражает против подобного вывода, так как большая часть этих фигурок происходит из поселений и городищ оседлого земледельческого населения¹². Об их назначении в литературе существуют два мнения, опирающихся на этнографические материалы. Во-первых, оно связывается с погребальным культом, где фигурки играли роль заменителя или спутника погребенного, во-вторых, с поминальным культом, анимистическими представлениями, верой в бессмертие души. С какими бы отправлениями культа они не были связаны, в любом случае это связь с культом предков, представление о котором дают нам этнографические данные. Характерной чертой его была убежденность в том, что умершие наблюдают за живыми родственниками и могут вмешаться в их дела, даруя благополучие и удачу или, наоборот, посылая различные беды. В Авесте упоминаются «нманья» — умершие родичи, которые и после смерти заботятся о благополучии семьи. В. А. Лившиц сопоставляет «нманья» с фравашами, могущественными духами умерших, бывшими ангелами-хранителями и одновременно душами всего сущего, и предполагает, что именно они изображались в виде идолов, которых ставили в доме и продавали на базаре Мах в Бухаре¹³. Первым, кто связал обычай продавать идолов в Бухаре с культом фравашей (в качестве амулетов), был К. А. Иностранцев¹⁴.

М. С. Андреев отмечал бытование у киргизов и ферганских таджиков фигурок из олова, свинца или серебра, одетых в красные или синие тряпки, называвшихся «кут». Они считались хранителями счастья дома, более того, предполагалось, что семья, обладавшая ими, будет иметь много скота. К их помощи прибегали в случае болезни скота. Для этого заболевших животных окропляли водой, в которую опускали фигурку. Хранился «кут» в доме, в укромном месте. Новый изготовлялся лишь в случае

⁹ Пугаченкова Г. А. Художественные сокровища Дальверзинтепе. Л.: Аврора, 1978. С. 70. Рис. 49.

¹⁰ Толстов С. П. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг.//ТХЭ. М., 1958. Т. 2. Рис. 114, 9, 10; Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. н. э. М.: Наука, 1982. С. 90—95. Рис. 61, 62.

¹¹ Левина Л. М. Керамика с Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М.: Наука, 1971. С. 61—64. Рис. 14.

¹² Брыкина Г. А. Указ. соч. С. 112.

¹³ Лившин В. А. Общество Авесты//История таджикского народа. Т. 1. Душанбе, 1963. С. 140.

¹⁴ Иностранцев К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках//ЖМИП. 1909. Март. С. 110.

утраты старого или при переезде в новый дом. Кстати, хранительницами его были пожилые, старшие в семье женщины¹⁵.

Л. Р. Кызласов отмечает обычай класть куклу в могилу, связывая его с представлениями хакасов о тройственности природы человека, состоящей из тела, души и тени. После смерти человека тело погребалось, душа, по их мнению, переселялась в тело новорожденного. Тень же появлялась в подземном царстве, где начинала новую жизнь младенцем. Шонгот (кукла), по представлениям хакасов, являлась вместилищем тени покойного. Первоначально кукла изготовлялась маленькой, затем более крупной и через год ее хоронили в той же могиле¹⁶.

Правда, подобные фигурки могли использоваться и в качестве оберегов. В любом случае они являются убедительным аргументом в пользу существования анимистических представлений, связанных в свою очередь с культом предков.

Множество обрядов и поверий, сохранившихся от прежних религиозных воззрений народов Средней Азии, связаны с культом предков, характерной чертой которого была вера в незримое присутствие духов умерших и их помощь живым родственникам. К ним обращались, чтобы заручиться поддержкой в каком-нибудь деле: надеясь получить хороший урожай или приплод скота, им ставили еду в наусы и напитки на крыши домов в дни Ферувердаджана, как писал Абу Райхан Беруни. Да и современное население Средней Азии еще недавно для того, чтобы заручиться поддержкой духов предков, зажигало пимеки — палочки, обернутые ватой и смоченные маслом. Пимеки втыкались в очаг, при этом приговаривалось, кому они предназначены¹⁷.

Ю. А. Рапопорт, анализируя оссуарный обряд захоронения в Хорезме, выдвинул предположение, что наследники умершего, обожествляя его, хранили оссуарии с костями в течение некоторого времени в домах, где и совершали обряды поклонения¹⁸.

Любопытное наблюдение приводит Е. М. Пещерева: гончары старались заручиться помощью кукол при обжиге посуды. После обжига их прятали в доме в укромном месте. Перед каждым обжигом изготовляли новых кукол, а когда их набиралось много, хоронили на кладбище¹⁹. Возможно, в этом обряде они играли

¹⁵ Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. в Касансайский район (Северная Фергана)//Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т. 1. 1929. С. 113—116.

¹⁶ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960. С. 101—103.

¹⁷ Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. М., 1982. С. 105; Рахимов М. Р. Следы древних верований в сельскохозяйственных обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза до революции//ИООН АН ТаджССР. Вып. 10, 11. 1956. С. 74.

¹⁸ Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С. 81.

¹⁹ Пещерева Е. М. Гончарное производство у горных таджиков. Ташкент, 1929.

роль оберегов (правда, тогда бы их не хоронили на кладбище), либо духов пиров гончаров. Последнее наиболее вероятно — ставится ясно, почему спустя некоторое время их хоронили на кладбище (вспомним шангот хакасов). Этой цели, видимо, служила и фигурка, найденная в исследуемом культовом помещении.

Обряды поклонения предкам совершались в каждом доме в специально отведенном месте, являвшемся обязательной принадлежностью дома. Г. А. Брыкина считает, что на раннесредневековой усадьбе Кайрагач обряды совершались в двух комнатах. Главный обряд вершился в святилище перед постаментом у южной стены, где были установлены большие статуи (идолы) — объект поклонения общины. В проходной комнатке перед нишей лежали маленькие идолы, олицетворявшие личных покровителей отдельных членов общины. Обряд сопровождался приношениями и воскурением трав²⁰. В культовых помещениях на городище Канка также была найдена тонкая зола от воскурения каких-то трав.

Алтари обоих типов, о которых рассказано выше, хорошо известны по памятникам Ташкентской области и других районов Средней Азии. Так, в Ташкентском оазисе алтари первого типа обнаружены на цитадели Минг-урук и замке Актепе, а культовое помещение второго типа — на Куганттепе.

Культовое помещение на городище Минг-урук датируется исследователями V—VII вв. Оно также имело квадратную форму (7×7 м), суфы по периметру. Восточная суфа имеет вид эстрады (2,5×2,15 м). В центре зала — алтарь подковообразной формы с замкнутым основанием (2,5×1,75×0,5 м), тщательно оштукатуренный, поверху обгоревший и покрытый слоем чистой золы²¹. Культовое помещение на Актепе, расположенное в северо-западном углу, возможно, относится к первому строительному периоду (V в.)²². Комната имела почти квадратную форму (5,1×5,3 м), вход отгорожен тонкой стенкой, образующей небольшой тамбур, вдоль стен — суфы. Центр помещения занят возвышенным (до уровня суф) полуовальным (подковообразным) алтарем (1,8×1,4 м), тщательно оштукатуренным, со слегка вогнутой поверхностью и углублением для огня. Как и в культовых помещениях на городище Канка, алтари на Актепе и Минг-уруке ориентированы по линии север — юг.

Исследователями уже отмечалось сходство Красного зала Варахши и культовых помещений: те же квадратная планировка, подковообразная форма алтаря в центре и его ориентация относительно суфы-эстрады. В. А. Шишкин высказывал предположение о культовом предназначении Красного зала²³.

²⁰ Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана... С. 110.

²¹ Зильпер Д. Г. Дворцовый комплекс городища Минг-урук в Ташкенте // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С. 170, 171.

²² Филанович М. И. Ташкент... С. 108, 109.

²³ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963. С. 55. Рис. 16.

К сожалению, начальные этапы генезиса культовых помещений остаются пока неясными. По мнению Д. Г. Зильпер, квадратная форма помещений восходит к архитектурной традиции памятников Хорезма и парфянской Нисы, тогда как алтарь, или «грушевидная центральная суфа», происходит от очагов-выкладок посередине зала²⁴. Непрерывная археологическая традиция не наблюдается. В то же время широкое распространение в V—VI вв. н. э. практически по всей территории Средней Азии подковообразных алтарей, их относительная устойчивость в течение нескольких веков были бы невозможны без глубоких корней, без определенной традиции. На наш взгляд, появление этих алтарей связано с первоначальным выделением культовых ниш, в которых помещались священные предметы или небольшие изображения божеств, а перед ними возжигался огонь. Традиция выделения ниши с культовыми предметами, расположенной рядом с очагом, имеет глубокие корни в древнейшей архитектуре Средней Азии и восходит еще к жилищам Джейтуна.

Возможно, эта традиция зародилась на юге. Г. А. Пугаченкова отмечает наличие в жилых комплексах специальных культовых мест, где вдоль стены возводились невысокая суфа и пристенная тумба. Зал служил домашней молельней: в нише возжигался огонь, на тумбе располагались культовые предметы, а на суфе восседали члены семьи, совершавшие обряды. В углу помещения обнаружена обуглившаяся при пожаре деревянная статуэтка бактрийской богини²⁵. Постепенно место около ниши превратилось в овальный подиум, который в свою очередь трансформировался в алтарь посередине комнаты. Наличие этой традиции подтверждают находки на Афрасиабе (Согд), Кампыртепе (Тохаристан) пристенных алтарей-ниш, датируемых первыми веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. Из жилых помещений культовые ниши были перенесены в специальные. Изменилось оформление самих ниш. Последние фланкировались полуколонками, но, в отличие от очагов-каминов, в них не делались отверстия-дымоходы. Основание ниши выделялось пьедесталом.

В 1947 г. на Афрасиабе в остатках здания был открыт алтарь огня, датируемый первыми веками до нашей эры — первыми веками нашей эры. Он представлял собой горизонтальную площадку — суфу с вертикальной стенкой, которая справа заканчивалась двумя уступами, слева — одним. В стенке была сделана неглубокая ниша, куда вертикально вставлены, вернее, вмазаны две плиты с закругленными вершинами. Снизу перпендикулярно к ним была поставлена подковообразная плита небольшого алтаря. В месте соприкосновения с нишей в алтаре была сделана выемка (10×6 см)²⁶.

²⁴ Зильпер Д. Г. Дворцовый комплекс... С. 171.

²⁵ Пугаченкова Г. А. Бактрийский жилой дом (К вопросу об архитектурной типологии)//История и культура Средней Азии. М., 1976. С. 40.

²⁶ Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб//СА. 1969.

Этот случай свидетельствует о первоначальном выделении подковообразных пьедесталов (подиумов), об окончательном отделении алтарей от ниш и помещении их в центре комнаты. Неизменным остались лишь связь с огнем и форма алтаря, еще долго сохранявшая абрис арки ниши.

Однако и этот процесс оказался не окончательным. После смены в VII—VIII вв. подковообразных алтарей прямоугольными, в Центральном и Южном Согде наметились два пути дальнейшего развития алтарей. Первый из них связан с трансформацией прямоугольных алтарей в VIII в., когда они пристраивались к одной из стен комнат, становились уже и выше, в них делали небольшие ниши. Последние в количестве от трех до пяти располагались в шахматном порядке. Архивольт ниш обмазывался белой краской или ганчем. Второй путь связан с прежней линией развития культовых помещений. Так, в Пенджикенте были вскрыты часовни или святилища, в которых у одной из стен (чаще всего восточной) устраивалась арочная ниша, с обеих сторон украшавшаяся декоративными колонками. Перед ней имелась невысокая площадка со следами разведения огня. Сохранилась и наметившаяся ранее закономерность — возведение суф вдоль стен, исключая стену с нишей.

Последующее развитие культового комплекса, видимо, стало невозможным из-за насаждения новой религии, хотя осколки представлений и суеверий, связанных с домусульманской религиозной традицией, сохранялись еще долгое время. Так, комнаты с большими алтарными или арочными нишами с площадкой для огня трансформировались в маленькие пристенные подковообразные очажки с подиумом, то есть пережитки старых верований вылились в традицию совершения культовых действий у богато украшенных переносных очажков, получивших широкое распространение по всем районам Средней Азии в IX—XI вв. (вышеупомянутые палочки-пимеки втыкались именно в очаг).

Итак, в Ташкентском оазисе в жилых комплексах крупных домовладений с конца IV в. стали выделять особые помещения, как правило, квадратной формы, с суфами вдоль стен и тамбурным входом. Безусловно, они имели культовое назначение. В их развитии можно выделить два этапа. Первый связан с бытованием алтарей подковообразной формы — конец IV в.—VI в. Второй характеризуется переходом на алтари прямоугольной формы, которые, видимо, появились в самом начале VII в. и бытовали до середины VIII в. Впрочем, это явление характерно в первую очередь для Чача, так как в Согде алтари делались пристенными, зачастую с большими арочными нишами.

К концу второго этапа алтари в культовых помещениях Ташкентской области были ориентированы по линии север — юг, вы-

ход из помещения чаще всего делался в северо-западном углу (в западном направлении). Перекрытие помещений, видимо, было двойным. Оно опиралось на прогон из четырех балок, которые в центре образовывали квадратное окно. Второе — внутреннее перекрытие — было шатровым, состоявшим из крупных жердей и стягивающимся к верхнему квадрату.

О назначении этих помещений можно только догадываться. На наш взгляд, в них совершались обряды, посвященные культу предков и богам-покровителям. Возможно, на центральную суфурстраду устанавливался оссуарий для совершения обрядов поклонения, а за отсутствием его — фигурка-идол, изображавшая умершего.

Г. МИРЗАЛИЕВ

ТЕРРАКОТОВЫЕ ОЧАЖКИ ЭСКИ АХСИ

Орнаментированные терракотовые очажки составляют особую группу изделий в средневековой керамической продукции Средней Азии. Они встречаются почти во всех регионах среднеазиатского Междуречья эпохи развитого средневековья. Однако труды, посвященные их изучению, довольно малочисленны¹. Имеются краткие описания и упоминания о них в некоторых работах².

Настоящая статья посвящена ферганским терракотовым очажкам, которые были обнаружены в последние годы на раскопках жилого квартала в шахристане городища Эски Ахси³. Весь комплекс состоит из 10 фрагментов (рис. 1 и 2).

Очажки Эски Ахси формовались из такого же теста, из которого изготовлялась прекрасная кухонная посуда средневековой

¹ Ремпель Л. И. Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба // Доклады АН ТаджССР. Вып. 9. 1953; Аминджанова М. Средневековые терракотовые «очажки» в собрании кабинета археологии САГУ // Сборник студенческих работ Среднеазиатского Государственного университета им. В. И. Ленина. Вып. 15. 1956; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Самаркандские очажки // Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972. С. 206—234.

² Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1926. С. 52 и сл.; Массон М. Е. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в горах Самаркандской области. Ташкент, 1927. С. 26, 27; Григорьев Г. В. Тус-тупи // Искусство. 1937. № 1. С. 136. и сл.; Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. // КСИИМК. Вып. 19. 1947; Пугаченкова Г. А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах // Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1950. С. 8 и сл.

³ Фигуры 2 и 3 (рис. 1) обнаружены в жилой комнате начала XI в. (раскоп № 7, помещение 2) у маленького очага овальной формы (13×17 см). Сам очаг находился на середине квадратной площадки (80×85 см), вымощенной жженым кирпичом. Фигуры 1, 4 и 5 (рис. 1) — из большой мусорной ямы (на этом же раскопе) второй половины XII в.

Ферганы⁴. Для них характерны высокое качество формовки, довольно ровный и хороший обжиг. Имеющиеся фрагменты позволяют проследить технологию их изготовления, не применявшуюся в выделке очажков из других памятников (по крайней мере пока очажки с такой технологией изготовления на них не встречались). Корпус очажка формовался в форме цилиндра на круге. В зависимости от размера очажка толщина цилиндра колеблется. Часть цилиндра полосой по вертикали шириной 10—15 см

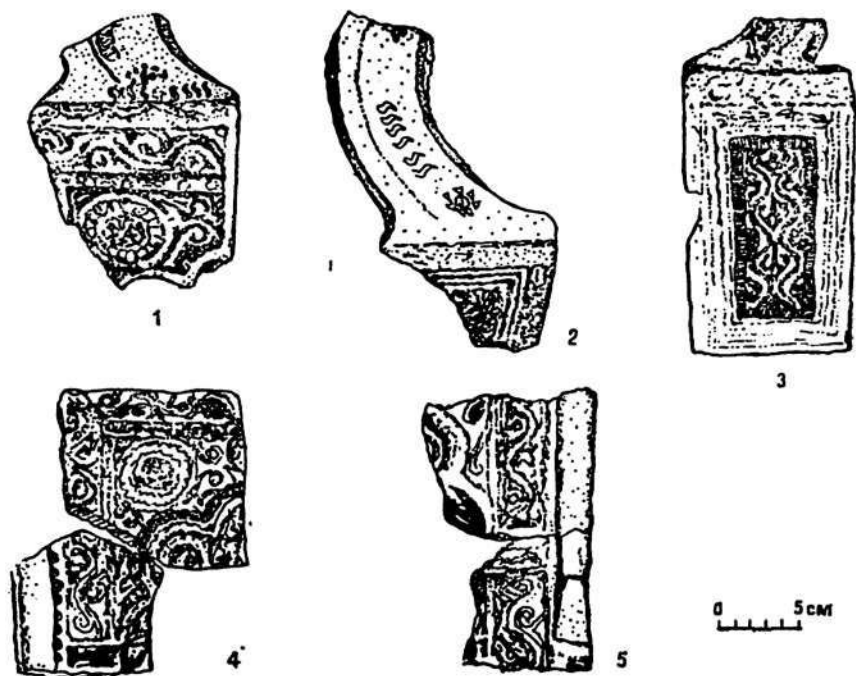

Рис. 1. Терракотовые очажки Эски Ахси.

ерезалась и на этом месте закреплялись две плитки. Сверху к цилиндру прикреплялся диск шириной 5—7 см — образовывалась горизонтальная полоска очажка. Толщина лицевых стенок и полок соответствовала толщине корпуса. Внутренняя поверхность и тыльная сторона очажка не обработаны, но тщательно заглажены. Орнаментированы обычно лицевые стенки. Это, несомненно, показатель того, что очажки приставлялись к стене или вмазывались в пристенный выступ. Доказательством тому служат прилипшие мелкие куски глины с тыльной стороны очажков.

Орнамент на лицевых стенках рельефный, выполненный оттиском с матриц. Поверхность полочки обычно украшалась це-

⁴ Подробно см.: Мирзалиев Г. К изучению бытовой керамики средневековой Ферганы//ОНУ. 1984. № 4.

почкой S-образных знаков по кругу. Нередко эта цепочка сочеталась с крохотными крестиками, также выполненными штампиками. У края полочки — многолепестковый цветок, выполненный насечкой.

Форма очажков — подковообразная, корпус круглый, но не такой разомкнутый, как очажки Самарканда⁵ (рис. 2). На имею-

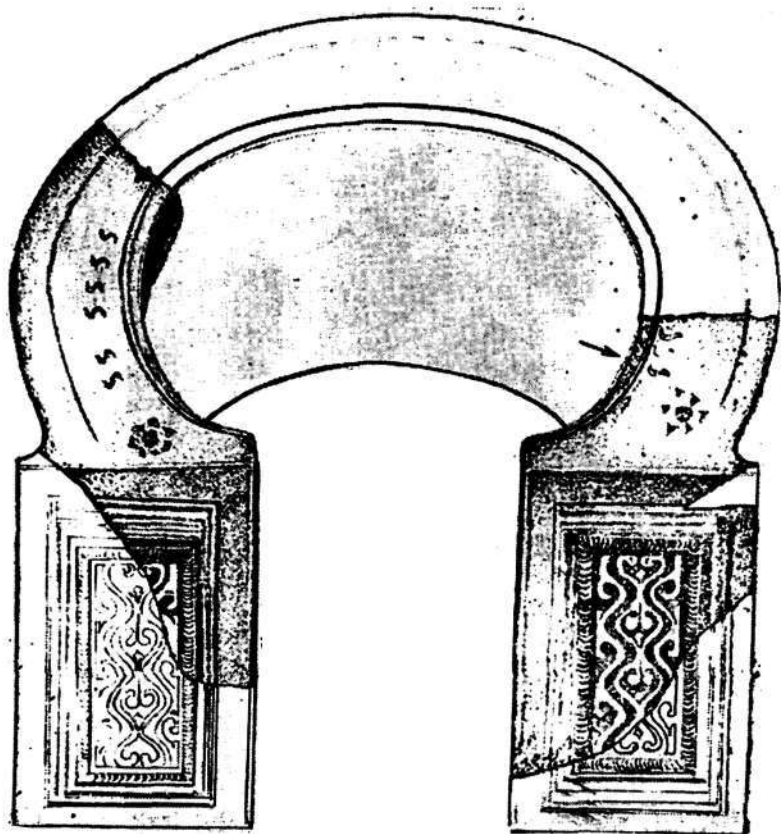

Рис. 2. Терракотовые очажки Экси Ахси.

щихся фрагментах видны следы копоти, но сплошной прокаленности нет. Это, видимо, указывает на то, что здесь огонь, как в бытовых очагах, не разводился.

Фрагменты очажков однотипны. Их можно разделить на две группы только по размерам и художественному оформлению. К одной группе относятся фигуры 2 и 3 (рис. 1). Высота очажков — 18—20 см. На полочке строго по кругу расположена цепочка S-образных знаков, изредка чередующихся с крестиками.

⁵ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Указ. соч. С. 208.

Лицевая сторона украшена пальметтообразной композицией. По срединной части волнообразным движением по вертикали пальметты образуют ожерелье из фигур в виде сердечек. Несмотря на несложность узора, довольно отчетливо чувствуется пластика линий, однако контуры его ограничены орнаментом.

Фигуры 1, 4 и 5 (рис. 1) представляют собой другую группу очажков. Они изготовлены тем же способом, что и первая группа. Эти экземпляры являются уникальными по оформлению декора лицевой части. Орнаментальные узоры поражают тонким, мастерским сочетанием мотивов. Высота очажков составляла 25—26 см. Пролет внутреннего пространства — 28—30 см. Корпус их книзу слегка расширялся, что характерно для бытовых очагов. Горизонтальная полочка также немного шире: 8—9 см. Лицевые стенки — 18—18,5×25—26 см.

При описании декора лицевых стенок необходимо остановиться на характере их изготовления. Обе части в художественном отношении составляли единое целое, оттиснуты они в одном калыбе. Цикл орнаментальных мотивов представляет собой форму средневекового портала с пятилопастной аркой монументальных сооружений. Портал с фигурной аркой, еще будучи сделанным из глины, был разделен на две части посередине. Оттиснутые плитки закреплялись на лицевой стороне очажка.

Рассмотрим орнаментацию лицевых стенок. Основное поле включает пятилопастную арку. В нее вписаны полупальметты⁶. Тимпаны арки венчают круги из перлов, в которые вписаны медальоны, также заполненные кругами перлов. Свободное пространство заполнено мотивом полупальметты. Монументальный вид средневековых порталов мастер-керамист передает при помощи широкой прямоугольной рамы, заполненной мотивом крупного волнообразного побега. Сама рама часто изображена перлами. По краям портала расположены фигурные колонки (рис. 1, 4, 5).

Изобразительный репертуар очажков первой группы составляли лишь собственно-орнаментальные, растительно-геометрические мотивы, второй — находился под влиянием архитектурных мотивов.

Если сравнить очажки Эски Ахси и соседних регионов Ферганы, то становится очевидно, что первым присущи своеобразие и изящество формы. Трудно согласиться с другими мнениями, которые были высказаны ранее⁷.

Довольно детально изучены самаркандские очажки⁸, в художественных мотивах которых, в отличие от ферганских, существует несколько тематически единых групп: символично-изобразительной, символично-орнаментальной и (изредка) эпиграфической.

⁶ Это предположение, поскольку целые лицевые стенки еще не обнаружены.

⁷ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Указ. соч. С. 206.

⁸ Там же.

Существенные отличия имеются и в их форме. Самаркандские очажки изготовлены вручную из глиняной полосы с оттянутой из нее горизонтальной полочкой поверху. Форма очажков разомкнутая, подковообразная. Стенки довольно массивные. Внешние стенки и внутренняя поверхность иногда просто заглажены, но зачастую богато орнаментированы. Узор рельефный, выполненный в основном оттиском с матриц, реже (несложная резьба)⁹ — вручную. Эта технология, впрочем, характерна для всех регионов Средней Азии.

Каково назначение очажков средневековой Ферганы? Обратим внимание на срез под углом у внутреннего края полочки очажка (указан стрелкой на рис. 2). Он был заглажен после формовки, но на имеющихся фрагментах сохранились отчетливые следы оттирания, оставшиеся от ставившихся на них кухонных сосудов (котлы или кумганы). В этом отношении очажки Эски Ахси, по всей видимости, открывают новый факт функционального назначения.

Подобный признак не был обнаружен на очажках Самарканда. В исследованиях, посвященных очажкам Самарканда, Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, основываясь на наличии богатой орнаментации как внутренней поверхности очажка, так и лицевой стороны, а также в некотором неудобстве их пользования в быту, отмечают не бытовое, а ритуальное назначение¹⁰.

Возможно, идентичное назначение имели и ферганские очажки. Вероятно и то, что очажки Эски Ахси служили также подставкой для котлов. О том, что котлы ставились на подставки, нами было отмечено раньше¹¹.

И. А. АРЖАНЦЕВА

ПОЯСА НА РОСПИСЯХ АФРАСИАБА

Предметом нашего исследования являются настенные росписи, открытые на Афрасиабе в 1965 г. К этому времени уже были известны раннесредневековые росписи Балалыктепе, Варахши, Пенджикента, но тем не менее афрасиабские росписи стали уникальным явлением.

Во-первых, единственным в своем роде является их сюжет: прибытие послов ко двору. На росписях одного зала изображены представители различных областей Азии. С тщательностью, характерной вообще для живописи средневековья в стиле так называемого «этнического реализма», художники изобразили персонажей, подчеркивая разницу между ними, снабжая их характер-

⁹ Там же. С. 208.

¹⁰ Там же. С. 228.

¹¹ Мирзалиев Г. Указ. соч.

ными деталями так, что можно легко различить согдийскую знать, корейцев, представителей Восточного Туркестана и «горных народов».

Во-вторых, афрасиабские росписи — единственные из известных, которые снабжены надписью, позволяющей точно указать дату их создания — вторая половина VII в. Таким образом, изучение реалий по этим росписям представляется исключительно важным. Было бы, конечно, неверно датировать росписи, как и все помещение, исключительно по надписям. Но в данном случае и стратиграфические данные, и археологический материал (керамика, монеты) подтверждают указанную дату: нетронутые слои помещения, содержащие только раннесредневековую керамику, перекрыты слоями VIII—IX вв.

Одной из важных проблем изучения росписей является интерпретация реалий и их классификация. От этого в значительной степени зависит как датировка, так и интерпретация росписей в целом.

Такой предмет, как пояс, неоднозначен; его можно изучать по крайней мере в трех аспектах:

с точки зрения поясного набора — для поясов, изображенных в росписях, это точка сопряжения с вещественным материалом;

пояс — как обязательная часть доспеха. С этой точки зрения изучение пояса входит в обширнейшую тему вооружения и играет немаловажную роль в решении ряда вопросов (например, портупейная система при сравнении кочевнического, легкого вооружения и иранского тяжелого);

пояс как символ, определенный иерархический знак.

Афрасиабские росписи дают возможность изучить систему вооружения у представителей различных азиатских регионов.

Последние работы на Афрасиабе предоставили в распоряжение исследователей ряд новых сведений. Реконструкции и копии, сделанные при первоначальном вскрытии росписей, были опубликованы в 1975 г. в книге Л. И. Альбаума «Живопись Афрасиаба». Прекрасно передавая цветовую гамму росписей, копии, тем не менее оказались не совсем точными в отношении мелких деталей (иногда весьма существенных). Эти недостатки объясняются тем, что, во-первых, копии и прорисовки делали художники, а не археологи, во-вторых, сплошных и специальных прорисовок на кальку или пленку не делалось. Конечно, все это не повлияло на основную интерпретацию росписей.

В период полевого сезона 1978 г. при вторичном вскрытии западной части северной стены зала с росписями археологами под руководством Г. В. Шишкиной были сделаны подробные сплошные прорисовки росписей на пленку, что дало много мелких подробностей и деталей. Их накопилось такое количество, что необходимы их интерпретация и добавления к ранее сделанным выводам. Прежде всего это относится к деталям поясов. Сплошные прорисовки позволили установить, что детали поясов

Таблица I

Западная и южная стены

№	Общее описание и особенности поясов	Детали поясного набора			Иллюстрация
		пряжки	накладные бляхи	наконечники	
I, 2	Двойной, черный, узкий, со свисающим наконечником. Портупейный ремень проходит по бедрам	На основном поясе В-образная рамка, язычок широкий	Крестообразные	Широкий, подпрямоугольной формы с округленным концом	IV
II, 3	Двойной, черный	На основном поясе В-образная рамка, язычок широкий. На вспомогательном ремне с овальными или В-образными рамками	Чередование крупных и мелких круглых	На поясе—с круглым концом. На кошельке—прямоугольный	IV
III	Черный, с округлыми каплевидными белыми и синими подвесками	—	Чередование мелких и крупных круглых накладок	Массивный с округлым концом с линией внутреннего контура	IV
IV, 4	Двойной, желтого цвета (и основной и портупейный), с крупной каплевидной подвеской	На ремне кошелька—с овальной или В-образной рамкой, язычок широкий	Чередование крупных и мелких круглых и прямоугольных с линией внутреннего контура	На ремне кошелька с округлым концом	VI
V, 5	Одинарный, черный	С овальной или В-образной рамкой, язычок широкий	Крупная, круглая с внутренним контуром	—	VIII
VI, VII, 6	Одинарный, черный	С В-образной рамкой, язычок расширяющийся	Орнамент из мелких круглых накладок	—	VIII
VIII, 8	Одинарный, черный	—	Прямоугольные с пятью заклепками. На вспомогательном ремешке—аналогичные, но с четырьмя заклепками	—	XXXII
IX, 9	Двойной: верхний — желтый, нижний — черный	—	На верхнем — квадратный. На нижнем — прямоугольные с пятью заклепками	—	XXXII

№	Общее описание и особенности поясов	Детали поясного набора			Иллюстрации
		пряжки	накладные бляхи	наконечники	
X, 10	Двойной: верхний—желтый, нижний—черный	—	На верхнем—квадратные. На нижнем—прямоугольные с пятью заклепками	—	XXXII
XI, 11	Двойной: верхний—желтый, нижний—черный	—	На верхнем—квадратные. На нижнем—прямоугольные	—	XXXII
XII, 14	Одинарный, система застежки: свободный конец пояса проходит сквозь прямоугольную рамку, закрепленную на поясе	С В-образной рамкой, язычок расширяющийся	Прямоугольные	Удлиненный прямоугольный	IX
XIII, XIV	Одинарный, черный	С овальной или В-образной рамкой, язычок широкий	Чередование крупных и мелких круглых блях	—	VII
XV, 19	Мягкий, из желтого материала (пояс типа „бельбог“)	—	—	—	VII
XVI, 24	Одинарный, черный	—	Прямоугольные	—	VII
XVII, 25	Одинарный, черный	В виде кольца	Квадратные с внутренним контуром	—	VII
XVIII, 26	Одинарный, черный	С овальной рамкой, язычок короткий	Круглые	Прямоугольный, с внутренним контуром	X
XIX, 42	Одинарный, черный	—	Круглые	—	X

№	Общее описание и особенности поясов	Детали поясного набора			Иллюстрации
		пряжки	накладные бляхи	наконечники	
XX, 9	Двойной: верхний—желтый, нижний—черный	—	Прямоугольные с внутренним контуром	—	XXIII
XI, 10	Двойной, оба черные	—	Крупные и мелкие круглые, прямоугольные с внутренним контуром	—	XXIII
XXIII, 11	Двойной, оба желтые	На портупейном ремне—с овальной рамкой, язычок расширяющийся	Крупные и мелкие круглые, прямоугольные с внутренним контуром	На портупейном ремне—со скругленным концом	XVII
XXIII, 13	Двойной: основной—черный, портупейный—пестрый	На портупейном ремне—с овальной рамкой, язычок расширяющийся	Круглые	—	XVII

* Нумерация фигур дана по книге: А л ь б а у м Д. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. Западная стена: 2—4—чаганианские послы; 5—7, 18, 19, 26, 41—согдийские придворные; 8—11, 14—послы Восточного Туркестана; 16, 17—корейские послы. Южная стена: 9—11, 15—чаганианцы. Иллюстрации даются по цветному альбому: Росписи Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.

и портупей выписывались с необыкновенной тщательностью. В упомянутой же публикации эта тема подробно не рассматривалась и едва лишь затрагивалась.

Типологией и классификацией поясных наборов раннего средневековья занимались многие исследователи: С. В. Киселев, Л. Р. Кызласов, В. И. Распопова, А. К. Амброз, В. Б. Ковалевская, Д. Чаллань, Н. Феттих, Г. Ласло. Собран и обработан

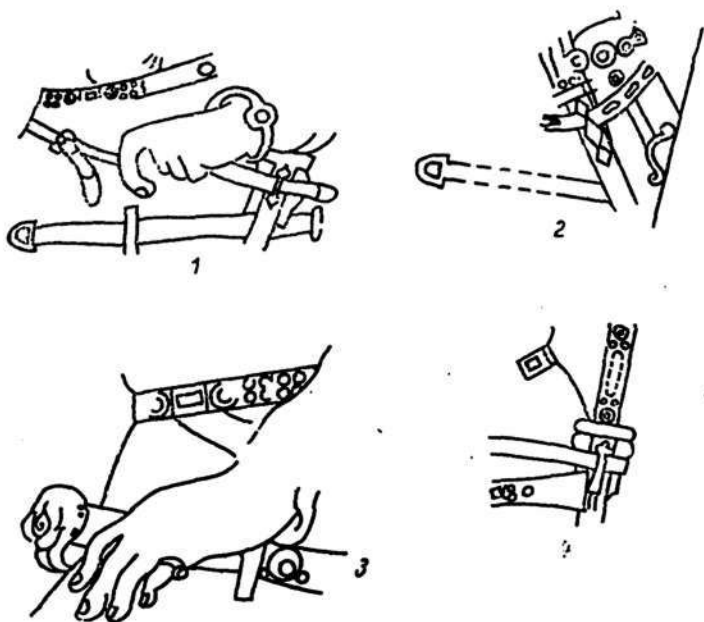

Рис. 1. Афрасиаб. Р. 23, пом. 1, роспись, кожная стена, «чаганиянские послы», фигуры № 9—11, 15 (нумерация фигур по кн.: Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975 г).

большой материал с обширной территории Евразии. Однако эта проблема еще далеко не решена. Введение в научный оборот новых материалов с афрасиабских росписей представляется необходимым и своевременным.

Целью настоящей работы является классификация и типология изображенных в росписях поясов по внешним признакам: деталям поясного набора, предметам, висящим на поясе, портупейной системе, различиям, связанным с символикой и иерархией. Естественно, это стало возможным лишь после тщательного изучения прорисовок, сделанных в 1978 г.

Описание материала прилагается в таблице 1.

Росписи дают небольшое количество вариантов деталей поясного набора. Однако их достаточно, чтобы составить представление о каждой из трех составных частей поясного набора.

Пряжки. На росписях Афраснаба изображены овальные (с вытянутой рамкой) пряжки и пряжки с В-образными рамками. Последние явно преобладают в росписях. Как те, так и другие во второй половине VII в. бытовали не только на территории Средней Азии, но и на обширных соседних регионах, что под-

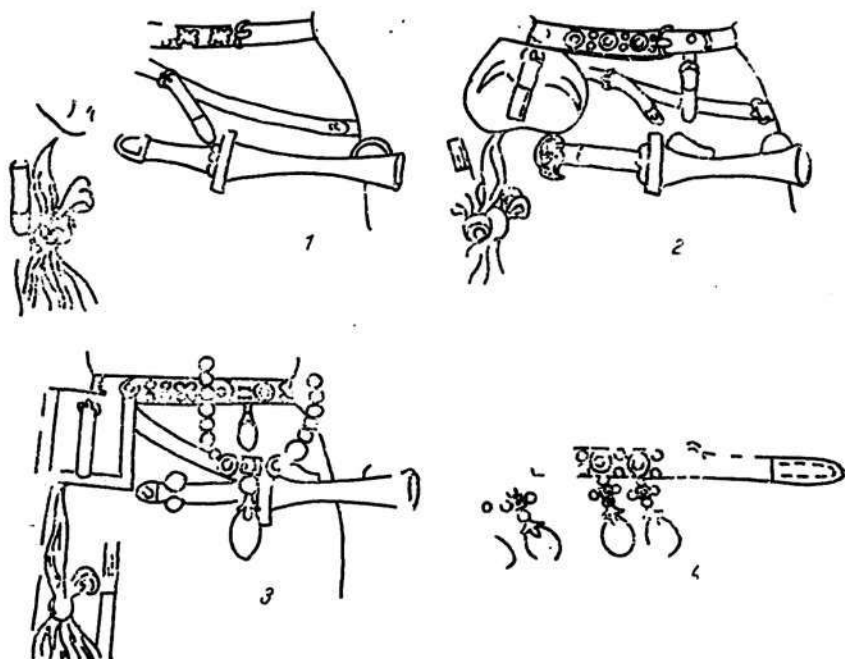

Рис. 2. Афраснаб. Р. 23, пом. 1, роспись, западная стена, «чаганианские послы». Фигуры № 2—4.

тверждается вещественным материалом. По типу они одинаковы у всех персонажей. Нет каких-либо особенностей, отличающих пряжки китайцев от пряжек чаганианских послов или согдийских придворных (ср. рис. 1, 6).

Пряжки употреблялись не только в качестве застежек пояса. Портупейные ремни имели пряжки для привешивания оружия (рис. 1, 2). Пряжки употреблялись также для застегивания кошельков (рис. 2, 4). У изображенных пряжек достаточное количество вещественных аналогов.

Некоторые пряжки из коллекции М. В. Столярова¹ отличаются очень небольшими размерами. Вероятно они и предназна-

¹ Коллекция деталей поясного набора М. В. Столярова была приобретена Самаркандским государственным музеем истории культуры и искусства народов Узбекистана в 1934 г. Известно, что она собрана (как подъемный материал) в основном на Афраснабе и в окрестностях Самарканда (входящая в состав коллекции неполная керамика также найдена в Афраснабе, датируется средневековьем). Естественно, она неоднородна по составу, лишь тща-

лись для портупейных ремней, кошельков и обуви, что неоднократно отмечалось исследователями, находившими их *in situ*².

Пряжки, судя по изображениям, имеют В-образную рамку. Иногда это выражено неопределенно, в таких случаях рамка, возможно, овальная, но достаточно вытянутая. Среди мелких

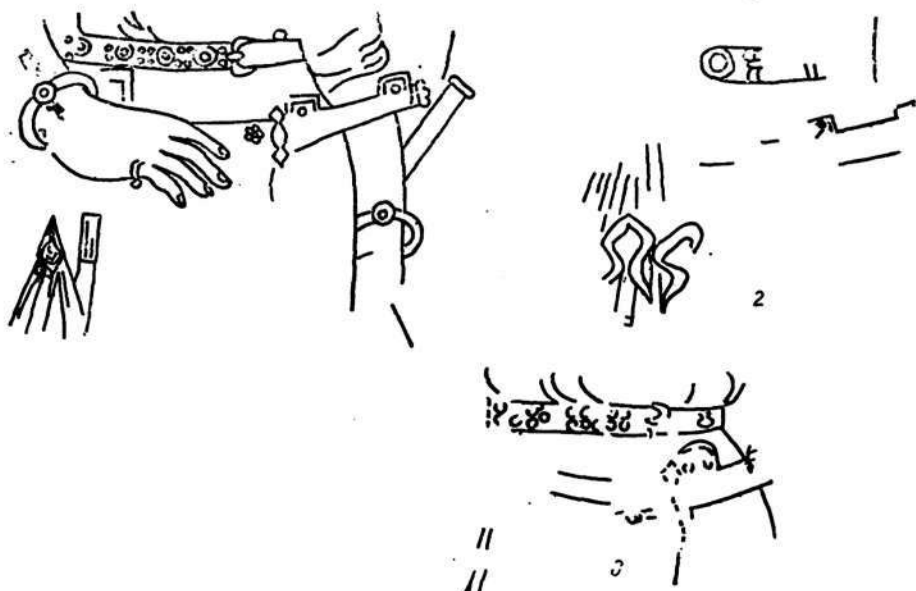

Рис. 3. Афрасиаб. Р. 23, пом. 1, роспись, западная стена, согдийские придворные, фигуры № 17, 18, 31.

пряжек встречаются с рамкой четко овальной формы (рис. 2, 2; 4, 1). Имеется одно изображение пряжки с фигурной рамкой, но из-за его плохой сохранности о ней трудно что-либо сказать (рис. 2, 2, боковая пряжка).

Язычки у всех пряжек широкие: равномерно широкие (рис. 2, 1, маленькая пряжка; рис. 2, 2, 3; 4, 1); заостряющиеся к концу (рис. 2, 3, 1; 5, 1); расширяющиеся к концу (рис. 2, 1 — большая пряжка; 1, 1).

В коллекции М. В. Столярова среди пряжек с сохранившимися рамками преобладают овально-рамчатые (рис. 7, 10, 11, 12), есть лишь одна с В-образной рамкой (рис. 7, 13). Язычок сохранился только в одном случае (рис. 7, 11), язычок широкий с заостренным концом.

Хотя в росписях преобладают пряжки с В-образной рамкой, в вещественных материалах VII—VIII в. с территории Средней

тельный подбор аналогов даст возможность классифицировать и датировать ее (частично этим занималась В. И. Распопова).

² Массон В. М. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе. Труды азербайджанской экспедиции//МИА. 125. М., 1965. С. 179; Гаврилова Л. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965.

Азии (Пенджикент, Ташкентское море, Варахша, Фергана) преобладают овально-рамчатые пряжки (рис. 7, 15, 16, 17, 19).

Пряжки с овальной рамкой в основном характерны для VIII—IX вв., они имели широкое распространение в особенности на территории Средней Азии и Сибири³.

Помимо упомянутых для территории Средней Азии из аналогов можно указать пряжки из могильников Западной Ферганы⁴

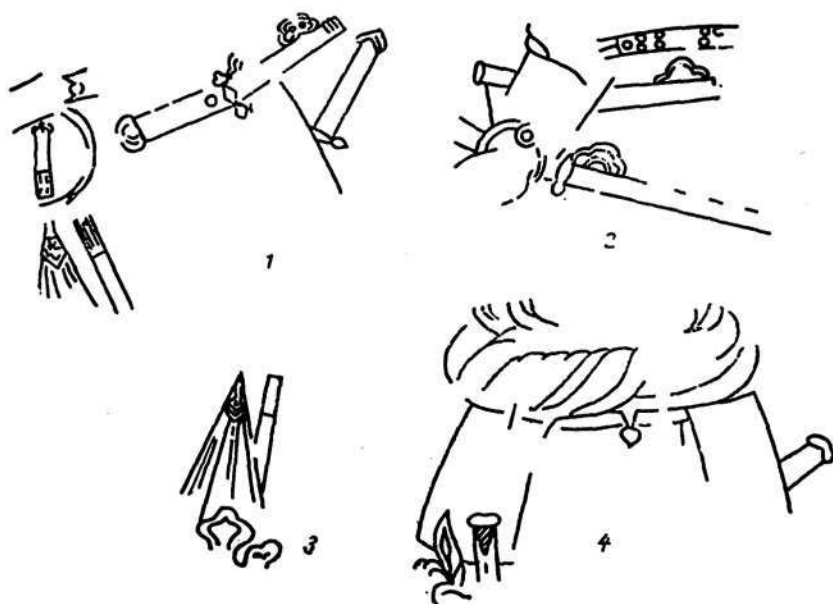

Рис. 4. Афрасиаб. Р. 23, пом. 1, роспись, западная стена, согдийские придворные, фигуры № 19, 26, 42.

(рис. 7, 1, 2), из погребений тюркского времени в районе Сукулуга (Чуйская долина⁵ (рис. 3, 6)).

Большое количество аналогов найдено на территории Сибири (Копенский чаа-тас, Капчалы, Курай, Томский могильник, Троицкий могильник — рис. 7, 21, 23), с территории Башкирии и Урала (могильник Мыдлань-шай, Поломский и др. — рис. 7, 20, 22)⁶.

³ Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. М., 1979. С. 26—28, 37.

⁴ Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973. С. 62—65. Табл. 7.

⁵ Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции// МИА. 14. 1950. Табл. 10.

⁶ Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай. Свердловск, 1962; Ковалевская В. Б. К вопросу о «поломской культуре». Древности Восточной Европы//МИА. № 169; Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии. Табл. № 4.

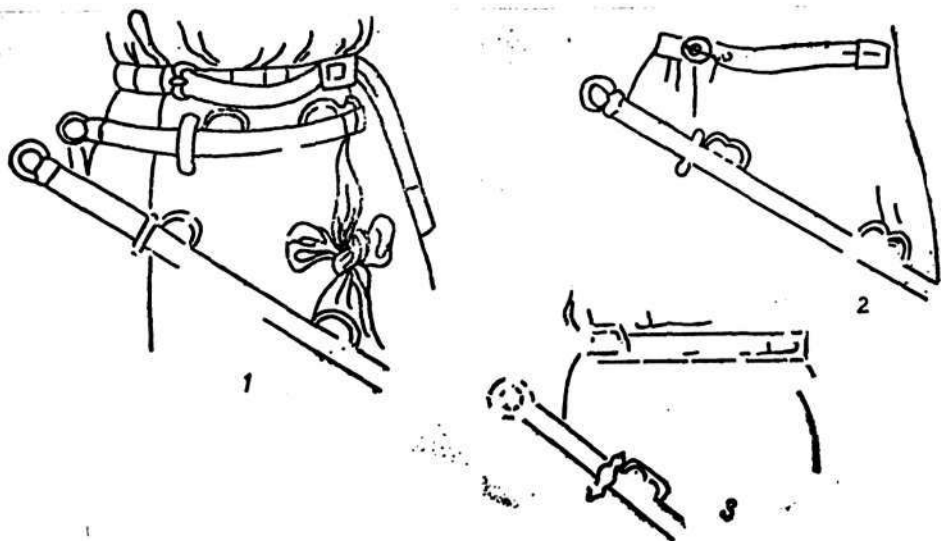

Рис. 5. Афрасиаб. Р. 23, пом. 1, роспись, западная стена:

1 — представитель Восточного Туркестана; 2, 3 — корейские послы. Фигуры № 14, 24, 25.

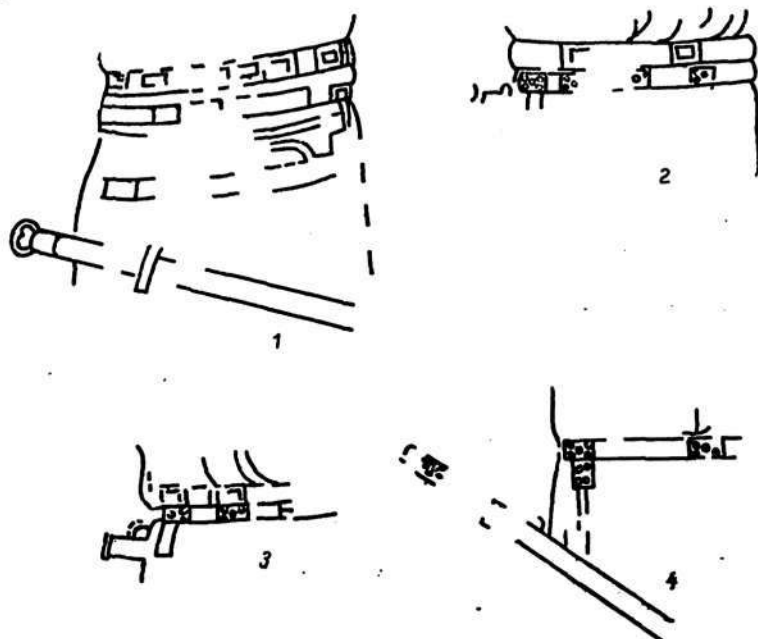

Рис. 6. Афрасиаб, Р. 23, пом. 1, роспись, западная стена, послы Восточного Туркестана, фигуры № 8—11.

Пряжки с вытянутыми рамками есть в аварских могильниках (Кишкереш-Вагохид)⁷.

⁷ Laszlo G. Etudes archéologiques sur L'histoire de société des avar. Archeologia Hungarica. T. 34. Budapest, 1955. Pl. XX.

Пряжки с овальными рамками имеются и в танских гробницах начала VIII в. (рис. 7, 18)⁸. Одна из них идентична пряжке

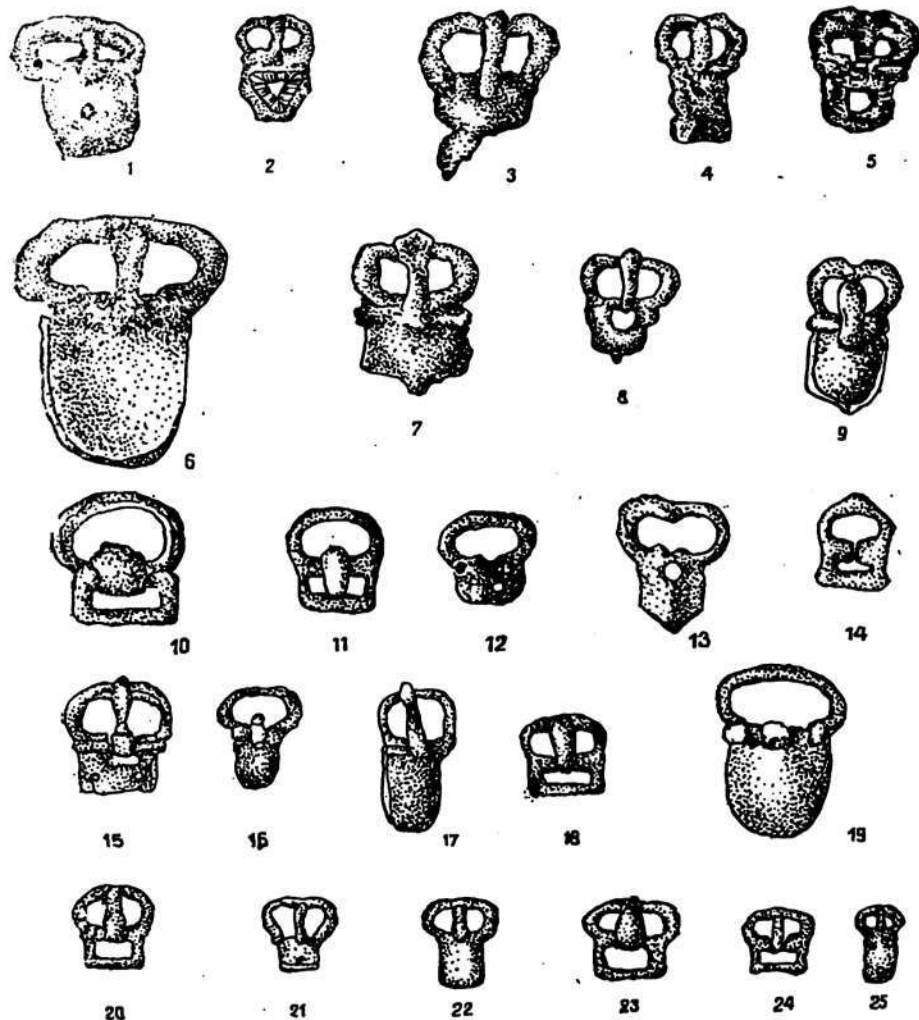

Рис. 7. Поясные пряжки:

1—4 — могильники Западной Ферганы; 5 — Башкирия; 6 — Сукулук; 7 — погребение с конем около обсерватории Улугбека; 8 — Учтепе; 9 — Кудырг; 10—14 — коллекция М. Столярова; 15, 16 — Пенджикент; 18 — китайская гробница танского времени; 17 — Варахша; 18 — коллекция № 208, Ташкентское море; 20 — Мыдлань-Шай; 21 — Троицкий могильник; 24, 25 — Копенский Чаа-гас.

из коллекции М. В. Столярова (ср. рис. 7, 11 и 18). Такое сходство тем более интересно, что на росписях Афрасиаба изображе-

⁸ Вэнь-у. Пекин, 1964. № 1 (гробница принцессы Сунь-Лян в провинции Шань-си).

~~ны китайские посылы. На росписях Пенджикента (помещение XVI/10) также изображены овално-рамчатые пряжки.~~

Все приведенные аналоги датируются временем не позднее VIII в. Что касается пряжек с В-образными рамками, то В. Б. Ковалевская отмечает, что в целом они характерны для VI—VII вв., большей частью происходят с территории Северного Кавказа и Крыма⁹.

Пряжка из самаркандского музея с В-образной рамкой другого типа, нежели северокавказские или крымские; она гораздо проще и легче (рис. 7, 13). В. Б. Ковалевская полагает, что сочетание В-образной рамки с пятиугольным щитком (как в данном случае) и при таком типе соединения (односоставная) в целом встречается довольно редко, можно указать лишь единичные экземпляры¹⁰. Аналогов гораздо меньше, чем в случае с овално-рамчатыми пряжками. С территории Средней Азии прежде всего нужно указать пряжку из погребения с конем около обсерватории Улугбека (рис. 7, 7)¹¹, пряжки из могильников Западной Ферганы (рис. 7, 3, 4). Аналоги из других сопредельных территорий довольно многочисленны: пряжки из Башкирии (Вирский могильник, Кушнаренково — рис. 7, 5—7)¹², Азербайджана. (рис. 7, 8)¹³ и Алтая (могильник Кудыргэ — рис. 7, 9). Кстати, кудыргинская пряжка является ближайшим аналогом самаркандской из коллекции М. В. Столярова. Предназначалась она для портупей¹⁴. Не исключено, что и самаркандская являлась частью портупейного ремня, тем более, что она имеет небольшой размер. Перечисленные аналоги датируются в основном VII в.

У всех упомянутых пряжек язычки широкие или расширяющиеся к концу, как и у пряжек, изображенных на росписях. Почти все они однотипны по конструкции: односоставные, с отверстием в щитке для язычка. У некоторых щиток имеет пятиугольную форму, как и у самаркандских. По сравнению с пряжками Северного Кавказа и Крыма этого же времени, данные отличаются гораздо большей простотой.

Накладки. Орнаменты всех поясов составлены из накладок следующих форм: мелких круглых; крупных круглых (с прорезью или выпуклостью посередине); прямоугольных или квадратных блях; фигурная — крестообразная — встречена один раз.

⁹ Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии. С. 44.

¹⁰ Там же.

¹¹ Спришевский В. И. «Погребение с конем» середины I-го тыс. н. э. около обсерватории Улугбека//Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1950.

¹² Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв.// Проблемы археологии и древней истории угров. М., 197; Мажитов Н. А. Южный Урал VII—XIV вв. М., 1977. Т. I. (№ 61, 69).

¹³ Иессен А. Н. Раскопки Большого кургана в урочище Уч-тепе. С. 179. Рис. 31.

¹⁴ Гаврилова Л. А. Могильник Кудыргэ. С. 29.

Наиболее часто встречаемый орнамент — чередование крупных и мелких круглых блях (рис. 1—4), причем у чаганианцев встречаются как круглые, так и прямоугольные бляхи (на одном поясе — рис. 1, 1, 3). Для поясов согдийских придворных характерно преобладание круглых блях, хотя не исключено использование квадратных (рис. 3, 4). У представителей корейского и китайского посольств не встречено на поясах ни одной круглой бляхи (кольцо, изображенное на поясе корейского посла (рис. 5, 2), является, видимо, застежкой). На их поясах преобладают прямоугольные бляхи (рис. 5, 6) двух типов: накладки с заклепками (только у китайских послов — рис. 6); бляхи с внутренним контуром (возможно, это изображение блях с прорезью) — они есть у китайцев, корейцев и чаганианцев.

Мелкие круглые бляшки. Форма эта проста и широко распространена.

В VII—VIII вв. в восточном орнаменте маленький кружок — «перл» — был чрезвычайно распространенным элементом орнамента¹⁵. В афрасиабских росписях «перлы» употребляются во всевозможном орнаментальном сочетании: достаточно просматривать орнаменты бордюров, тканей на одежде, шапках и кошелках, на коврах¹⁶. Таким образом, маленькая круглая бляха на поясе, видимо, также представляет собой популярный в это время «перл». Такой пояс, богато украшенный «перлами», изображен на росписях Варахши в Восточном зале.

Пояса, украшенные «перлами» (иногда даже просто в виде цепочки «перлов»), особенно широко были распространены в буддийской настенной живописи и скульптуре в несколько более ранний период — в росписях Какрака и Бамiana (V—VI вв.), Аджанты (VI в.)¹⁷. Пояса с «перлами» часто можно наблюдать и на сасанидских блюдах.

В вещественном материале и коллекции М. В. Столярова есть несколько мелких круглых бляшек из бронзы, по размерам как раз соответствующих изображениям (рис. 8, 1, 2). По аналогии можно привести накладные бляшки из Башкирии (VI—VIII вв.)¹⁸. Такие же накладки есть в могильнике Мыдлань-Шай (VIII в. (рис. 8, 3)); в Нижнем Поволжье (Бережновский могильник, Курган III—V—VII вв.)¹⁹; в Азербайджане (Большой курган в урочище Учтепе, VI—VII вв.)²⁰; в Волго-Окском междуречье (го-

¹⁵ Chirshman R. Iran, Parthian and Sassanians. N-York, 1962. F. 271—271, 275—278.

¹⁶ См.: Росписи Афрасиаба.

¹⁷ Chirshman R. Ibid. S. 318. F. 426; Auboyer J. L'Afghanistan et son art Prague, 1968. Pl. 76; Auboyse J., Goepfer R. The Oriental world N.-York, 1965. Pl. 15.

¹⁸ Ковалевская В. Б. Башкирия и Евразийские степи. Р. 2 (16, 21, 22).

¹⁹ Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана. Древности Нижнего Поволжья//МИА. 78. 1960. С. 102. Рис. 39, 14.

²⁰ Иессен А. А. Раскопки Большого кургана. С. 179. Рис. 31.

родище Черная Гора, Березняковская, V—VI вв.)²¹. Совершенно идентичны накладки и из аварских могильников VII в.²² (рис. 8, 4).

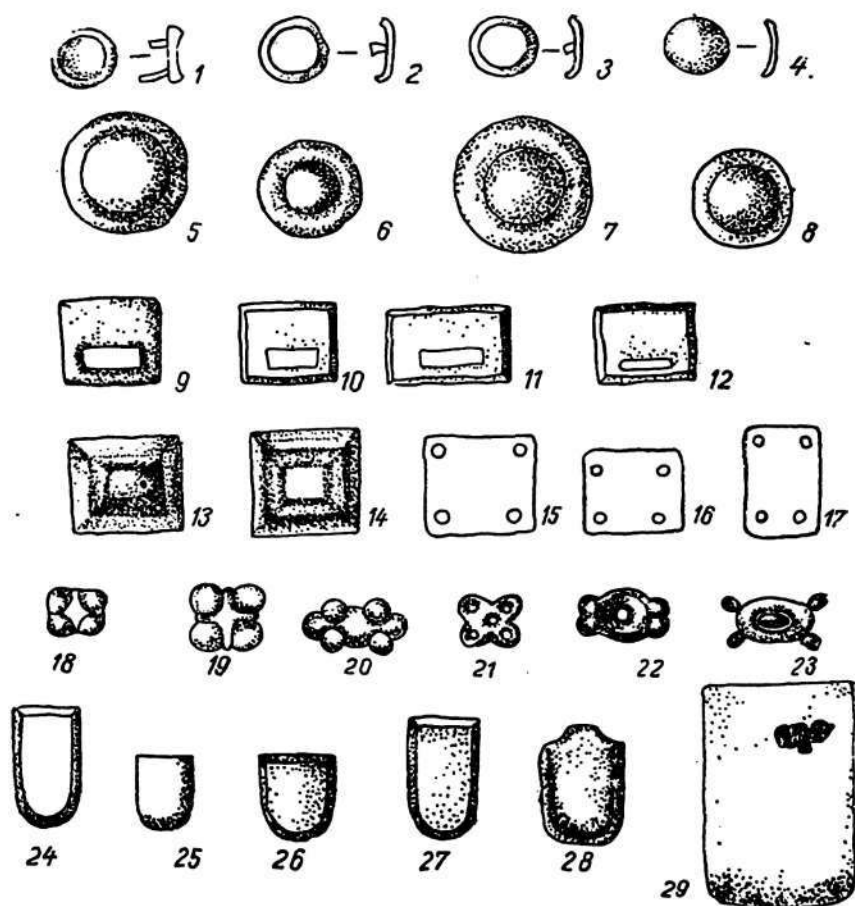

Рис. 8. Поясные накладки:

1, 2 — коллекция М. Стоярова, Самаркандский музей; 3 — Мыдлань-Шай; 4 — аварский могильник Кецель; 5 — коллекция М. Стоярова; 6 — Кудыргз; 7 — аварский могильник Кишкёрёш-Вагохид; 8 — Бережновский могильник; 9 — коллекция М. Стоярова; 10 — Пенджикент; 11 — Сукулук; 12 — Мыдлань-Шай; 13 — коллекция М. Стоярова; 14 — Кишкёрёш-Вагохид; 15 — Мыдлань-Шай; 16 — Шесон; 17 — Верхнечирюртовский могильник; 18 — Башкирия; 19, 20 — Кудыргз; 21 — Пенджикент; 22 — аварский могильник Озора; 23 — Северный Кавказ; 24, 25 — коллекция М. Стоярова; 26 — Пенджикент; 27 — Сукулук; 28 — Мыдлань-Шай; 29 — коллекция № 208, Ташкентское море.

Крупные круглые бляхи. На росписях изображены с внутренним контуром. Чаще всего такие бляхи находятся на поясах согдийской знати (рис. 3), правда у чаганианских послов они встре-

²¹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.

²² Laslo G. Ibid. Pl. LIII.

чаются также часто. Интересно, что на росписях Восточного Туркестана, которые несколько позднее афрасиабских (VIII—IX вв.), преобладают пояса с крупными круглыми бляшками (рис. 9, 2, 4).

Часто пояс изображался в виде цепочки из круглых блях. Китайский источник «Гу-юй-ту» («Древние яшмовые изделия»)

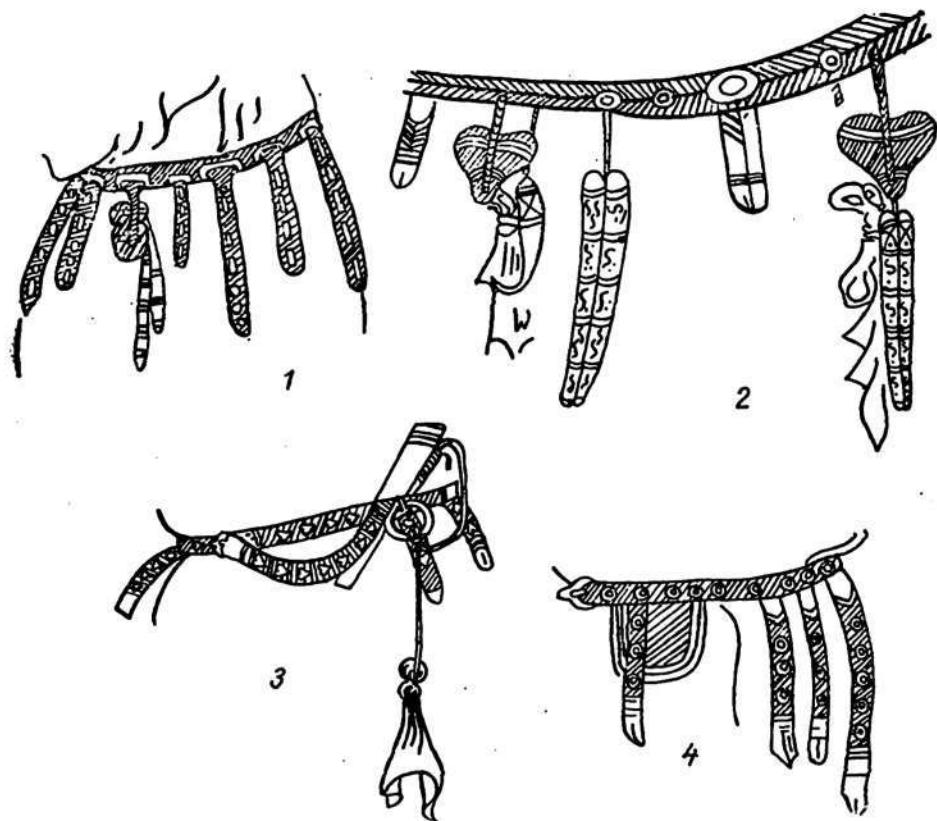

Рис. 9. Живопись Восточного Туркестана, Безеклык, пещера № 9: 1, 2 знатные уйгуры, 3, 4 — донаторы.

сообщает следующий факт: в период династии Суй (581—618 гг. до н. э.) пояс высокопоставленного чиновника состоял из определенного числа колец²³. Несомненно, такие пояса были в ходу и в более ранний период, и не только у китайцев, но и у их соседей. В этом плане интересна находка пояса из овальных позолоченных блях из Ноин-Улинского кургана (I в. н. э.)²⁴. Таким обра-

²³ Laufer B. Jade (a study in chinese archeology and religion). Chicago, 1912. P. 286.

²⁴ Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 45. Рис. 40, а, б, в, г.

зом, на территории Восточного Туркестана—такие пояса имеют довольно глубокую традицию местного происхождения. Однако если сравнить различные изобразительные материалы (роспись, торевтику, рельефы) и сопоставить с материалом вещественным, то, видимо, такую тенденцию следует отнести не за счет местной традиции, а признать общеевразийской модой в украшении поясов. Проследить же ее истоки достаточно сложно опять из-за универсальности формы накладки (круг или кольцо). Среди изобразительных материалов наиболее раннюю дату для таких круглых блях дает наскальный рельеф в Фирюзабаде (III в. н. э.)²⁵. Причем, изображения этих блях с внутренним контуром в торевтике²⁶ и на рельефах²⁷ совершенно идентичны афрасиабским. Такие бляхи присутствуют на росписях Пенджикента и Варахши VII—VIII вв. Они широко представлены изобразительными материалами Восточного Туркестана (донаторы в настенной росписи Безеклыка VIII—IX вв., отождествляемые с согдийцами, имеют пояса с круглыми бляхами, абсолютно идентичными афрасиабским (рис. 9, 4)²⁸.

В коллекции М. В. Столярова имеется несколько круглых блях с выпуклым центром, которые дают в плане изображение круга с внутренним контуром. К сожалению, на территории Средней Азии аналогов для такой формы блях нет. Ближайший (при том совершенный) аналог — бляха из могильника Кудыргэ (VII в.—рис. 8, 6). Аналогичные накладки есть и в Поломском могильнике (VIII—IX вв.). В. Б. Ковалевская отмечает, что круглые бляхи для Поломского могильника являются явлением пережиточным²⁹. Больше всего аналогов самаркандские бляхи имеют в аварских могильниках этого же времени, особенно в Кишкёрёш-Вагохит и Бокса (рис. 8, 7)³⁰.

О том, что такая форма блях бытовала и раньше, свидетельствуют находки с территории Нижнего Поволжья, датируемые позднесарматским временем (рис. 8, 8).

Квадратные бляхи. Как уже отмечалось, на росписях Афрасиаба квадратные бляхи изображены у чаганианских, китайских и корейских послов. Изобразительные материалы в этом плане предоставляют широчайший круг аналогий: Пенджикент, Калаи Кахкаха I, Танские гробницы, каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, росписи Восточного Туркестана. Большая часть памятников датируется VIII в. На рубеже VII—VIII в. получили

²⁵ Chirshman R., Ibid. P. 165.

²⁶ Чаще всего изображения блях встречаются в торевтике VI в.

²⁷ К VI—VII вв. относятся изображения круглых блях на поясе сасанидского правителя Хосрова II (Так-и-Бустан).

²⁸ Gaben A. M. Das Uigurische K nigreich von Chotscho (850—1250) Berlin, 1961. P. 34. Pl. 11.

²⁹ Ковалевская В. Б. К вопросу о «поломской культуре». С. 90. Рис. 1, 25.

³⁰ Laslo G. Ibid. P. 223. Fig. 60.

широкое распространение бляхи с прорезью³¹ (геометрических форм, преимущественно квадратные или прямоугольные с прорезью в нижней части для продевания дополнительного ремня). На большинстве из перечисленных памятников, несомненно, изображены именно такие бляхи с прорезью. Афрасиабские же изображения квадратных блях не позволяют сделать таких категоричных выводов. В одних случаях это, очевидно, не бляхи с прорезью (пояса китайских посланников), в других — можно допустить, что изображены именно они (особенно, если от них отходит портупейный ремень (рис. 1, 3) или в этом же месте крепится подвеска (рис. 2, 3)). Не исключено, что изображены просто прямоугольные или квадратные накладки с орнаментацией в виде внутреннего контура. Тем более, что последним есть вещественные аналоги в коллекции М. В. Столярова (рис. 8, 13), а также в аварских могильниках (Кишкёрёш-Вагохид (рис. 8, 7)).

На росписях Восточного Туркестана очень часто вместе с бляхами с прорезью изображены квадратные орнаментированные накладки. Если это изображение бляхи с прорезью (имеются в виду афрасиабские росписи), то она раннего типа — без орнаментации. Такие бляхи имеются в коллекции М. В. Столярова (рис. 8, 9). Аналогов — большое количество почти со всей территории Евразии³² (рис. 8, 10, 11, 12).

Особенный интерес представляют пояса китайских послов. Они двойные, на обоих квадратные или прямоугольные накладки (но разных типов (рис. 5, 3, 6)). Верхние пояса обозначены лишь контурным рисунком. Возможно, что здесь красочный слой не сохранился и остался лишь контур, сделанный тонкой кисточкой. Ниже пояса черного цвета к ним крепились кинжалы и меч. Очень хорошо видна форма накладок на них: прямоугольные с пятью заклепками на основном поясе и четырьмя — на вспомогательных ремешках в месте их крепления к основному поясу. На росписях танских гробниц начала VIII в. можно видеть на поясах крепление дополнительных ремешков с помощью блях с прорезью (рис. 2, 3). В данном случае это уже не только различные бляхи, но и различные типы поясов: ранний — без дополнительных ремешков, лишь с необходимыми предметами; более поздний — с декоративными ремешками (этот тип был особенно широко распространен в VIII—IX в. и имел характер общеевразийской моды).

Что касается вещественного материала, то накладок с пятью, четырьмя заклепками в материалах Самаркандского музея нет. Аналоги накладкам с четырьмя заклепками имеются в могильнике Мыдлань-Шай (VIII—IX в.), в Верхнечирюртовском могильнике (VII—VIII вв.), в храмовой сокровищнице в Шёсоине (танского времени (рис. 8, 15, 16, 17)).

³¹ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии//СА. 1971. № 3. С. 126.

³² Там же. С. 126.

Верхние пояса китайцев, производящие впечатление эскиза, внимания исследователей до сих пор не привлекали. При более детальных прорисовках обнаружилось, что они имеются почти у всех членов китайского посольства, и изображения их не были закрашены верхним слоем краски, таким образом эскизами они

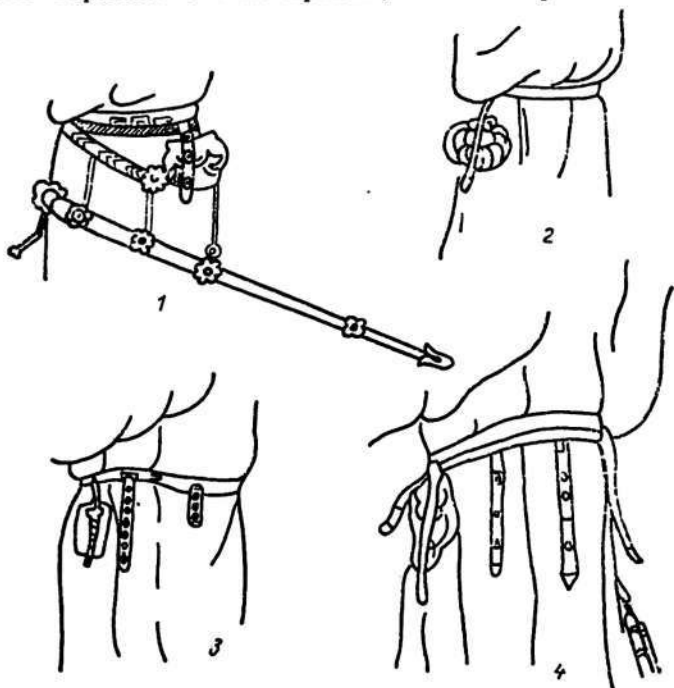

Рис. 10.
1 — изображение знатного воина нач. VIII в. (Чжоу-Вэй. История китайского оружия); 2—4 — росписи танских гробниц.

не являются. На них отчетливо видно членение на квадраты и прямоугольники. Боевыми поясами они быть не могли, так как на этих людях такие пояса уже изображены. Наиболее логично предположение, что эти пояса являлись иерархическим знаком, указывающим на чин посла или на миссию посольства. В этой связи интересны сообщения китайского источника («Гу-юй-ту»): «Хао-Цзу (618—627 гг. н. э.) из танской династии был первым, кто регламентировал ношение поясов: всем князьям, знати, высокопоставленным чиновникам, государственным лицам и генералам выше второго ранга разрешалось носить нефритовые пояса. Пояс Сына Неба (императора) состоял из 24 бляшек, пояса остальных — из 13 бляшек с двумя концевыми накладками»³³.

Пояса различались не только по количеству бляшек. Так, орнаментированные пояса дозволено было носить лишь Сыну Не-

³³ Цит. по: Laufer В. Ch. Jade. Chicago, 1912. P. 286.

ба, в то время как остальные носили простые («чиновники могли носить пояса с изображением дракона только в том случае, если они награждены ими императором»³⁴). Рисунки таких поясов, приведенные в «Гу-юй-ту», позволяют убедиться, что нефритовые бляшки были преимущественно квадратные или прямоугольные (рис. 11, 3), по виду они аналогичны поясам китайских посланников. Кстати, другие китайские источники: «Тан-Шу» и «Кукин-шу» — указывают, что такая регламентация касалась не толь-

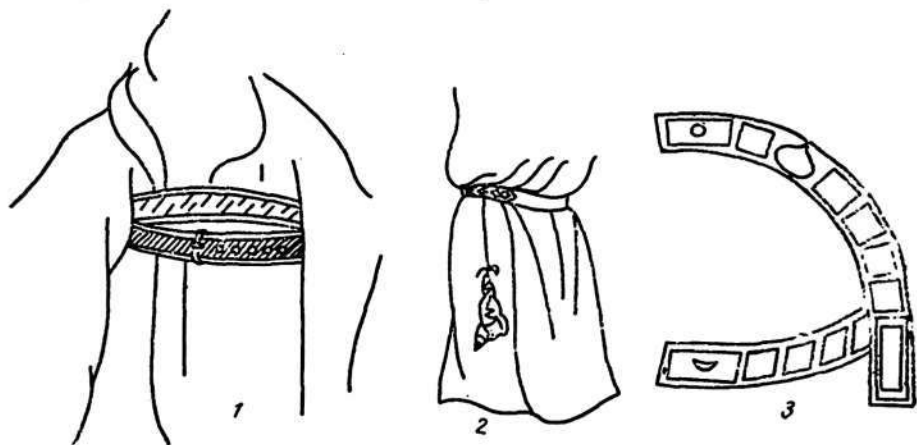

Рис. 11.

1 — Вьен Ле-пен (600—673), портрет императора Танской династии, Музей изящных искусств, Бостон; 2 — чиновник со свитка Янь Ли Бэня, нач. период Тан, VII в.; нефритовый пояс, присланный в качестве дани из Хотана, рисунок из «Гу-Юй-ту-пу».

ко нефритовых поясов — накладки на придворных поясах могли быть роговыми и металлическими³⁵.

Таким образом, вторые китайские пояса послов есть не что иное как иерархические знаки, указывающие на высокий чин посланника. Аналогичные двойные пояса можно видеть в китайских изобразительных источниках танского времени³⁶ (рис. 10, 14; 11, 1).

Накладки крестообразной формы. Эти накладки украшают пояс чаганианского посла (рис. 2, 1). Изображение очень нечеткое, формы прослеживаются с трудом. Такого типа накладки найдены в Троицком могильнике³⁷, могильниках Башкирии VII—VIII вв. (рис. 8, 18), Пенджикенте — в слоях VII—IX вв. (рис. 8, 21), аналогичными по форме пользовались и протобулгары (VII в.)³⁸. Но ближе всего афрасиабским по форме наклад-

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Чжоу Гей. История китайского оружия. Пекин, 1957. С. 98.

³⁷ Деревянко Е. И. Мохесские памятники Среднего Амура. Табл. 3.

³⁸ Mavrodinov N. Le tresor protobulgare. Archeologica Hungarica. Budapest, 1943. T. 19. P. 181.

ки из Кудыргэ (рис. 8, 19, 20), а также из Озоры и Северного Кавказа (рис. 8, 22, 23).

Наконечники. Изображенные наконечники ремней можно подразделить на прямоугольные (рис. 1, 2; 4, 1; 5, 1) и с округлыми концами (рис. 1, 1; 2). Как те, так и другие подразделяются на гладкие (рис. 1, 1; 1, 2; 5, 1) и с внутренним контуром (рис. 2, 2, 3; 4, 1—4).

Изображения наконечников имеются не только (даже не столько) у основных поясов, но и у портупейных, и у ремешков на кошельках. Причем наличие одного типа наконечников у какой-то группы придворных или послов не наблюдается: на поясах портупей и кошельках персонажа могут присутствовать наконечники обоих типов и подтипов (рис. 2, 2).

Интересен пояс одного из китайских посланников (рис. 5, 1). Его простой прямоугольный наконечник является единственным. Все остальные пояса китайских посланников наконечников не имеют (ни портупейных, ни на кошельках). Следует отметить еще одну особенность этого пояса. Он имеет единственную на афрасиабских росписях систему застежек: длинный конец ремня с прямоугольным наконечником проходит через пряжку, а затем через прямоугольную рамку, закрепленную на основном поясе, и свисает сбоку. Такие застежки можно видеть на скульптурных изображениях из Пальмиры (II в. н. э.). Это свидетельствует о ее универсальности и о том, что она не является специфичной для определенного региона или периода. Аналоги, близкие по времени и району, имеются на росписях Восточного Туркестана (рис. 9, 3). Особенно много поясов с «подобранным» длинным концом на росписях пещерного храма Безеклык, а также на глиняных китайских и японских фигурках воинов более позднего времени³⁹. Такой способ застегивания зафиксирован на казацких поясах XIX в.⁴⁰

Преобладающей формой наконечников на росписях Афрасиаба являются наконечники с круглым концом. Такое преобладание не случайно. В коллекции М. В. Столярова имеется значительное число подобных наконечников (рис. 8, 24, 25). Имеются они в коллекции № 208 Ташкентского музея (материал доарабского времени с Ташкентского моря), слоях Пенджикента, датируемых VII—VIII вв., Мугской коллекции⁴¹, памятниках Уструшаны VII—VIII вв.⁴², а также в аварских могильниках, могильниках Башкирии, Алтая, Сибири, Кавказа, датирующихся VII—VIII вв., изображены на росписях танских гробниц, каменных изваяниях Сибири (рис. 8, 28). Впрочем, эта форма настолько

³⁹ Lauffer В. Chinese clay figures. Chicago, 1941. P. 205.

⁴⁰ Маугодінов N. Ibid. P. 185. Fig. 121—122.

⁴¹ Бентович И. Б. Находки на горе Муг. Труды Таджикской археол. экспедиции//МИА. 66. М.—Л., 1958. С. 370. Рис. 5, 1.

⁴² Пулатов У. П. Чиль-Худжра. Душанбе, 1975. Рис. 45, 5.

универсальна, что ее распространение и бытование не ограничивается каким-либо районом и периодом. Такой тип наконечников существовал длительное время и сохранился до недавнего прошлого у поясов кавказских народов. Внутренний контур на наконечниках обозначает, видимо, рельефную окантовку или же скругленную грань. Наконечники такой формы имеются и в коллекции М. В. Столярова (рис. 8, 24, 25). Их размеры зависели от того, для каких ремней они предназначались: портупейных, для кошельков и конской сбруи (аналогичные наконечники изображены на декоративных ремешках конской сбруи в росписях Восточного Туркестана).

Что касается прямоугольных наконечников, то аналогов им несколько меньше. Вещественный материал есть в коллекции М. В. Столярова, но здесь можно говорить лишь о сходстве форм, так как упомянутый наконечник орнаментирован, на росписях же не показано ни одного орнаментированного наконечника. Подпрямоугольную форму (с округлыми углами) имеют несколько наконечников из коллекции № 208 Ташкентского музея (рис. 8, 29). На среднеазиатских росписях (Балалыктепе, Калаи-Кажха, Пенджикент) не только нет аналогов, но даже такая деталь, как наконечник пояса, не изображена (за исключением пояса с орнаментированным наконечником на росписях Варахши). Даже на росписях Пенджикента (судя по опубликованным прорисовкам)⁴³, на которых детали поясного набора выписывались так тщательно, нет изображений наконечника. В росписях Аджинатепе (роспись постамента в помещении № 1) есть изображение пояса со свисающими ремешками⁴⁴, но его плохая сохранность не позволяет сказать что-либо о деталях поясного набора. Значительное количество аналогов изображениям прямоугольных наконечников имеется на росписях Восточного Туркестана, особенно в пещерном монастыре Безельк в Турфанском оазисе — VIII—IX вв. Не исключено, что эти наконечники появились позже; мы не можем говорить о вытеснении ими наконечников с округлым концом (выше отмечалось широкое бытование последних). На одних и тех же поясах очень часто присутствует и та, и другая форма наконечников.

В качестве аналога с оговорками можно привлечь ремешки с прямоугольными наконечниками, изображенные на серебряном блюде из Британского музея⁴⁵. В выдержке из китайского источника «Гу-юй-ту», приведенной выше, указывалось, что придворные китайские пояса имели на концах и две прямоугольные пластинки (рис. 11, 3).

⁴³ Распопова В. И. Поясной набор. Согда//СА. 1965. № 4.

⁴⁴ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепе. С. 59.

⁴⁵ Смирнов Я. И. Восточное серебро. Спб., 1909. С. 7. Табл. XXXVII. № 66.

На росписях не изображены орнаментированные наконечники, что исключает возможность более детального их разбора и классификации. Отсутствие орнаментации нельзя объяснить лишь тем, что средневековые художники не стали детально выписывать столь незначительную деталь. Изображения орнаментированных наконечников имеются в Варахше⁴⁶, в Безеклыке, хотя там они ничуть не крупнее афрасиабских. Таким образом, изображенные на афрасиабской росписи наконечники в действительности не имели орнамента.

Что касается таких немаловажных деталей, как подвески, различные кольца для подвешивания, то на росписях Афрасиаба их нет. Исключение составляет пояс чаганианского посла (так называемого «главы посольства» (рис. 2, 3)) и пояс, который преподносят в дар Вархуману, правителю Согда, чаганианские послы (рис. 2, 4). Подвеска на поясе главы чаганианского посольства довольно крупная, имеет каплевидную форму, двухсоставная. Верхняя часть ее, которая крепится к поясу, имеет форму двухлистника. Подвески на поясе, преподносимом в дар (рис. 2, 4), еще крупнее и изображены разными цветами (что, возможно, указывает на различные камни или металлы, из которых составлены подвески). Подвески сложные, многосоставные. Основная часть имеет также каплевидную форму, средняя часть — форму трилистника. Крепится к поясу квадратной бляхой, окруженной четырьмя «перлами». Аналогов таким подвескам на поясах в известном нам изобразительном материале нет. Возможно, подобные подвески изображены на фрагменте византийской ткани VIII в. Сюжет — царская охота: два персонажа изображены в сасанидских костюмах. На поясах правителей изображены черные овальные подвески (при всей миниатюрности рисунка достаточно четкие)⁴⁷. Учитывая то, что на афрасиабских росписях подвески изображены на поясе главы посольства и на поясе, предназначенном для правителя, а на византийской ткани, несомненно, запечатлены представители царствующего дома, такие подвески можно, видимо, считать знаком, указывающим на степень знатности владельца пояса.

Заканчивая разбор деталей поясного набора, можно сделать некоторые выводы.

При сравнении поясных наборов выделяются пояса китайского посольства. Пояса согдийских придворных и чаганианских послов различий не имеют.

Верхние пояса китайских послов являются скорее всего придворными поясами, указывающими на чины посланников и знатность.

По сравнению с поясами на росписях Пенджикента и, особенно, Восточного Туркестана, а также поясами тюркских каменных

⁴⁶ Шншкин В. А. Варахша. М., 1963. XIV.

⁴⁷ Chirshman R. Ук. соч. Ibid. P. 314.

изваяний VIII—X вв., афрасиабские отличаются простыми геометрическими формами накладок.

Большинство изображенных пряжек на поясах имеют В-образную рамку, гораздо меньше овально-рамчатых, причем их рамка вытянута. Судя по вещественному материалу, на территории Средней Азии в VII в. также бытовали пряжки с В-образной рамкой, но, по сравнению с северо-кавказскими и крымскими этого же времени, более упрощенного типа. Отсутствие массового вещественного материала заставляет осторожно делать такие выводы.

У всех изображенных поясов отсутствуют декоративные ремни, кольца, подвески (за исключением подвески у главы чаганианского посольства). На поясе подвешено лишь самое необходимое: меч, кинжал, кошелек, платок, калямдон.

Учитывая все это, можно сказать, что изображенные на афрасиабских росписях пояса относятся к типу раннетюркских⁴⁸ и, хотя в деталях поясного набора имеют много сходства с центральноевропейскими (аварскими), по типу являются иными.

Г. М. МАЙТДИНОВА

ОТРАЖЕНИЕ В ЖЕНСКИХ КОСТЮМАХ ТОХАРИСТАНА И СОГДА КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В Средней Азии очень редки находки сохранившейся старинной одежды, в основном это материалы классической этнографии и единичные экземпляры средневековых костюмов. Поэтому важным источником для изучения истории и эволюции костюма служат произведения изобразительного искусства.

Первые шаги в изучении среднеазиатского костюма по монументальной живописи Пенджикента, Афрасиаба, Варахши, Балалыктепе сделаны И. Б. Бентович, Н. П. Лобачевой, А. М. Беленицким и В. И. Распоповой¹. Ряд работ посвящен публикации подлинных археологических согдийских тканей и идентификации их с тканями на росписях². Предметом исследования были воп-

⁴⁸ Амброс А. К. Указ. соч. Ч. 2. С. 126.

¹ Бентович И. Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии/по данным стеновых росписей VI—VIII вв.//Страны и народы Востока. Вып. 22. Кн. 2. М., 1960. С. 196—212; Беленицкий А. М., Распопова В. И. Согдийские «золотые пояса»//Страны и народы Востока. С. 213—218; Лобачев Н. П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи по данным стеновых росписей//Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 18—48.

² Винокурова М. П. Ткани из замка на горе Муг//ИООН АН ТаджССР. Вып. 14. 1957; Шишкин В. А. О художественном ремесле в Средней Азии V—VIII вв. по памятникам древней живописи (текстиль)//КСИИМК. 1960. № 80; Беленицкий А. М., Бентович И. Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества//СА. 1961. № 2. С. 66.

росы реконструкции узора на тканях, изображенных на стенных росписях³, и развития художественного шелкоткачества в Средней Азии⁴.

Определились принципы работы с настенной живописью как источником по истории костюма, с дополнительными материалами (скульптурой, мелкой пластикой, торевтикой, письменными источниками, в некоторых случаях и этнографическим материалом). Среднеазиатская монументальная живопись дает наиболее реальное представление о костюмах Средней Азии V—VIII вв., которое подтверждается уникальными археологическими находками одежды. Комплексное изучение позволяет достоверно реконструировать и локальные варианты среднеазиатского костюма.

В настоящей работе предпринята попытка проследить развитие женского костюма Тохаристана и Согда V—VIII вв., его общие и локальные особенности, роль взаимовлияний в формировании среднеазиатской одежды.

Исследование основано на изучении изобразительных материалов Бактрии-Тохаристана (коропластики, скульптуры⁵, торевтики, стеной росписи Дильберджина⁶, Бамиана⁷, Балалыктепе⁸, Аджинатепе⁹, Калаи-Кафирнигана¹⁰), Самаркандского Согда (коропластики¹¹, монументальной живописи Пенджикента¹², Афрасиа-

³ Бентович И. Б. Реконструкция узора согдийской ткани VII—VIII вв.//СА. 1964. № 4. С. 196—198.

⁴ Дьяконова Н. В. «Сасанидские» ткани//ТГЭ. Т. 10. Л., 1969; Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде//Средняя Азия и Иран. Л., 1972.

⁵ Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971; Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978; Мухитдинов Х. Ю. Статуэтка женского божества с зеркалом из Саксанохура//СЭ. 1973. № 5.

⁶ Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974; Она же. Настенные росписи Дильберджина//Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1979.

⁷ Zemağyalai Tarzi. Architecture et le Decore rupestre des Grottes de Bamiyan. Paris, 1977; J. Auboyer. Afganistan und seine Kunst. Prague, 1968; Rouland B. The art of Central Asia. New York, 1970.

⁸ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960.

⁹ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.

¹⁰ Литвинский Б. А. Калаи-Кафирниган (раскопки 1975 г.). Археологические работы в Таджикистане. Вып. 15. 1975. Душанбе, 1980; Он же. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

¹¹ Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962; Она же. Коропластика Согда, Душанбе, 1977; Борисов А. Я. К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях//ТОВЭ. Л., Т. 2. 1940; Ставиский Б. Я. Оссуарии из Бия-Наймана//ТГЭ. Л., № 6. 1961; Пачос М. К. Находки оссуарных захоронений на Афраснабе в 1967 году//Афраснаб. Вып. 2. Ташкент, 1973; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960; Пугаченкова Г. А. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда//ИООН АН ТаджССР. Вып. 2. 1952; Она же. Иштыханский

ба¹³), Бухарского Согда (Варахши)¹⁴, Уструшаны (Калаи-Каххаха)¹⁵.

Для сравнительного анализа привлекались изобразительные материалы Восточного Туркестана, Китая, Ирана, Византии.

Исследования И. Б. Бентович и Н. П. Лобачевой показали, что в Тохаристане и Согде в период раннего средневековья использовались сходные комплексы костюма. В них входили верхние туникообразные распашные (накидка, халат) и нераспашные (рубаша) одежды, плащи-накидки, платья, штаны, обувь, головные уборы. Важной составной частью костюма были украшения и прически.

По нашим наблюдениям, наиболее распространенной женской одеждой, изображенной на росписях Тохаристана и Согда, являлись накидки двух типов: халаты и плащи.

Халаты-накидки шили из орнаментированных и однотонных тканей, на подкладке. Борта оторачивали другой тканью.

В Тохаристане халаты-накидки имели правосторонний отворот, левосторонний выем ворота (рис. 1, 1, 5, 7)¹⁶. Наряду с ними в Дильберджине, Балалыктепе (рис. 1, 3, 4, 8) бытовали накидки без отворотов, иногда обшитые мехом (возможно, и целиком меховые). Длина накидок Северного Тохаристана, очевидно, была до щиколоток (Калаи-Кафирниган), а в южном Тохаристане (Дильберджине) — чуть ниже колен. В качестве декоративной отделки использовались ленты-завязки на уровне талии и бусы по кайме обшивки бортов (Балалыктепе), кайма из декоративных тканей.

В Согде выделяются халаты-накидки двух типов: с двусторонними отворотами и без них, с глубоким выемом на груди. Для Пенджикента и Калаи-Каххаха (Бунджикента (рис. 2, 1, 2)) характерны накидки с двусторонними отворотами из другой тка-

---

оссуарий//ОНУ. 1975. № 3; Дресвянская Г. Я. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда//ОНУ. 1983. № 3.

¹² Живопись древнего Пенджикента. М., 1954; Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959; Беленицкий А. М. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г.//Археологические работы в Таджикистане. Вып. 6. (1958). Сталинабад, 1961; Беленицкий А. М. Мону-ментальное искусство Пенджикента. Скульптура. Живопись. М., 1973.

¹³ Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. С. 68 (Л. И. Альбаум считает персонажей «Сцены в лодке» (Афраснаб) представительницами населения Восточного Туркестана. (Указ. соч. С. 70). Однако анализ костюмов и украшений женщин свидетельствует о том, что изображенные являются жительницами Средней Азии. Подробно об этом см.: Майтдинова Г. М. К интерпретации живописи Афрасиаба//ИООН АН ТаджССР. 1984).

¹⁴ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.

¹⁵ Негматов Н. Н. Работы Северо-Таджикского археологического отряда в 1972 г.//Археологические работы в Таджикистане. Вып. 12. (1972). Душанбе, 1976; Он же. О живописи дворца афшинов Уструшаны/предварительное сообщение//СА. 1973. № 3.

¹⁶ Иллюстрированный материал составлен на основании вышеуказанных публикаций.

ни. Верх отворота украшали бусы. Для Самарканда (рис. 2, 3) и Варахши (рис. 2, 4) традиционны накидки без отворотов.

Халаты Тохаристана и Согда имеют те же особенности, что и накидки — небольшую длину, правосторонние отвороты у тоха-

Рис. 1. Накидки Тохаристана:

1, 4 — Дильберджин; 2 — Бамнан; 5 — Калан-Кафирниган, 6—8 — Балалыктепе.

ристанок и двусторонние (или же без них) — у согдийских женщин, но в южном Согде встречаются халаты и с левосторонними отворотами. Ворот, длинные облегающие рукава с манжетами и борта халатов обшивались декоративной тканью. Тохаристанские

халаты носили с поясами (Бамнан и Баладыктепе (рис. 3, 1, 2)) и без них (Дильберджин (рис. 3, 3)).

Пенджикентские облегающие халаты с прямым воротом на застежке-пуговице, с сужающимися к запястью высокими прямыми или косыми манжетами носили с пояском (рис. 3, 4, 7). Расстегнутый ворот образовывал двухсторонние отвороты. Длина

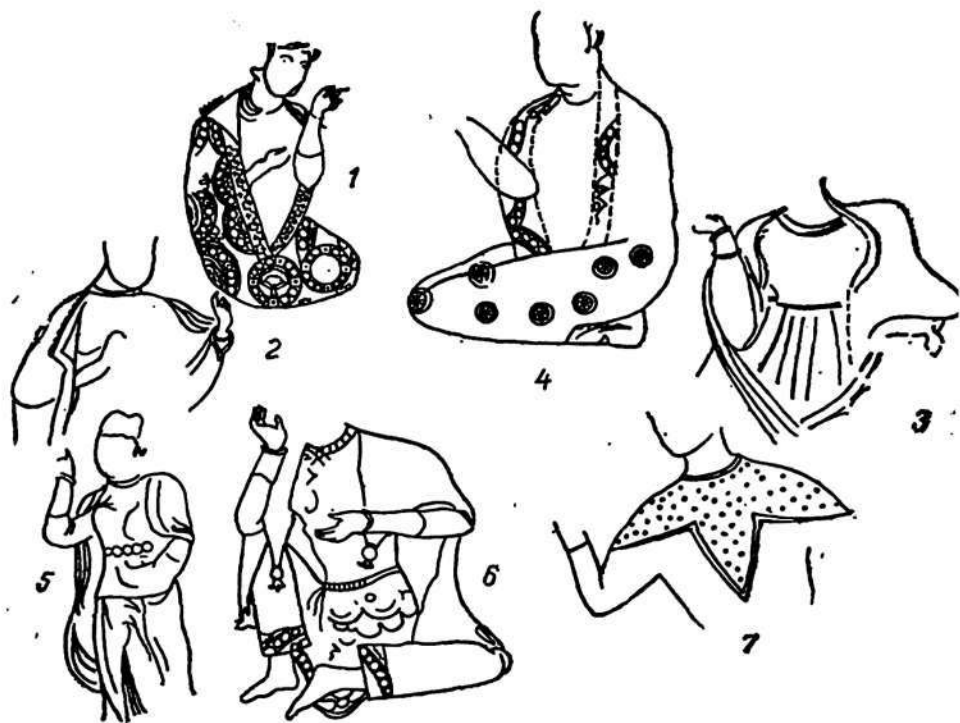

Рис. 2. Накидки Согда:

1 — Пенджикент; 2 — Калан-Қахқа; 3 — Афрасиаб; 4 — Варахша; 5—7 — Пенджикент.

халатов, скорее всего, была до середины икр. Женщины-воительницы носили халаты-казакины чуть ниже бедер, с короткими рукавами, украшенными воланами и круглыми бляшками с драгоценными камнями. Ими же обрамлялся и низ одежды (рис. 3, 8). Носили они и казакины со сложным пояском. О характере ворота судить трудно, возможно, он был аналогичен воротам воинских халатов, имевшим глубокий выем на груди и отороченным декоративной тканью. Эти халаты с короткими рукавами надевались поверх кольчуги (?). Южносогдийские широкие халаты танцовщиц имели левосторонние отвороты с глубоким правосторонним выемом, длину до щиколоток и носились с узеньким пояском (рис. 3, 5). Судя по многочисленным драпирующимся складкам, сужающиеся рукава скорее всего закрывали кисти рук.

—Прямые свободные самаркандские халаты из плотной однотонной ткани, с глубоким выемом на груди и длинными, закрывающими кисти рук рукавами, сходны с современными. Носили их нараспашку, без поясов (рис. 3, 9). В Самарканде, вероятно, халаты были сходны по покрою с накидками без отворотов

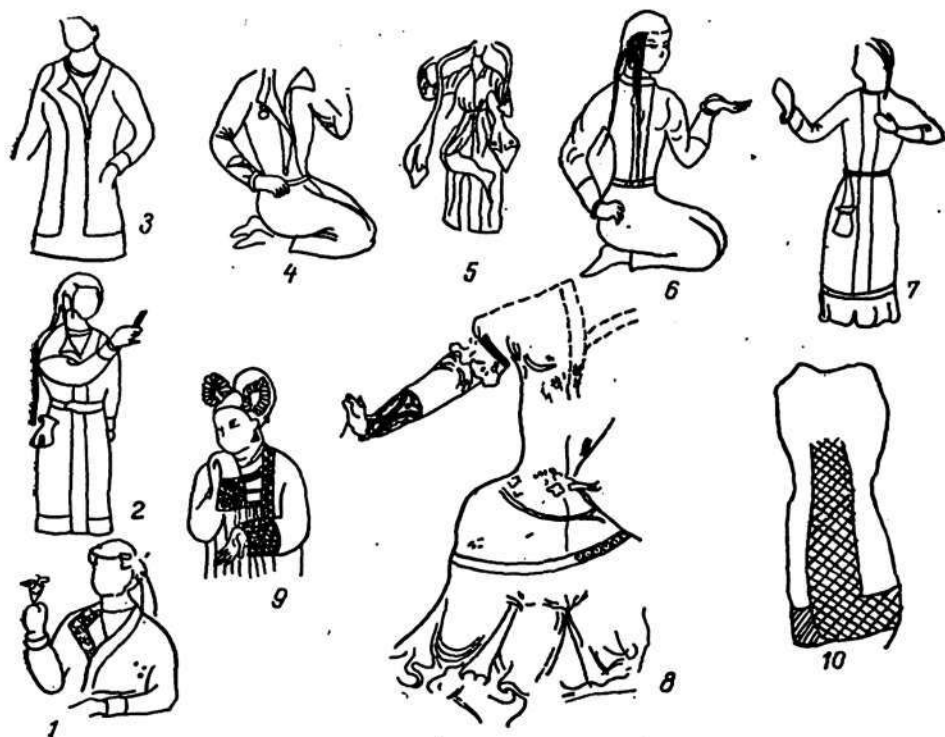

Рис. 3. Распашная одежда Тохаристана и Согда:

1 — Бамнан; 2 — Балалыктепе; 3 — Дильберджин; 4, 6 — 8 Пенджикент; 9 — Афрасиаб; 10 — Варахша; 5 — изображение на оссуарии из Яккабагского р-на Кашкадарьинской обл. УзССР.

Бамнана и Дильберджина, отличаясь наличием длинных широких рукавов. Судя по материалам коропластики, в Варахше тоже бытовали традиционные для Согда халаты (рис. 3, 10).

Накидки, возможно, надевали во время выполнения определенных ритуалов, а в повседневной жизни носили халаты. Этот вид одежды, очевидно, был традиционен для всех социальных категорий общества Тохаристана наряду с накидками.

Верхние нераспашные туникообразные одежды типа рубахи в Тохаристане носили поверх платья. Имелось множество местных вариантов (рис. 4).

Прямые рубахи длиной до середины бедер с длинными широкими рукавами, с прямым воротом носили с пояском (Дильбер-

джин (рис. 4, 1)). В облегающие рубахи из плотной ткани без поясков одеты чаганианки на росписях Афраснаба¹⁷ и Калан-Кафирнигана (рис. 4, 2, 3). Чаганианские рубахи были длинной до колен, имели длинные широкие рукава, сужающиеся к запястью, а калаикафирниганские — длиной чуть ниже бедер и без рукавов (рис. 4, 3). Женские рубахи в живописи Балалыктепе имеют длинные раструбообразные рукава и прямой ворот (рис. 4, 4).

В отличие от тохаристанской, согдийская верхняя нераспашная туникообразная одежда выполняла функции платья или кофты. На росписях Афраснаба самаркандские женщины одеты в

Рис. 4. Нераспашная туникообразная одежда Тохаристана:

1 — Дильберджин; 2 — Афраснаб; 3 — Калан-Кафирниган; 4 — Балалыктепе.

широкие однотонные платья с прямым воротом. Ворот и основные кокетки обшивались золотистой тканью. Платье непосредственно под воротом или же под кокеткой украшалось вертикальными разноцветными вставками или лентами (не исключено, что сама ткань орнаментирована разноцветными полосками).

Туникообразные рубахи эти носили без поясков (рис. 5, 1, 2). В живописи Пенджикента женщины изображены одетыми в облегающие платья с длинными рукавами. Платья имеют высокие манжеты из декоративной ткани. Той же тканью обшиты ворот и подол. Разнообразны вырезы ворота — прямые, U-образные, глубокие круглые, прямые с выемкой. Пенджикентские рубахи носили с узеньким пояском (рис. 5, 4, 5).

Кроме того, в Согде бытовали коротенькие кофты из тонкой ткани с длинными и укороченными рукавами. Длина кофт чуть ниже бедер. Рукава, прямой ворот с выемкой и подол декорировались бусами, лентами (рис. 5, 6, 7, 8). Подобные кофты носили музыкантши.

¹⁷ Альбаум Л. И. Живопись Афраснаба. С. 43, 44 (нами принята здесь интерпретация Альбаума Л. И., считающего «чаганианками» всадниц, изображенных на южной стене афраснабского зала. Но последние исследования мнукальских оссуариев Г. А. Пугаченковой показали, что ношение коротких рубах поверх длинного платья характерно и для Согда. См.: Пугаченкова Г. А. Мнукальские оссуарии — памятник культуры Древнего Согда // Наука и человечество. М., 1984. С. 82).

Плащи-накидки Тохаристана и Согды состояли из цельного куска ткани. Края их обшивались другой тканью. Закругленные углы тохаристанских плащей (Дильберджин) закреплялись на груди фибулами или пуговицами (рис. 1, 9). В Согде (Пенджикент) их свободно набрасывали на плечи. Верхние их концы закругляли, к ним прикрепляли массивные бубенчики (?) или кис-

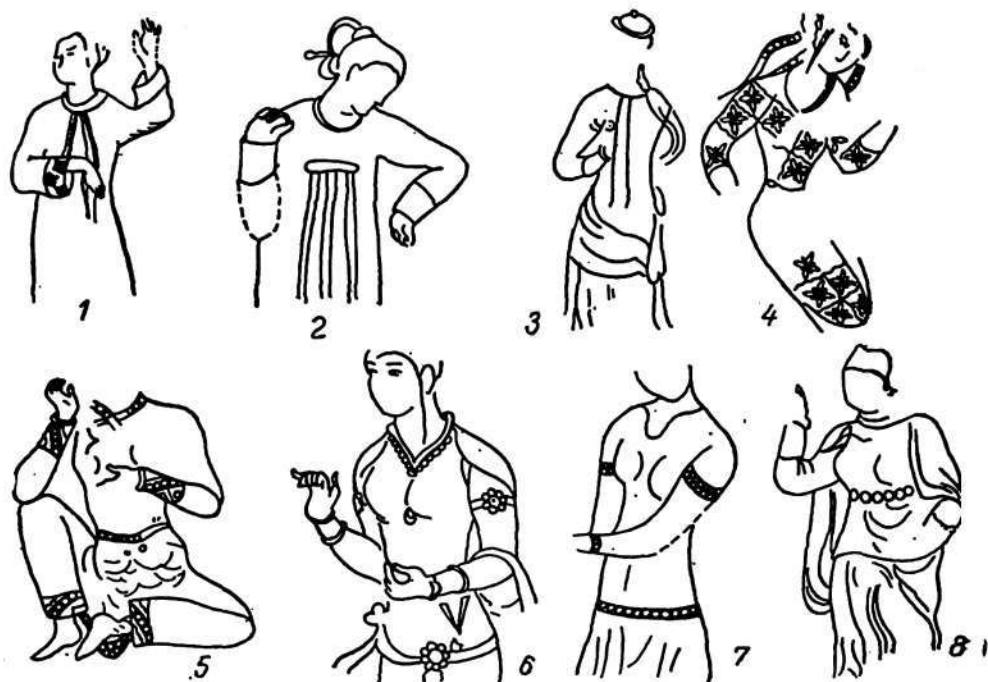

Рис. 5. Нераспашная туникообразная одежда Согды:

1, 2 — Афрасиаб; 3 — 6, 8 — Пенджикент; 7 — Калан-Какхак (Уструшана).

ти, вероятно, для того, чтобы плащи не сползали с плеч (рис. 2, 5, 6). В живописи Пенджикента имеются изображения женщин в четырехлопастных накидках, надеваемых через голову и украшенных драгоценными камнями (?) (рис. 2, 7). Подобные накидки в Тохаристане встречены только на изображениях буддийских персонажей Бамиана¹⁸.

Платья, присборенные под грудью, бытовали и в Северном Тохаристане, и в Согде. Имелось множество местных вариантов.

Прямые облегающие платья со шлейфами изображены на росписях Дильберджина. Они имели длинные рукава с манжетами, сужающимися к запястью, иногда снабжались поясками. Платья Бамиана — однотонные, отрезные по талии, с широкой

¹⁸ Zemařyalai Tarzi. Op. cit. Fig. 09. PL. AI.

Рис. 6. Платья Тохаристана и Согда:

1, 2 — Дильберджин; 3 — Бамнан; 4 — Афрасиаб; 5 — Калаи-Кафирниган; 1а, 2а — Афрасиаб; 3а — Ба, 6, 10, 11 — Пенджикент; 7, 8 — Варакша, 9 — Калаи-Какхах, изображение на Биянайманском оссуарии.

присборенной юбкой, прямым обшитым воротом и плотно облегающими рукавами длиной до запястья (рис. 6, 3).

Женщины Чаганиана на росписях Афрасиаба одеты в платья из тонкой ткани со складками под грудью, с широкими, присборенными у запястья рукавами (рис. 6, 4).

Платья на кокетке или отрезные под грудью, с поперечной золотистой планкой под кокеткой и грудью, с разноцветными лентами или вставками, иногда с воланами, характерны для Самарканда (рис. 6, 1а, 2а). Платья имели длинные рукава с высокими узкими манжетами и прямой вырез, иногда с декоративной кокеткой-шемизеткой из прозрачной ткани, украшенной золотыми бляшками (?) (рис. 6, 2а). У пенджикентского варианта

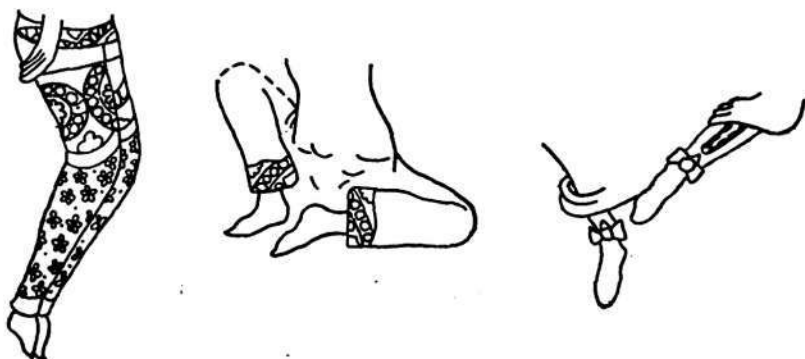

Рис. 7. Штаны Согда. Пенджикент.

платья этого типа встречаются ворота двух видов: U-образный, украшенный вышивкой или бусами, и прямой, декорированный другой тканью (рис. 6, 3а, 5а). В Согде носили широкие платья из тонкой ткани, подпоясанные на талии, с пышным напуском или же без пояса, свободно ниспадающие до щиколоток, с прямым воротом, украшенным бисером или металлическими пластинками, с манжетами, сужающимися к запястью, или без манжет, с широкими прямыми рукавами. Подобные платья в живописи Калаи-Кахкаха отличаются декоративными элементами ворота и рукавов (рис. 6, 9). Согдийские платья украшались защипами на подоле (рис. 6, 10, 12).

О наберенной одежде (штанах) Тохаристана трудно что-либо сказать, так как в изобразительных источниках они пока не засвидетельствованы. Учитывая то, что в комплексах одежды Тохаристана и Согда много общего, можно предположить, что этот вид одежды бытовал здесь с незначительными изменениями в декоре.

Согдийские штаны наблюдаются двух типов¹⁹. Одни состоят из двух частей — верхней и широких прямых штанин²⁰, украшен-

¹⁹ Лобачева Н. П. Указ. соч. С. 42, 43.

²⁰ Там же.

ных снизу декоративной тканью (аналогичны современным узбекским и таджикским²¹ (рис. 7, 1, 2), другие — из тонкой ткани, плотно облегают ноги до щиколоток и имеют впереди разрез и продольную декоративную полоску, вышитую бисером (рис. 7, 3).

Обувь зафиксирована для Тохаристана только в Афраснабе и Калаи-Кафирнигане — узконосые, облегающие ногу сапожки типа современных ичигов (рис. 8, 1).

Согдийские женщины наряду с облегающими сапожками с острыми или загнутыми вверх носками носили изящные санда-

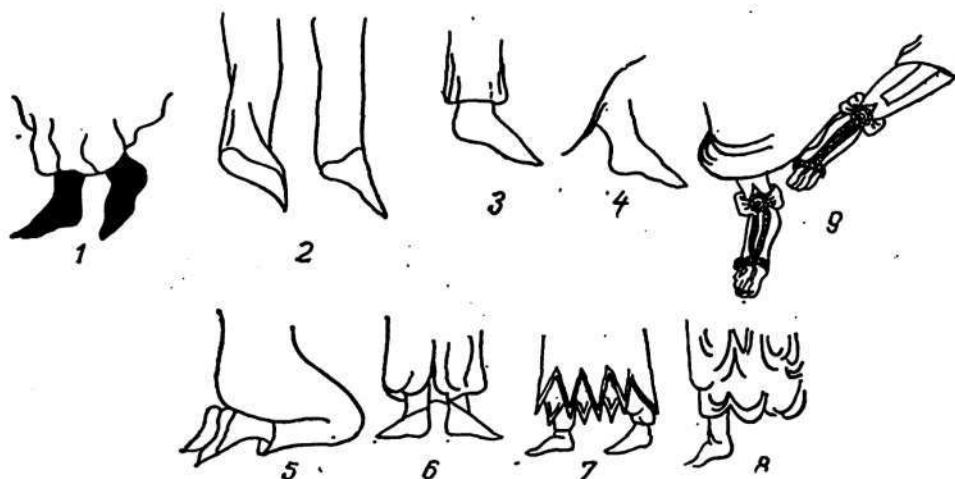

Рис. 8. Обувь:

1 — Афраснаб; 2—5 — Пенджикент; 6, 7 — Калаи-Кахха; 8 — Пенджикент.

ли, которые прикреплялись к ноге двумя тесемками у носков, проходящими между пальцами, и украшались бусинками и застежкой — розеткой-бантиком (рис. 8, 2—9).

В Тохаристане и Согде женщины носили косы, волнистые локоны, пряди или локоны у висков.

В Тохаристане косу загибали за уши в виде колечка (Дильберджин (рис. 10, 4)), собирали волосы в двойной пучок на затылке, заплетали в четыре косы (Балалыктепе (рис. 10, 14)), делали прическу в виде валика на затылке (Калаи-Кафирниган, Бамиан, Дильберджин (рис. 10, 5, 7, 10, 17)). В Согде заплетали шесть кос (рис. 11, 2, 5, 7), иногда нанизывая на них бусы (рис. 11, 8), собирали в виде пучка на затылке (рис. 11, 10, 11, 12) или распускали локонами на плечи (рис. 11, 4, 14, 15). Самаркандские женщины косы на затылке складывали «восьмеркой», скрепляя длинной шпилькой (рис. 11, 9).

Прически повсеместно украшали разноцветными лентами, диадемами (Пенджикент, Балалыктепе, Бамиан, Аджина-тепе

²¹ Там же.

(рис. 11, 7, 10, 12, 13, 14, 16, 19)), венцами с вуалью (Бамиан, Калаи-Кахках, Пенджикент (рис. 10, 7, 9, 11, 12; 11, 15, 16)) и без вуалей (Дильберджин, Бамиан, Афрасиаб, Пенджикент (рис. 10, 6, 8, 10; 11, 11—14)).

В Дильберджине носили высокие меховые шапки с кисточками по бокам и шлемовидные головные уборы (рис. 10, 7, 12), в Согде — небольшие шапочки типа тибетейки (рис. 11, 1—6), в

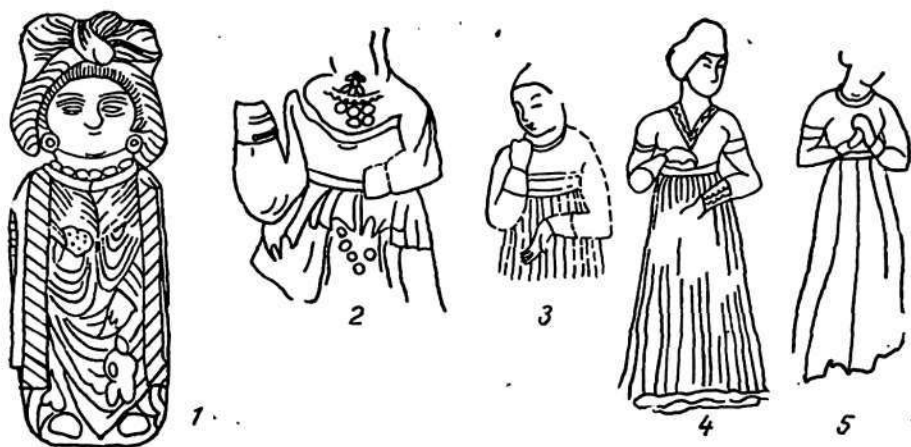

Рис. 9.. Платья с завышенной талией:

1 — 3 — Афрасиаб; 4, 5 — Пенджикент.

Калаи-Кафирнигане — декоративные повязки (рис. 10), в Пенджикенте — темные шапочки на завязке (рис. 11, 17, 18).

Составной частью костюма являлись украшения. В данной работе мы украшения не рассматриваем, так как исследование их является предметом отдельной, более обширной работы.

Истоки исследуемых костюмов прослеживаются в местной одежде кушанской эпохи, а некоторых видов (например, платьев, присборенных под грудью, плащей-накидок), возможно и в эллинистической (в греческих хитонах и гиматиях).

Накидки и халаты без отворотов, с глубоким выемом на груди и расстегнутым воротом, сходные с традиционными кафтанами кочевых народов Евразии более раннего периода, мы наблюдаем на статуэтках женских божеств Бактрии²² и Согды²³. Халаты, которые носили застегнутыми у горловины или же с расстегнутой верхней пуговицей, вероятно, появились в Средней Азии с нача-

²² Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе... С. 163. Рис. 114, 16, 18, 23, 24. Мы обращались к коропластике тех районов, где обнаружена раннесредневековая живопись.

²³ Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. С. 62. Табл. IV, 35. С. 69. Табл. VII, 84; Она же. Коропластика Согды. Табл. III, 1, 2; IV, 1—4; V, 1.

лом господства тюрков. На росписях Афрасиаба еще запечатлен ранний тип местной верхней одежды, но в живописи Пенджикента — уже тюркизированной (одежда, известная в Китае²⁴, Вос-

Рис. 10.

1—4, 6, 10, 17, 18 — Пенджикент; 7—9, 11, 12 — Бамнан; 5 — Калан-Кафирниган; 13—16, 20, 21 — Балалыктепе; 19 — Аджинатепе.

точном Туркестане²⁵, Тохаристане, Согде и на Алтае²⁶). Халаты с прямым воротом, заимствованным китайцами у тюрков в VI—VII вв., отличались видом запахивания и длиной. Халаты «варварского» покроя китайцы запахивали направо таким образом, что левая пола оказывалась наверху²⁷, тогда как в Средней Азии, Восточном Туркестане, на Алтае и в Монголии почти аналогичная по покрою одежда имела левый запах. В отличие от средне-

²⁴ Шэнь Цунвэнь. Чжунго гудай фуши яньцзю/Изучение древнекитайского костюма/ на кит. яз. Сянган, 1981. С. 212.

²⁵ Дьяконова Н. В. К истории одежды в Восточном Туркестане II—VII вв./Страны и народы Востока. Вып. 22. Кн. 2. М., 1980. Табл. III, 3, 5; VI.

²⁶ Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. Табл. 1, 6, 22, 24; Гаврилова А. А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен М.—Л., 1965. Табл. VI, 2.

²⁷ Крюков М. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII—XIII). М., 1984. С. 153.

азиатской, китайской и тюркской, распашная одежда восточно-туркестанских женщин имела вид коротких, чуть ниже бедер, казакинов²⁸.

В то же время в сасанидском Иране, граничащем с Тохаристаном и Согдом, в женском костюме преобладали туники, надеваемые поверх платья²⁹. Впервые они были выявлены в изобразительных материалах Средней Азии — на согдийских статуэтках

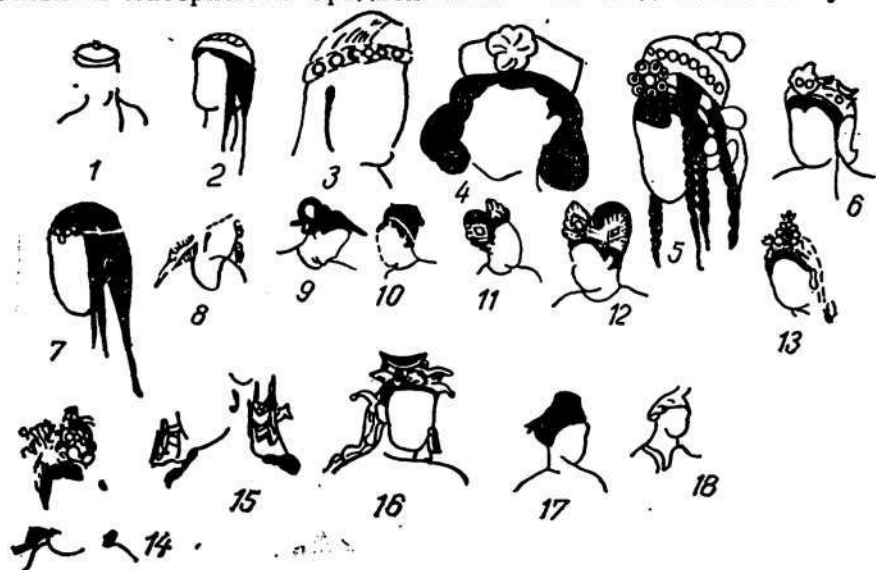

Рис. 11.

1, 2, 5—8, 13—15 — Пенджикент; 9—12, 17, 18 — Афрасиаб; 16 — Калан-Кяхка.

второй половины I тысячелетия до н. э.³⁰, а затем — на статуэтках эллинистического типа³¹. Этот вид одежды в комплексе женского костюма был распространен почти по всей территории Кушанской империи. Аналогичные туники запечатлены в живописи Хадды³², коропластике Хотана³³, Согда³⁴, Тохаристана³⁵. С некоторыми декоративными изменениями он оставался господствующим и в период раннего средневековья.

С древнейших времен сохранилась система декора костюма, украшений, характерных для каждой местности. В Тохаристане,

²⁸ Дьяконова Н. В. Указ. соч. С. 182—193.

²⁹ Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 209.

³⁰ Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977. Табл. XXV, 8.

³¹ Там же. Табл. XXV, 24.

³² Аубаев J. Afghanistan... Fig. 63.

³³ Дьяконова Н. В. Указ. соч. С. 180. Табл. II, 1.

³⁴ Мешкерис В. А. Коропластика. Табл. XXVI, 8, XXVII, 37.

³⁵ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтеп. С. 163. Рис. 114, 26.

например, прямой или У-образный ворот, обрамленный драгоценными бусами и узорной тканью запечатлен на серебряном бактрийском (?) медальоне с изображением амазонки³⁶, скульптурах Халчаяна³⁷, росписи и коропластике Дальверзина³⁸, на рельефе из Айртама³⁹.

В Бактрии и Согде кушанской эпохи широкое распространение среди знатных женщин получили платья с завышенной талией, отличаясь в каждом районе лишь декоративными элементами. Эти платья в Тохаристане мы видим на матрице из Жигатепе (Северный Афганистан)⁴⁰, на коропластике Саксанохура⁴¹, Шортепе⁴², скульптуре царицы из Халчаяна⁴³, стенной живописи⁴⁴ и деревянной статуэтке бактрийской богини из Дальверзинтепе⁴⁵, серебряной чаше с изображением сцен из драм Еврипида⁴⁶. В Согде они засвидетельствованы на терракотовых статуэтках богинь и медальоне кушанской эпохи⁴⁷. Подобные платья запечатлены на кушанских монетах⁴⁸. Они были характерны и для Парфии⁴⁹. Учитывая разнообразный характер изобразительных источников, отражающих этот вид одежды, его широкое распространение в Парфии, Бактрии — Тохаристане, Согде, можно с полным основанием утверждать, что в данном случае засвидетельствованы местные традиционные платья, использовавшиеся на всем эллинистическом Востоке. Удобные в быту, приспособленные к климатическим условиям Средней Азии подобные платья распространились в период средневековья вплоть до Китая⁵⁰.

Следует отметить, что платья музыкантов очень просты: украшен только ворот, наряд дополняет лишь длинный легкий

---

³⁶ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965. Илл. 42.

³⁷ Они же. Скульптура Халчаяна. Илл. 50.

³⁸ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 81, рис. 53; с. 116, рис. 8.

³⁹ Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. М., 1974. С. 92. Илл. 71.

⁴⁰ Пугаченкова Г. А. Жига-тепе/раскопки 1974 г.//Древняя Бактрия. Вып. 2. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1979. С. 79, 80. Рис. 17.

⁴¹ Мухитдинов Х. Ю. Статуэтка женского божества. С. 100. Рис. 1.

⁴² Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана.

⁴³ Они же. Скульптура Халчаяна. Рис. 50.

⁴⁴ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 81, рис. 53; с. 82. Рис. 54.

⁴⁵ Rougatschenkova G. Les Tresors de Dalversine-Tepe. Leningrad, 1978, fig. 34.

⁴⁶ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. Илл. 81.

⁴⁷ Мешкерис В. А. Коропластика. С. 22, 23. Рис. 2. 1, 2; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Скульптура Халчаяна. Рис. 49.

⁴⁸ John M. Rosenfield. The Dynastic Art of the Kuschnans. University of California Press Berkeley and Los Angeles, 1967. Fig. 12 (236—241, 243—248).

⁴⁹ John M. Rosenfield. Op. cit. Fig. 146.

⁵⁰ Шэнь Цунвэнь. Указ. соч. С. 156, 204.

шарф. В то же время платья такого покроя у царственных особ декорированы роскошной отделкой: воланами, лентами, бусами. Дополнялись они сложными шейными и ушными украшениями. Платье одной из знатных дам в афрасиабской живописи имеет поперечный разрез на кокетке. По этнографическим свидетельствам Средней Азии, в частности Самарканда, вертикальный ворот был характерен для одежды женщин-матерей⁵¹. Возможно, истоки этого характерного вида одежды — в раннем средневековье. В настоящее время (изменяясь лишь декоративно в связи с появлением новых тканей, веяний моды) платья на кокетке входят наряду с халатами в комплекс национальной одежды среднеазиатских женщин.

Истоки четырехлопастных накидок тоже находим в кушанской одежде. Такие накидки входили в комплекс воинского обличения⁵².

Нельзя не отметить, что в одежде в первую очередь засвидетельствована взаимосвязь народов обширного региона. Вхождение Средней Азии в состав огромной Кушанской империи, приход новых этнических групп и последующее влияние тюрков — все это отразилось на формировании раннесредневековой среднеазиатской одежды. Особенно важную роль в распространении культурных достижений народов Средней Азии, Восточного Туркестана, Китая и Византии сыграла деятельность купцов в транзитной торговле по Великому шелковому пути. По свидетельству китайских источников, «мода на иностранные одеяния... в особенности преобладала в VIII в., но и остальные периоды танской эпохи не были от нее свободны»⁵³. Об интересе в танском Китае ко всему хускому (среднеазиатскому) свидетельствует известный поэт и новеллист Юань Чжэнь (77?—783) в стихах о жителях Чаньани:

Женщины учатся хуской моде у хуских женщин,
музыканты изучают хуские звуки, чтобы исполнять хускую музыку⁵⁴.

«Китайская одежда и головные уборы начиная со времени правления династии Северная Ци представляют собой варварский костюм», — писал ученый XI в. Шэнь Қо⁵⁵.

Господствующее положение тюрков на огромной территории сделало популярным их обычаи, одежду, культурные достижения. Как свидетельствуют приведенные выше источники, даже в стро-

⁵¹ Сухарева О. А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 81.

⁵² Bernard Gold man. Parthians of Gandhāra. Fig. 6//Est and West. New Yerias. Vol. 28.

⁵³ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. С. 48.

⁵⁴ Рифтин Б. Л. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н. э.—VIII в. н. э.) // ПВ. 1960, № 5. С. 127.

⁵⁵ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 150.

го канонической одежде китайцев появились «варварские» черты. В комплекс женской одежды вошли традиционные среднеазиатские платья на кокетке⁵⁶, накидки с двусторонними отворотами⁵⁷. В тюркскую одежду облачались чиновники⁵⁸. В богатых домах служанки носили тюркские халаты⁵⁹, очень похожие на те, что запечатлены живописью Пенджикента и многочисленных памятников Центральной Азии. О. А. Сухарева и Н. П. Лобачева отметили, что на ранних стадиях развития общества по всей Центральной Азии существовало единообразие форм мужской и женской одежды. Различия возникли в ходе ее эволюции⁶⁰. Вероятнее всего, служанки-тюрчанки или китайки носили популярную в то время тюркскую одежду, одинаковую для мужчин и женщин.

Китайские шапочки «путоу», вероятно, произошли от головных уборов кочевых народов Евразии — остроконечных скифских башлыков⁶¹ и сакских высоких головных уборов⁶². Простота формы и приспособленность к климатическим условиям сделали их популярными на столетия. Их изображения имеются в материалах памятников кушанского времени в Тохаристане⁶³, Согде⁶⁴, Хорезме⁶⁵, а в период раннего средневековья эти головные уборы-клобуки, изменившись внешне и манерой ношения, запечатлены на терракотовых статуэтках Согда⁶⁶, в живописи Афрасиаба⁶⁷, на росписях Пенджикента⁶⁸ и тюркских изваяниях Алтая и Монголии⁶⁹. Подобный головной убор найден в погребении хуннской знати, в Ноинулинских курганах, датируемых рубежом нашей

⁵⁶ Шэнь Цунвэнь. Указ. соч. С. 204 (1, 2).

⁵⁷ Там же. С. 156.

⁵⁸ Там же. С. 182.

⁵⁹ Там же. С. 212.

⁶⁰ Сухарева О. А. Опыт анализа. С. 79, 80; Лобачева Н. П. Указ. соч. С. 44, 45.

⁶¹ Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. Табл. VIII, IX.

⁶² Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977. Табл. II, 6; III, 8, 9, 10; IV, 13; VI, 20.

⁶³ Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. Рис. 19, 20; Она же. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна//ВДИ. 1962. № 2. С. 89. Рис. 1.

⁶⁴ Мешкерис В. А. Корoplastика Согда. Табл. XXVII, 31, 34, 36, 38, 46, 57; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. Рис. 59, 60, 65.

⁶⁵ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. Рис. 52.

⁶⁶ Мешкерис В. А. Корoplastика Согда. Табл. XXIX, 74, 77, 78, 80, 81; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. Рис. 143, 147, 163.

⁶⁷ Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Табл. XXXV.

⁶⁸ Беленицкий А. М. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г. Археологические работы в Таджикистане. Вып. 6 (1958). Сталинабад, 1961. С. 91, рис. 5; с. 94, рис. 6.

⁶⁹ Евтухова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии//МИА. М., 1952. № 24. С. 103, 104. Рис. 57, 1, 2, 58; Радлов В. А. Атлас древностей Монголии. Спб., 1892. Табл. XV, рис. 2.

эры⁷⁰. В Китае эти шапки, отличаясь манерой ношения, появились около 302 г. н. э. (в этот период они впервые запечатлены на погребальных статуэтках из Чанша)⁷¹. Типичные для евразийских скотоводческих племен древности, они сохранились до наших дней в быту у многих тюркских народов⁷².

На всей территории, подвластной тюркам, распространился комплекс сходной женской и мужской одежды. В живописи Восточного Туркестана наблюдается сходство костюмов хотанских⁷³ женщин и тохаристанок, одежды деваты из Шоршука⁷⁴ с женскими одеяниями Согда. Одежда знатных женщин Кизила⁷⁵ была аналогична согдийской и тохаристанской. Взаимовлияние костюмов отразилось и на сходстве среднеазиатских платьев с одеждой донаторш на росписи Кучара⁷⁶. Не случайно, что в живописи Дильберджина (рис. 4, 1), Пенджикента, Афрасиаба (рис. 4, 1, 2, 3, 4, 5) и на китайских произведениях искусства исследуемой эпохи⁷⁷ женщины облачены в одинаковые платья, традиционные в Средней Азии с кушанского времени (возможно, это было следствием оживленных миграций различных этнических групп в период древности и средневековья; не исключено, что сходство кушанской и раннесредневековой тюркской одежды может объясняться приходом в Среднюю Азию представителей одних и тех же этнических групп через определенные временные промежутки). Мода обрамлять полы, ворот, борта и рукава одежды широкой полоской красочного шелка (традиция, известная с древнейших времен у народов Сибири и Алтая⁷⁸, Северной Монголии⁷⁹, Ближнего и Северного Востока) распространилась от Китая до Византии⁸⁰.

Эволюция среднеазиатской одежды непосредственно связана с этнической, социально-политической историей не только Средней Азии, но и всей Центральной Азии. Сравнительный анализ

⁷⁰ Trever С. Excavations in North ern Mongolia. Leningrad, 1932. Tab. 23. Fig. 3—4.

⁷¹ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Указ. соч. С. 149. Рис. 25, 11, 12.

⁷² Руденко И. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.—Л., 1962. С. 42.

⁷³ Bussagli Mario. La Peinture de L'Asie Centrale. Genève, 1963. P. 59, 84, 56.

⁷⁴ Rowland Benjamin. The Art of Central Asia. New York, 1970. P. 184.

⁷⁵ Bussagli Mario. Op. cit., p. 84, 81.

⁷⁶ Le Coq A. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte. Mittel—Asiens. В. 1925. S. 44, II. 22, 23.

⁷⁷ Шэнь Цунвэнь. Указ. соч. С. 204.

⁷⁸ Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1969. Илл. 9.

⁷⁹ Руденко И. И. Культура хуннов. С. 41. Рис. 38.

⁸⁰ Искусство средних веков. Т. 2. Кн. 1. М., 1960. Илл. 17//Всеобщая история искусств: в 6 т.; Каминская Н. М. История костюма. М., 1977. С. 33;

Мерцалова М. Н. История костюма. М., 1972. Илл. 24.

костюмов Тохаристана и Согда свидетельствует об общих исторических путях развития и судьбах среднеазиатских народов, об активных взаимовлияниях их культур на протяжении тысячелетий. Очевидно, в изобразительных материалах раннего средневековья отразились устойчивые виды одежды разных районов Тохаристана и Согда, приспособленные к местному климату и быту с древнейших времен.

В силу прочности местных традиций, определенные черты древней одежды сохранились в современном costume народов Средней Азии. Костюмы отдельных ее областей в древности отличались, видимо, лишь декоративным оформлением, манерой ношения, головными уборами, прическами, украшениями и материалами, из которых их шили. В декоре костюма, возможно, и отражались традиции местной одежды.

В период раннего средневековья элементы одежды кушанской эпохи сохранились в костюмах народов Центральной Азии, входивших в прошлом в состав Кушанской империи. Однако господствующее положение тюрков на большей части региона повлияло на формирование одежды VI—VIII вв.

У. А. АЛИМОВ, Л. М. СВЕРЧКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЫРДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1984 г. для составления Свода памятников материальной культуры было начато планомерное археологическое исследование Сырдарьинской области. Работы проводились Сырдарьинским отрядом Института археологии АН УзССР. В результате были взяты на учет объекты всех ее районов, за исключением южной части Хавастского.

В настоящую работу входят описания памятников, расположенных вдоль левого берега Сырдарьи¹ на территории Сырдарьинского и Ворошиловского районов. Такая выборочность обусловлена тем, что данные поселения составляют отдельный историко-географический район, относившийся в прошлом к средневековой области Чач, о чем есть соответствующие сообщения арабских географов X в.²

В Сырдарьинском районе зафиксировано семь памятников³, шесть из которых располагаются довольно компактной группой

¹ Русло реки прежде пролегалo западнее его современного положения, о чем свидетельствует наличие многочисленных озер — стариц Сырдарьи, по берегам которых обычно располагаются поселения и тепе.

² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. 1. М., 1963. С. 227.

³ Наряду с сохранившимися объектами на карту наносились также остатки памятников, уничтоженных в связи с освоением Голодной степи, но имеющих, тем не менее, большое значение для изучения исторической топографии районов.

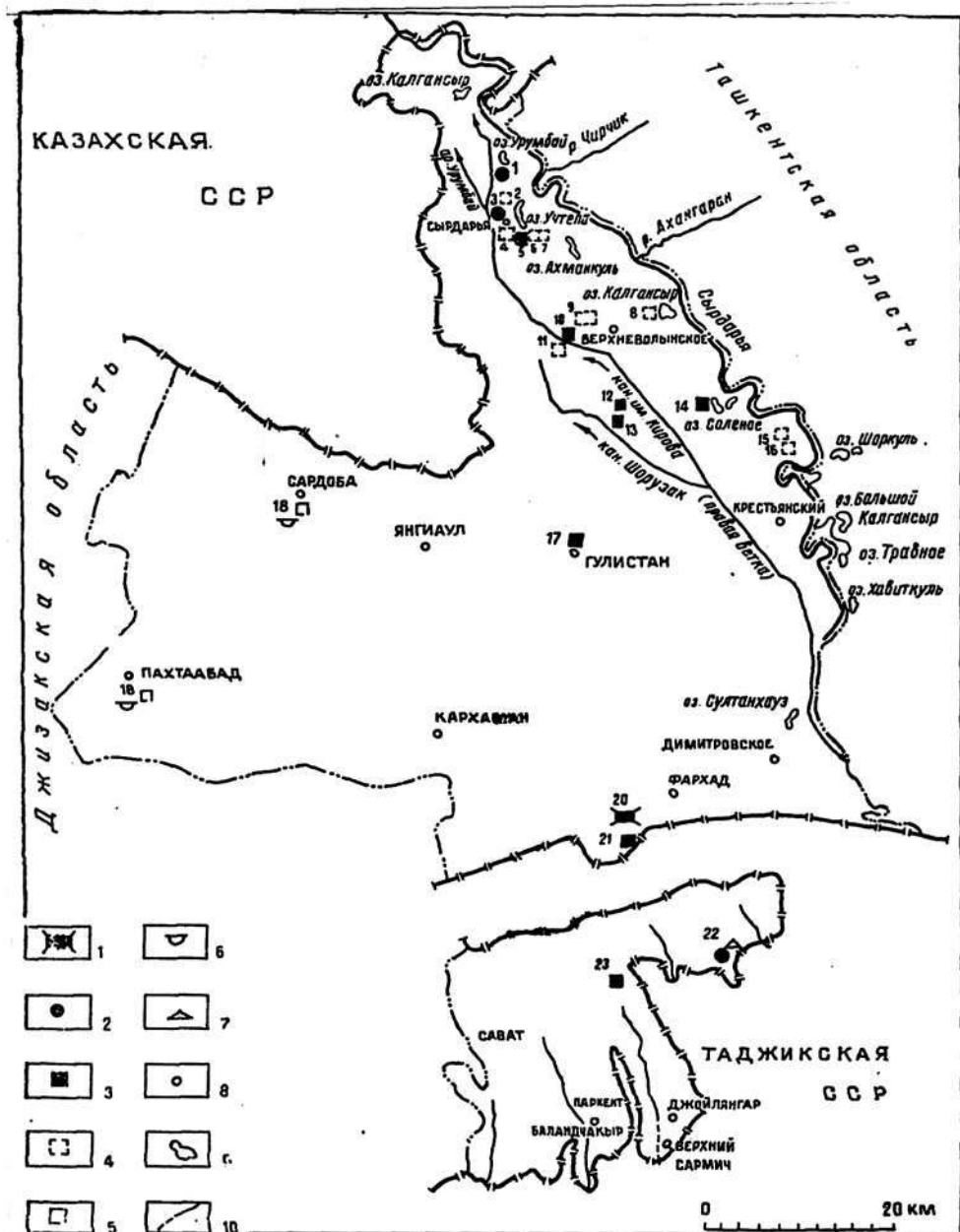

Рис. 1. Археологические памятники северной части Сырдарьинской области.
Условные обозначения:

1 — городища укрепленные; 2 — поселения; 3 — тепе; 4 — следы археологического памятника; 5 — караван-сарай; 6 — сардоба; 7 — отдельные находки; 8 — центры районов; 9 — старцы Сырдарьи; 10 — сухое русло.

в пределах городской черты, а один — севернее райцентра Сыр-
даря. Приводим их описание в порядке с севера на юг.

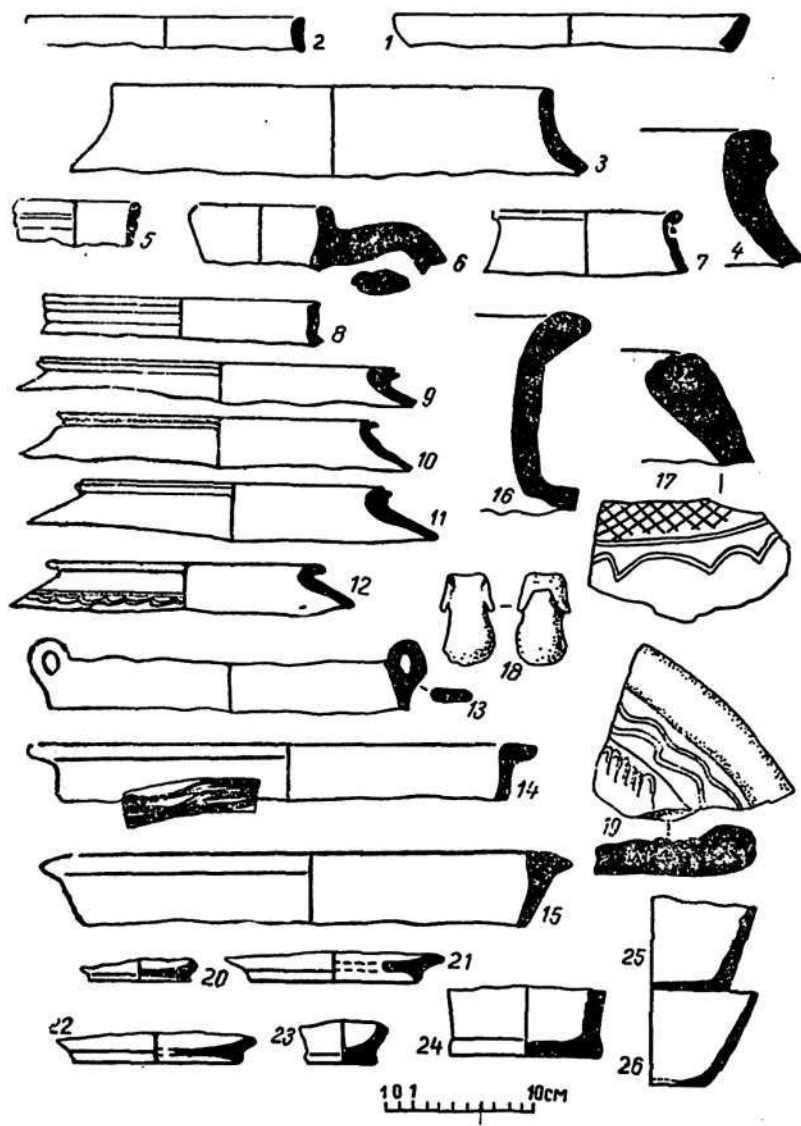

Рис. 2. Подъемная керамика:

1 — Каттакызтепе; 2—4 — Кургантепе; 5 — 26 — Нурата.

1. Каттакызтепе. Находится на землях колхоза им. В. И. Ле-
нина, в 3 км к северу от Большого Узбекского тракта. Эта мест-
ность известна также под названием «Богара». Поселение пред-
ставляет собой возвышенность неправильной формы с цитаделью

в северной части. Последняя — подовальная в плане, размерами 40×48 м. Укреплена стеной с семью небольшими башнями (?). В северной части высота стены 5,5 м, в южной — 3 м. С юга и востока к цитадели примыкает площадь, границы которой не поддаются определению. Подъемный материал представлен фрагментами жженого средневекового кирпича.

2. Пучуктепе. Располагается на северной окраине г. Сырдарья, возле головного стана 1-ой бригады колхоза им. В. И. Ленина. От памятника сохранилось лишь основание высотой 3 м. В плане он имеет овальную форму (75×53 м), ориентирован по линии север — юг. По сообщениям очевидцев, при сносе тепе в изобилии попадались неполивная керамика и бусы. В начале века отмечен В. Ф. Караваевым под названием Пчук-тюбе⁴.

3. Кургантепе. Находится в пределах райцентра Сырдарья, где занято под действующее кладбище. Имеет подпрямоугольную в плане форму размерами 97×74 м, высотой до 3 м. В северо-восточном углу имеется подквадратная цитадель, занимающая около четверти площади поселения. Размеры ее — 45×40 м, высота 10 м. На поверхности поселения изредка попадаются фрагменты неполивной керамики, по-видимому, раннесредневековой.

4. Тепе на территории Сырдарьинской МТС, полностью уничтоженное. По свидетельству видевших его, памятник имел большие размеры и был двухъярусным. Вероятно, именно этот объект отмечен В. Ф. Караваевым как Дурткуль⁵.

5, 6, 7. Учтепе. Группа из трех тепе на территории Сырдарьинской туберкулезной больницы. Первое сохранилось несколько лучше прочих. В плане имеет овальную форму (39×20 м), ориентировано по линии юго-запад — северо-восток. Высота 7 м. От второго тепе остался небольшой круглый в плане холмик диаметром около 20 м, высотой до 2 м. Третий бугор снесен, видимо, еще в конце XIX в., так как на карте В. Ф. Караваева под названием Уч-тюбе обозначено уже только два объекта⁶.

На территории Ворошиловского района обнаружено девять объектов, из которых неплохо сохранилось только пять.

8. Неопределенная площадь на берегу оз. Калгансыр возле перекрестка главнопойменного канала. Местные жители неоднократно находили здесь обломки глазурованной посуды, фрагменты железных изделий, жженные кирпичи-маломерки. Возможно, на этом месте когда-то существовало поселение, но не исключено, что указанные находки попали сюда вследствие размыва водами Сырдарьи городища Шахрухия (Бенакет), от которого на правом берегу реки осталась лишь относительная малая часть⁷.

⁴ Караваев В. Ф. Голодная степь в ее прошлом и настоящем: Статистико-экономический очерк (по исследованию 1914 г.). Петроград, 1914. Карта.

⁵ Там же.

⁶ Караваев В. Ф. Голодная степь... Карта.

⁷ См.: Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975. С. 14, 15.

9. Нурата. Городище располагается на землях колхоза им. М. Горького близ одноименного селения. Впервые памятник отмечен В. Ф. Караваевым⁸, затем М. Е. Массоном, предположившим, что руины городища являются остатками средневекового христианского селения Винкерд⁹. Сейчас городище практически уничтожено. Определяется лишь общая площадь, которая, судя по распространению подъемного материала, составляет более 7 га и имеет подтреугольную в плане форму. Западная часть объекта занята огородами, северная — кишлаком, южная — кладбищем. В восточной части В. А. Нильсен обследовал длинную подземную галерею, сооруженную из прямоугольного мелкоформатного жженого кирпича и служившую, видимо, для стока использованных вод¹⁰. В западной части городища стояло здание, что подтверждается обилием найденных здесь целых и битых жженных кирпичей (20×20×4 см; 25×25×5 см; 34×17×5 см). Попадают также трапециевидные кирпичи (25×24×15×4—5 см). Среди подъемного материала имеется караханидский фельс, битый в аш-Шаше в 394/1003—1004 гг. от имени ал-Хана ал-Адила¹¹.

10. Сарытепе. Располагается в 3 км к юго-западу от городища Нурата. Представляет собой подквадратный в плане бугор с незначительным повышением в северо-западной части. Размеры его — 70×77 м, высота 9 м. В западной части тепе, видимо, был пандус, так как здесь имеется понижение высоты до 4 м. Отмечен В. Ф. Караваевым как Сары-Тюбе¹².

11. В 300 м к югу от Сарытепе существовало, по рассказам местных жителей, небольшое тепе, которое впоследствии было распахано. В настоящее время никаких следов от памятника не осталось.

12. Читтытепе. Находится на землях 3-го отделения совхоза «Социализм». Представляет собой сложнопрофилированный бугор подквадратной в плане формы размерами 66×63 м. В северо-западном и юго-восточном углах имеются возвышения (до 3 м и 5,5 м). В центре располагается округлый в плане холм диаметром 36 м, высотой 6 м.

13. Киндыктепе. Стоит в 1,5 км к югу от Читтытепе на территории 2-го отделения совхоза «Социализм». Памятник — овальный в плане, ориентирован по линии северо-запад — юго-восток. Состоит из двух холмов. Меньший, северо-западный, занимает треть площади тепе. Его высота 3 м. Ядром объекта является юго-восточный холм, составляющий две трети площади тепе. Высота его — 4 м.

⁸ Караваев В. Ф. Голодная степь... С. 34.

⁹ Массон М. Е. Проблема изучения цистерн-сардоба//Материалы Узком-старса. Вып. 8. Ташкент, 1935. С. 18.

¹⁰ Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966. С. 213.

¹¹ Определение Б. Д. Кочнева.

¹² Караваев В. Ф. Голодная степь... Карта.

— Два последних памятника взаимосвязаны не только территориально, но и по своему функциональному назначению, что подтверждается единством принципа их планировки. Видимо, подобное сходство объектов послужило для Х. Мухамедова основанием, чтобы включить оба памятника в единую систему оборонительных стен для защиты от набега кочевников. В конце 50-х гг. Х. Мухамедовым была обследована «стена», которая проходила от оз. Калгансыр до г. Гулистан. Ссылаясь на Е. Т. Смирнова, автор говорит о том, что стена Жилон Бузган (Кампырдувал) тянется через всю Голодную степь до Джизака¹³. Однако имеющиеся археологические данные и результаты опроса населения опровергают существование подобной стены на территории Сырдарьинской области. Критически относился к сообщениям о Кампырдувале и Е. Т. Смирнов: «...из рассказчиков никто не видал вала за рекою, не видал его и я, хотя хорошо знаю местность левого берега Сыра против сел. Джалдамы верст на 8 в глубину Голодной степи»¹⁴. Археологические работы, проведенные в 1978 г. на правом берегу Сырдарьи, показали, что «валы» Х. Мухамедова — естественные всхолмления¹⁵.

14. Безымянное тепе. Находится на землях 3-го отделения совхоза «Гулистан», восточнее автодороги Верхневольтинское — Крестьянский. В плане тепе — подпрямоугольное, размерами 55×42 м, высота 5 м. Ориентировано по линии восток — запад.

15, 16. Караван-сарай Мурза-Рабат и курган Даны-Керек. Располагались в урочище Мурзатугай возле пос. Обетованный в версте от берега Сырдарьи и уже в 1869 г. были сильно разрушены. По данным Г. А. Аминова, караван-сарай был возведен в XVI в. из отличного жженого кирпича, имел сводчатое перекрытие и состоял из 25 комнат. Вокруг Мурза-Рабата сохранились остатки глиняной стены¹⁶. В 1914 г. от памятника не осталось почти никаких следов, так как он был разобран на кирпич окрестными жителями¹⁷.

М. Е. Массон предполагал, что в урочище Мурзатугай осуществлялась переправа через Сырдарью на южном пути из Хаваса в Бенакет¹⁸. Однако несмотря на правомерность этого предположения, нам трудно говорить точно о существовании Мурза-Рабата в домонгольский период.

---

¹³ Мухамедов Х. Из истории древних оборонительных сооружений в Узбекистане//Научные работы и сообщения Отделения общественных наук АН УзССР. Ташкент, 1961. С. 245—247. Рис. 3 на с. 246.

¹⁴ Смирнов Е. Т. Древности в окрестностях г. Ташкента//ПТКЛА. Т. 1. Ташкент, 1896. С. 22.

¹⁵ Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 142.

¹⁶ Аминов Г. А. Джизако-Чиназская Голодная степь и памятники бывшей в ней оседлости//Туркестанские ведомости. 1873. № 27. С. 107.

¹⁷ Караваев В. Ф. Голодная степь... С. 19.

¹⁸ Массон М. Е. Проблема изучения цистерн-сардоба. С. 17.

В заключение следует отметить, что все без исключения вышеперечисленные памятники левобережья Сырдарьи так или иначе связаны с транзитными путями, пролежавшими через Голодную степь. Последующее их исследование позволит получить дополнительные данные о караванных дорогах, объединявших в прошлом многие области Мавераннахра в единый социально-экономический узел.

Д. К. МИРЗААХМЕДОВ

МЕЧЕТЬ МАГОКИ-КУРПА В БУХАРЕ

Бухара является одним из наиболее древних и известных историко-культурных центров, включенных ныне в число городов-заповедников. Наличие большого количества архитектурных памятников последнего тысячелетия, как ни в каком другом городе, раскрывает динамику развития архитектуры и социально-экономической истории региона в целом. Способствует этому сохранение не только уникальных памятников, но и большого количества менее известных, которые дополняют или по-новому освещают отдельные этапы ее истории.

Одним из таких объектов, исследования на котором проводились в 1971 г. по линии Ташкентской специальной научно-реставрационной мастерской, является мечеть Магоки-Курпа¹. Она расположена на северной границе южного рабада и ориентирована по направлению стен шахристана, выходя порталом (через дорогу) к западному арочному проходу Токи-Тильпак-фурушон (купол продавцов головных уборов).

От двухэтажной мечети над современной поверхностью выступает лишь второй и часть первого этажа с небольшими световыми проемами на месте заложенных кирпичом окон². Большая же часть первого этажа на глубину более четырех метров уходит под культурные городские наслоения и имеет столбово-арочный интерьер, поэтому отдельные исследователи высказывали сомнения в том, что мечеть построена в XVII в., и предполагали, что в ее основе лежит более древнее общественное сооружение³. При этом принималось во внимание наличие стоящей рядом мечети Магоки-Аттари, которая тоже носила полуподземный характер,

¹ Мечеть получила название от расположения в яме (магок) и примыкания к ней торговых рядов по продаже ватных одеял (курпа) См.: Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 193.

² По этнографическим данным, верхний этаж служил летней мечетью, нижний — зимней. См.: Сухарева О. А. Квартальная община... С. 193.

³ Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936. С. 78; Засыпкина Б. Н. Краткие сведения о мечети Магоки-Курпа в Бухаре (1636—1637). ЦГА УзССР. Личный архив Засыпкина Б. Н. Р-2406. Оп. 1, Ед. хр. 246. Л. 1.

имела перекрытие на столбах, более раннюю датировку основы и последующую перестройку в XVI в.⁴

В процессе археологического выяснения вопросов историко-архитектурного характера мы предполагали продолжить работу дальнейшими исследованиями вплоть до материка и определить стратиграфию и историческую топографию города на данной территории. Так как на северной и восточной (фасадной) частях здания проходит одна из центральных транспортных магистралей города, а западная вплотную застроена, мы заложили шурф у южной стены мечети, вдоль третьего оконного проема (размеры 3,5×2 м).

Отсчет ярусов начат с верхней балки оконного проема, возвышавшейся от дневной поверхности на 1,25 м. Оставшаяся часть третьего яруса (рис. 1) состояла из нисходящих от стен мечети на юг (для лучшего стока осадков) асфальтового покрытия и прослойки из битых кирпичей и щебня между ними. В четвертом ярусе лежала твердая, утрамбованная земля с многочисленными обломками кирпича, ганча, ганчевой крошки и незначительными зольными прослойками у стен мечети. В слое было найдено большое количество фрагментов фарфора и керамики, преимущественно относящихся ко второй и третьей четвертям XX в. К концу яруса к мечети примыкала выстилка из кирпича русского образца (25×12×5 см) и квадратного местного (24×24×3,5 см). Под выстилкой, датируемой материалами комплекса первой четвертью XX в., находился рыхлый слой со строительными остатками из обломков кирпича, ганча, извести и ганчевой крошки, а к концу яруса — прослойка из кирпичного боя и крошки красноватого цвета. В юго-восточной угловой части шурфа выявлены остатки фундамента какого-то сооружения, выбранные при строительстве выстилки. Сохранившись на высоту нескольких рядов кирпича (24—25×24—25×3,5, реже — 25×12×5 см), одной стороной он, видимо, примыкал под углом к стенам мечети, другой — отходил в юго-западном направлении (рис. 1). Возможно, это упоминаемое О. А. Сухаревой помещение для омовения⁵.

Слой яруса под выстилкой начала XX в. состоял, в основном, из включений большого количества фрагментов русского фарфора, фаянса, стекла и глазурованной керамики. Фарфор и фаянс представлены в основном изделиями заводов Гарднера и Кузнецова. Орнаментация состояла из растительно-цветочных композиций, основанных на местных мотивах, которые использовались русскими промышленниками применительно к местному рынку. По большей части это дешевые фаянсовые изделия с печатным рисунком в виде широко распространенных композиций из виноградных листьев по бортику. Фрагменты более дорогого фарфо-

⁴ Шишкин В. А. Археологические работы в мечети Магоки-Аттари в Бухаре // Труды Института истории и археологии. Вып. 7. 1955. С. 31.

⁵ Сухарева О. А. Квартальная община... С. 193.

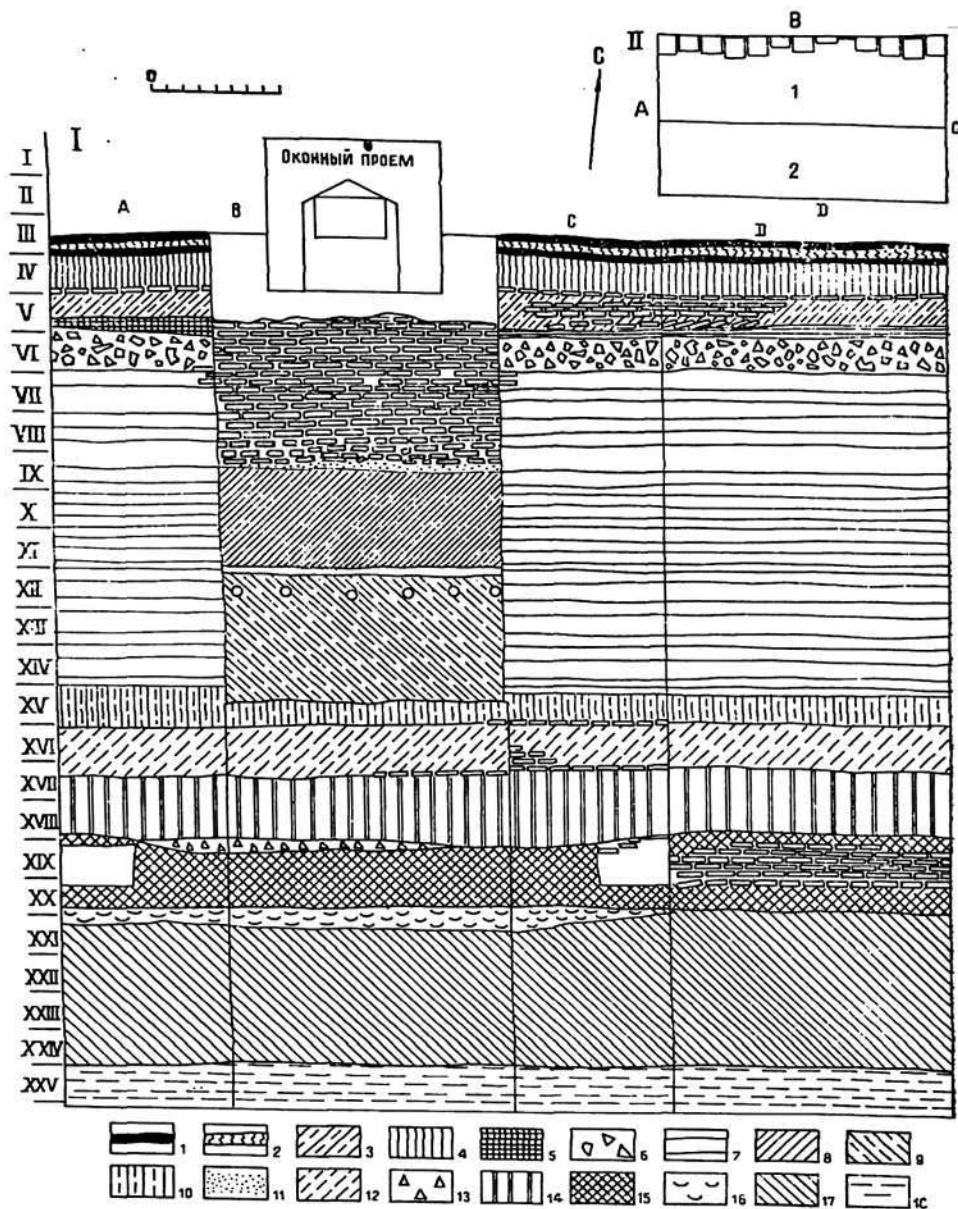

Рис. 1. I. План и развётка шурфа № 1:

1 — асфальтовое покрытие; 2 — прослойка из битых кирпичей и щебня; 3 — рыхлая земля со строительными остатками; 4 — плотная земля со строительными остатками; 5 — кирпичный бой красноватого цвета; 6 — строительные остатки от разрушения мечети; 7 — трамбовочно-заливочные земляные прослойки; 8 — второй этап строительных фундаментов; 9 — первый этап строительных фундаментов; 10 — культурные слои, второй пол, XVIII в.; 11 — кырово-глинистые прослойки; 12 — горелая земля из слоя начала XIII в.; 13 — слой строительных остатков и керамики; 14 — земля темного цвета; 15 — горелая земля красноватого цвета; 16 — слой битых кирпичей и керамики; 17 — серовато-зеленая болотистая земля; 18 — грунтовые воды; II. 1 — выступ от выкладки времени строительства мечети; 2 — фундамент монументального сооружения XI в.

ра с росписью золотом, встречавшиеся среди материалов Бухарского Арка, здесь редки.

Глазурованная керамика напоминает находки предыдущего яруса, представлена в основном фрагментами сосудов, орнаментация которых состоит из широко распространенных на бухарской керамике этого периода полив ярко-желтого и различных оттенков зеленого цвета с потеками.

Аналоги вышеперечисленных находок широко известны в литературе, они датируют слой V яруса второй половиной XIX — началом XX в.

С северной стороны шурфа на стенах мечети до конца V яруса сохранилась ганчевая штукатурка, ниже которой идет ровная кладка из кирпича (26—27×26—27×5 см) на ганчевом растворе.

Шестой ярус охватывает нижнюю часть стены здания и сохранившуюся на ширину одного-полтора рядов кирпича выстилку. Слой яруса в основном состоит из мелких обломков кирпича, штукатурки и ганчевой крошки, образовавшихся в результате разрушения памятника⁶. Керамика слоя представлена фрагментарно, причем основную группу составляют неполивные образцы. Как неполиванная, так и глазурованная керамика — очень низкого качества. В большинстве это фрагменты чаш и блюд с синей подглазурной орнаментацией по белому фону. Донца кольцевые, в основной массе выполненные грубо. Меньшую группу составляют изделия с коричневой, голубой и черной росписью по белому фону. Донца — кольцевые и дисковидные. Орнаментация как первой, так и второй группы керамики из-за слоя ирризации просматривается с трудом и состоит в основном из небрежно выполненных растительных мотивов, причем на отдельных образцах встречается «басма». К этому же слою относятся девять фрагментов темно-синих мозаичных изразцов и один фрагмент майолики с темно-синим и голубым орнаментом по белому фону, возможно, имевшие отношение к декоративному убранству фасада мечети.

Пять фельсов, три из которых были найдены в кирпичном бое и два — на уровне выстилки, сохранились плохо, условно могут быть отнесены к XVII—XIX вв. Более точной датировки слоя они, к сожалению, не дали⁷.

Судя по значительным строительным остаткам (от разрушения, прослеживающегося с конца V яруса), здание мечети долгое время находилось без присмотра.

Наличие сильно фрагментированной керамики низкого качества с толстым слоем ирризации, переход донец от кольцевых к дисковидным, небрежность росписи и появление мотива «басма»

⁶ Судя по фрагментам керамики, конец V яруса (с кирпичного боя) и весь VI ярус, видимо, относятся к одному периоду.

⁷ Здесь и далее все нумизматические материалы определены Б. Д. Кочевым.

дают возможность предположить, что слой конца V и VI ярусов относится к кризисному в истории Средней Азии периоду: вторая половина XVII — первая половина XVIII в. Данные литературы, относящие время возведения второго этажа мечети к первой половине XVII в.⁸, и слои разрушения, располагающиеся непосредственно над выстилкой, в совокупности с данными стратиграфии не противоречат такой датировке. К этому же периоду относится выборка выстилки, от которой сохранилась лишь небольшая часть благодаря двум нижним рядам кирпича, прочно вделанным в кладку стены. Необходимо отметить, что уровень пола первого этажа мечети оказался на 2,35 м ниже уровня внешней выстилки. Предположение, что последняя является более поздней и не соответствует времени строительства мечети, опровергается тем, что под ней лежит неровная кладка из обломков кирпича (27—28×27—28×5 см) и рваных известняковых камней на ганчевом растворе.

Под выстилкой с VII до конца XIV яруса земля представляет собой довольно плотную однородную массу, разделяющуюся на 24 трамбовочно-заливочных слоя. Подобные слои земли, имеющие различную толщину и последовательно заливавшиеся водой, часто встречаются на уровне и под фундаментами крупных архитектурных сооружений в Бухаре или ее округе⁹. Они служили созданию мощной уплотненной подушки для предотвращения деформации и осадки фундаментов. Аналогичный строительный прием, видимо, был широко известен и за пределами Бухары, так как зафиксирован при археологических исследованиях фундаментов мавзолея Гур-Эмир в Самарканде¹⁰, на каршинском Намазгохе XVI в.¹¹, а также в более близких по времени этнографических параллелях — в жилой архитектуре¹².

В начале IX яруса неровная кирпичная кладка стен фундамента переходит в пяти-десятисантиметровую прослойку из кырового раствора и жирной глины, затем фундамент мечети, выложенный тем же кирпичом (27—28×27—28×5 см), продолжается до конца XI яруса, но уже связанный и покрытый двух-трехсантиметровым слоем кыра. На рубеже XI и XII ярусов пяти-десятисантиметровая кырово-глинистая прослойка в кладке стены

⁸ Шишкин В. А. Архитектурные памятники... С. 78.

⁹ Глиняные заливки мощностью 60 см были зафиксированы в котловане под фундаментами мавзолея Араб-Ата в селении Тим у Нуратинских гор. См.: Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-Ата. Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1963. С. 13.

¹⁰ Массон М. Е. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях Гур-Эмир и Ак-сарай в Самарканде в 1924 г. // Известия Средазкомстариса. Вып. 1. Ташкент, 1926. С. 100.

¹¹ Кочнев Б. Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. Ташкент, 1976. С. 49.

¹² Воронина В. Л. Узбекское народное жилище // Советская этнография. 1949. № 2. С. 65.

вновь повторяется, затем фундамент мечети, покрытый кыровой обмазкой, вновь продолжается до середины XV яруса. Здесь в нижней части он выложен из небольших рваных известняковых камней, также обмазанных кыровым раствором.

Даже при визуальном наблюдении становится ясно, что кладка фундамента мечети с выстилки (уровня дневной поверхности строительства сооружения) четко делится на три этапа. Они разграничены кырово-глинистыми прослойками и на первых двух этапах (начиная с основания) связаны и покрыты также кыровым раствором.

На третьем этапе кладки (высота 1,14 м), располагавшемся у дневной поверхности, учитывая меньшую влажность, использовали обычный раствор ганча, без поверхностной обмазки кыром. Подобные строительные приемы по защите фундаментов зданий от длительного воздействия солей и влаги являлись характерными для бухарской школы зодчества, так как здесь наличие болотистой почвы, высокого уровня грунтовых вод и их засоленность ставили эту проблему наиболее остро. В нижних конструкциях здания видна не только связка кирпичей и их поверхностная обмазка гидроизоляционным кыровым раствором, но и пяти-десятисантиметровая кырово-глинистая прослойка с целью изоляции верхних строительных конструкций от нижних¹³.

На уровне XII яруса в тело фундамента мечети уходили шесть сгнивших деревянных балок, установленных для стягивания нижних конструкций здания и служивших для защиты от сейсмических колебаний и неравномерной осадки. Балки располагались на 0,4 м ниже пола в интерьере мечети, были обмазаны кыровым раствором и имели толщину 0,15—0,22 м.

Найденный на уровне фундамента (VII — середина XV яруса) разнообразный керамический и нумизматический материал оказался смешанным, датируется в первом случае X—XVII вв., а во втором — XII—XVII вв., что объясняется расположением шурфа на месте засыпки и заливки котлована для фундамента мечети. Учитывая, что наиболее поздний керамический материал (из слоя засыпки) под выстилкой предварительно отнесен к XVII в., датировка возведения второго этапа мечети — 1637—1638 гг.¹⁴ — может быть взята за основу, в пределах которой построена и нижняя часть здания.

В числе находок — большое количество металлических криц, фрагментов стенок гончарных печей с потеками глазури и архитектурного декора. Это свидетельствует о том, что район являлся ремесленно-промышленным рабадом города, а также о том, что значительное количество архитектурных сооружений Бухары пе-

¹³ Прокладка между двумя этапами строительства фундаментов из вязких, жирных глин, возможно, практиковалась не только с целью гидроизоляции, но и поглощения сейсмических волн.

¹⁴ Шишкин В. А. Архитектурные памятники. С. 78.

риода развитого средневековья не сохранилось до настоящего времени.

С середины XV яруса лежат непо тревоженные культурные слои под фундаментом мечети. К концу яруса выявлены остатки двух помещений, расположенных по направлению восток — запад. Они разделялись небольшой кирпичной перегородкой с перепадом в уровне полов на 14 см и, видимо, принадлежали разным хозяевам, так как в каждом имеется по ташнау. Полы, выложенные из кирпича и его обломков ($23 \times 23 \times 3$; $20 \times 20 \times 2,5$; $32 \times 32 \times 3$ см), были по большей части выбраны и имели наклон к сливной яме. Ниже полов в обеих ташнау были установлены перевернутые хумы, причем в восточном помещении они сохранились от более раннего периода и использовались вторично после поднятия уровня кирпичами ($32 \times 32 \times 3$ см), поставленными ребром. На полах обоих помещений валялись обломки кирпича, битой поливной и неполивной керамики — следы сильного разрушения. Под полом найдена монета, которая из-за плохой сохранности не может быть определена точно и отнесена приблизительно ко второй — третьей четвертям XIII в. Керамический материал, следы разрушения и находка монеты позволяют отнести вскрытые помещения ко времени Хулагуидского нашествия (1273 г.).

На протяжении XVI и в начале XVII яруса лежат горелые слои земли со следами сильных разрушений. В восточной части шурфа на начало XVII яруса приходятся остатки полов, выложенных кирпичом (размерами $21 \times 21 \times 3$; $23 \times 23 \times 3$; $32 \times 32 \times 3$; $56 \times 56 \times 3,5$) и стены (размеры кирпича — $21 \times 21 \times 2,5$ —3 см), сохранившейся на высоту 28 см. Фрагменты кашина, керамики с голубой глазурью и выступающим на внешней поверхности красным ангобом и караханидская монета (1170—1180 гг.) из восточного ташнау датируют слой концом XII — началом XIII в., а следы разрушений и пожара, видимо, приходятся на время монгольского нашествия (1220 г.). В слое также было найдено несколько криц, обломки стенок стекольных печей, фрагменты бракованной посуды — после монгольского разгрома эти помещения были заброшены и какое-то время служили свалкой.

Культурный слой темного цвета под помещением начала XIII в. включал большое количество строительных остатков: обломки кирпича, многослойной ганчевой штукатурки, отдельные экземпляры которой окрашены в красный цвет, фрагменты резной облицовочной терракоты, покрытой голубой поливой, и два больших куса ганча, видимо, упавших со свода.

Остатки этого сооружения — ориентированная по направлению восток — запад мощная стена из жженого кирпича ($23 \times 23 \times 3$; 27 — 28×27 — 28×3 см) на глинистом растворе — выявлены с конца XVIII яруса. Неполная ширина стены в южной части шурфа составляла 0,9 м. Стена сохранилась на высоту 0,5—0,7 м. Поверху она была аккуратно выложена из цельных кирпичей, в ниж-

ней же части шла неровная кладка из обломков: до нашего времени сохранился фундамент и, возможно, часть цоколя. В северо-западной части шурфа, на верхнем уровне остатков здания, лежала небольшая прослойка (0,15 м) из обломков кирпичей и керамики. С конца XVIII яруса на уровне и под фундаментами — мощные горелые слои земли красноватого цвета, наличие кото-

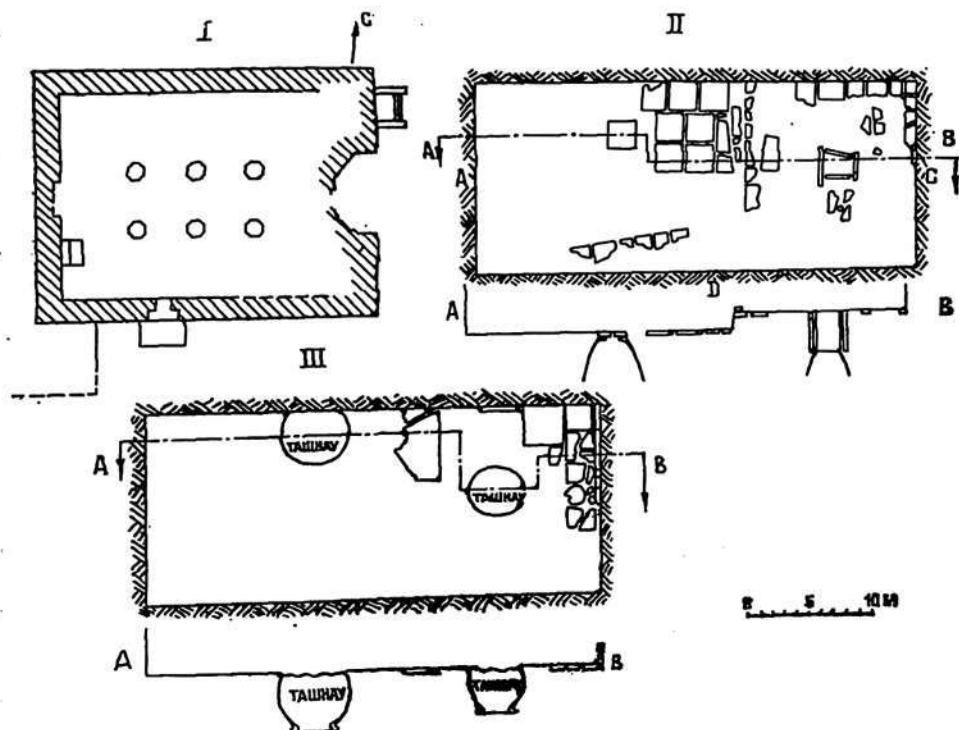

Рис. 2. Планы и разрезы помещений:

I — схематический план первого этажа мечети; II — шурф 1. План и разрез двух помещений второй половины XVIII в.; III — шурф 1. План и разрез помещений времени монгольского нашествия (1220 г.)

рых указывает на то, что здание погибло при сильном пожаре, а затем до фундамента было разобрано на кирпичи. Керамический материал из слоев (с середины XVII до середины XX яруса), непосредственно относящихся к остаткам этого сооружения, датируется в пределах XI — середины XII в. Толщина стены, многослойность штукатурки и находки крупных кусков ганча, некогда составлявших детали оформления интерьера здания, позволяют предположить, что это было монументальное архитектурное сооружение, а резная облицовочная терракота с голубой поливой и фельс династии караханидов из слоя XVIII яруса (Арслан-илек, Бухара, 1026—1027 гг.) указывают на вероятное время его возведения в первой половине XI в.

В конце XX — начале XXI яруса располагался двадцати-тридцатитрехсантиметровый слой из битых кирпичей и окатанных мелких фрагментов керамики конца IX—X вв. Слой постепенно сужался и заканчивался к восточной стене шурфа. Под ним лежали незначительные прослойки темной земли с черными прожилками, а в северо-восточной части шурфа с небольшим расстоянием — тонкий слой песка табачного цвета. Далее на протяжении нескольких ярусов — очень влажная земля серовато-зеленого цвета.

Археологические находки очень редки, состоят из фрагментов толстостенных сосудов, обломков кирпича и крицы. Под собственной тяжестью они, видимо, опустились из верхнего культурного горизонта X в. На уровне XXIII яруса работы в шурфе из-за поднятия грунтовых вод пришлось прекратить.

Наличие небольшой песчаной прослойки в восточной части шурфа и скоплений сильно фрагментированных окатанных керамических материалов на болотистых отложениях свидетельствует о том, что еще в X в. данная территория представляла собой заболоченную низину, по всей видимости, примыкавшую к речной магистрали, опоясывавшей южную стену шахристана.

С целью контроля данных внешнего шурфа, определения устройства и состояния фундамента, внутри мечети у западной стены (между михрабной нишей и южной стеной) был заложен второй шурф (размерами 2×1,7 м).

Как уже отмечалось, уровень пола мечети располагался на 2,35 м ниже уровня дневной поверхности времени строительства и на 5,30 м — верхней балки оконного проема, принятой за нулевую отметку.

Пол мечети, аккуратно выложенный кирпичами (25×25×5 см), связанными ганчевым раствором, и уложенный для прочности на двух-трехсантиметровую глинистую подушку, приходился на вторую половину XI яруса. Под глинистым раствором в западной части шурфа был выявлен выступающий от уровня стены на 0,7 м, аккуратно обмазанный кыровым раствором фундамент мечети, а в его восточной части — слой в 0,34 м рыхлой земли коричневого цвета с редкими включениями фрагментов кирпича и ганчевой крошки. От середины XII до середины XV яруса (где завершался фундамент мечети) лежали девять трамбовочно-заливочных слоев. Выступающий фундамент мечети, как и во внешнем шурфе, сложен из цельного кирпича и его обломков (28×28×5 см) и — изредка — небольших рваных известняковых камней, связанных и покрытых двух-трехсантиметровым слоем кырового раствора. На уровне XII яруса, как и во внешнем шурфе, в тело фундамента уходит отверстие от сгнившей балки, а на уровне XIII и XIV ярусов — две тонкие (1—2 см) кырово-глинистые прослойки, которые, видимо, соответствовали трем этапам в строительстве фундамента.

Принцип строительства выступающих фундаментов объясняется распределением единицы нагрузки верхних конструкций на возможно большую единицу площади. Этот прием, применяемый обычно для защиты архитектурного сооружения от осадков и деформаций, был широко известен в средневековом строительном искусстве¹⁵ и также являлся характерным для Бухарской школы зодчества. В Бухаре, в отличие от других крупных историко-культурных центров, помехами при строительстве были не только многовековые культурные отложения разной плотности, но и специфичная для города болотистая почва. Естественно, при возведении двухэтажного здания мечети требовался дополнительный запас прочности фундамента.

Керамический материал на уровне фундамента из трамбовочно-заливочных слоев также оказался смешанным. Земля заливочных слоев коричневого цвета в середине XIV яруса за счет засыпки почвы другой структуры приобрела красноватый оттенок (рис. 3).

Под фундаментом мечети с середины XV яруса лежал плотный слой земли серого цвета с включениями обломков кирпича и керамики XIII в. Слой продолжался вплоть до XVI яруса, где под пятисантиметровой прослойкой коричневатой земли располагалась выстилка (30×30×4,5; 32×32×5 см), соответствующая по уровню и времени (вторая половина XIII в.) выстилке внешнего шурфа. Кирпичи выстилки для удобства связки ганчевым раствором имеют косые срезы на ребрах и выложены с небольшим наклоном к западу, где располагалось ташнау. Среди находок выделялись большие куски стекла, видимо, полуфабрикаты стекольного производства; целый, богато орнаментированный котел из талькохлорита; фрагменты голубых мозаичных изразцов и майолики.

На 10—12 см ниже выстилки находился первоначальный уровень пола, сохранившийся значительно хуже. Размеры кирпичей те же. К этому же периоду относилась находящаяся в северо-западном углу яма (диаметр 0,9 м).

В конце XVI—XVII ярусе были вскрыты остатки фундаментов сооружения, ориентированного по линии восток — запад (размеры кирпича 23×23×3, глинистый раствор), частично выбранного при устройстве спускавшегося сверху ташнау. Лицевая его сторона (северная) была выложена из целого кирпича, а внутренняя, уходящая за пределы южной стены шурфа, — из обломков. Сохраняющаяся высота — 0,32 м, ширина (в пределах шурфа) 1 м (рис. 3). Керамический материал слоя незначителен, представлен поливными изделиями XI—XII вв. Фундамент сооружения, видимо, датируется XII — началом XIII в., так как соответствует уровню полов начала XIII в. во внешнем шурфе.

¹⁵ Воронин Л. Н. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии. Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. Вып. 1. Ташкент: Изд. Академии архитектуры СССР, 1950. С. 19.

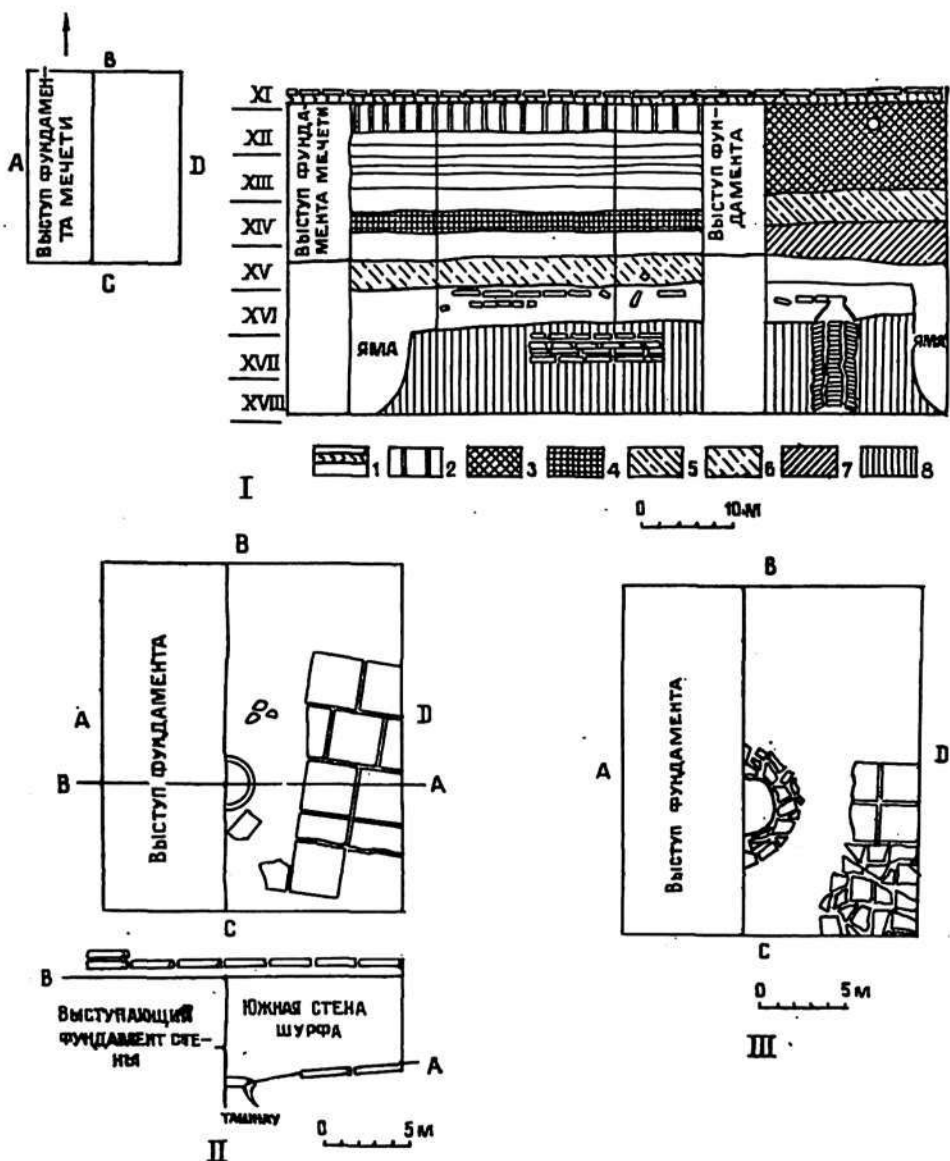

Рис. 3. Развертка и планы помещений шурфа № 2.

I. 1 — глинистая прослойка; 2 — рыхлая наносная земля коричневого цвета; 3 — третий этап строительства фундаментов; 4 — горелая земля красноватого цвета; 5 — второй этап в строительстве фундаментов; 6 — земля серого цвета; 7 — третий этап в строительстве фундаментов; 8 — рыхлые горелые слои красноватого цвета; II. План и разрез помещения второй половины VIII в.; III. Остатки фундамента здания XII в.

В XVIII ярусе лежали горелые слои с редкими включениями керамики, относящейся преимущественно к XI в. Сверху, от уровня второй половины XIII в., спускались яма и ташнау.

На этом уровне дальнейшие исследования были прекращены, так как стратиграфические данные по обоим шурфам полностью совпали.

На основе археологических исследований можно предположить, что место, занимаемое ныне мечетью Магоки-Курпа, в X в. представляло собой болотистую низину, где некогда, судя по данным источников¹⁶ и топографии местности, протекал один из крупных протоков Зарафшана, примыкая непосредственно к южным стенам шахристана. Но к XI столетию, видимо, были проведены осушительные работы и оставлен лишь ров, остатки которого существовали, по данным источников, и во второй половине XVI в.¹⁷

К этому периоду из-за чрезвычайной плотности и скупенности городской застройки здесь, несмотря на пониженный рельеф местности, начали строиться крупные архитектурные сооружения. Возведение монументальных сооружений в заболоченных низинах и местах протоков (мечеть и минарет Калян, медресе Мирн-Араб и Абул-Фейзхан), видимо, удешевляло стоимость земельной площади под ними и являлось характерным для Бухары исследуемого периода. На данной территории, являвшейся частью ремесленно-промышленного рабада, довольно часто встречаются промышленные остатки располагавшихся поблизости металлургических (X—XVI вв.), стекольных и керамических (XIII—XVI в.) производств. Судя по качеству керамических изделий, наличию большого количества предметов из стекла и металла, выявленных в помещениях, Бухара ко времени Хулагуидского нашествия (1273 г.) почти полностью оправилась от последствий взятия ее монголами. Культурные слои, располагавшиеся выше, были разрушены при строительстве фундамента мечети, однако наличие большого количества криц, найденных в этих слоях, полностью подтверждает высказанные ранее мнения о расположении вблизи мечети купола металлостов (Чахарсук-и Аханин)¹⁸ и ворот кучнецов¹⁹ (Ахангаран). Также мы считаем вполне допустимым мнение Г. А. Джураевой о тождественности нескольких названий для располагавшихся здесь ворот²⁰, идентификация которых, видимо, была связана, во-первых, с изменением их названий со временем, во-вторых, в соответствии их названия с располагавшими-

¹⁶ Наршахи М. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966. Б. 27.

¹⁷ Джураев Г. А. Новые данные о воротах шахристана Бухары (По материалам вакфных грамот)//ОНУ. 1983. № 11. С. 40.

¹⁸ Джураева Г. А. Указ. соч. С. 39—41.

¹⁹ Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958. С. 21.

²⁰ Джураева Г. А. Указ. соч. С. 41.

ся поблизости базаром или мастерскими кузнецов и, в третьих, с синонимичностью в названиях: купол кузнецов, ворота кузнецов и железные ворота.

Археологические исследования нижних частей мечети в первом шурфе на отметке 2,9 м выявили уровень дневной поверхности времени строительства. Точность этой отметки, во-первых, подтверждается наличием остатков вделанной в фактуру стены выстилки, во-вторых, аккуратно выложенной цокольной части здания над выстилкой и находящихся вне обозрения нижних конструкций, сделанных значительно хуже, и в-третьих, — идущих под выстилкой, на уровне фундамента, 24 заливочных слоев.

Выявление уровня дневной поверхности времени строительства мечети и привлечение данных керамических материалов в значительной степени прояснили и вопрос о времени ее строительства. Слой разрушений над выстилкой, относящийся к VI ярусу, на основе художественно-технических характеристик керамики датируется второй половиной XVII в. Наиболее поздний керамический материал из слоя под выстилкой относится к XVI — началу XVII в., что не противоречит дате возведения второго этажа (1636—1637 гг.), приведенной В. А. Шишкиным. Так как у нас нет оснований полагать, что второй этаж мечети был построен значительно позднее первого, то строительство последнего, исходя из данных археологических исследований, могло осуществляться в близких к этой дате пределах. К тому же явно заниженный уровень первого этажа мечети с самого начала предполагал строительство второго, который и должен был по уровню соответствовать окружающим постройкам этого периода. Свидетельство источников о возведении в 1636—1637 гг. второго этажа мечети лишь указывает на возможный перерыв в его строительстве, объясняющийся, видимо, экономическими причинами. Подтверждением приведенной выше даты строительства мечети также могут служить вакфные грамоты, относящиеся к данной территории и опубликованные Г. А. Джураевой в связи с конкретизацией названия располагавшихся здесь южных ворот шахристана. Автор отмечает, что в более ранней вакфнаме второй половины XVI в. мечеть Магоки-Курпа не упоминается, в то время как в вакфнаме 1656—1657 гг. она отмечена²¹.

Археологическое обследование нижних частей фундамента также показывает, что никаких более ранних архитектурных конструкций, на основе которых могли бы возводиться стены второго этажа, здесь не имеется.

Данные материалов обоих шурфов полностью подтверждают и показывают, что благодаря успешному решению строителями вопросов гидроизоляции и сейсмической защиты, фундаменты мечети сохранились до настоящего времени в прекрасном состоянии.

²¹ Там же. С. 42.

Более сложным является вопрос о причинах перепада в уровнях дневной поверхности времени строительства (2,9 м) и пола в интерьере мечети (5,3 м), достигающего 2,4 м. Так как в обоих шурфах более ранних архитектурных конструкций, лежащих в основе мечети, мы не обнаружили, понижение уровня мечети, по всей видимости, было предусмотрено строителями. Подобное решение может быть объяснено несколькими обстоятельствами.

Во-первых, исходя из топографии данной территории, являющейся низиной, строители еще более углубили ее²². В условиях ограниченности городской застройки это позволило построить вместо одноэтажного здания — двухэтажное.

Во-вторых, расположение первого этажа под землей в значительной степени сокращало расходы на его внешнее оформление. Это также являлось немаловажным фактором, так как ко времени строительства мечети Средняя Азия вступила в полосу социально-экономических трудностей и застоя, что привело и к ограничению субсидий на строительство²³.

В-третьих, целью строительства мечети полуподземного характера было и создание микроклимата внутри нее, что имело немаловажное значение в условиях резко континентального климата Бухары. Наглядным примером для строителей мечети Магоки-Курпа служила стоящая рядом мечеть Магоки-Аттари, которая к этому периоду уже на значительную высоту была перекрыта культурными слоями, имела полуподземный характер и в XVI в. была перестроена с устройством спускающегося сверху нового восточного входа.

Исследования мечети Магоки-Курпа показали, что хотя Средняя Азия к началу XVII в. вступила в полосу постепенного экономического и политического упадка, зодчество Бухары не только блестяще продолжало традиции предшествующих столетий, но и в новых условиях решало сложные задачи, связанные с сохранением масштабов строительства при все больших ограничениях субсидий.

Т. И. ЛЕБЕДЕВА

ТАГХОНА В ЦИТАДЕЛИ ТИМУРА

В ходе археологических работ, проведенных в 1983 г. на цитадели Тимура сотрудниками отряда Самаркандского рабада и его округа Института археологии АН УзССР под руководством Буряковой Э. Д., в северо-западной части цитадели обнаружен подвал. Он напоминает афрасиабские подземные помещения ку-

²²Слово «магок» в переводе с персидского обозначает «яма», «углубление», «ров».

²³ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965. С. 362.

польной формы¹, только в кирпичном варианте (рис. 1). Круглое в плане, вырубленное в материке и обложенное жженым кирпичом, оно имеет диаметр 5,57 м, высоту более 2,5 м. Толщина кирпичной кладки у основания — 1,04 м, к вершине купола постепенно уменьшается до ширины одного кирпича — 24 см. Основная масса кладки выполнена жженым кирпичом размерами

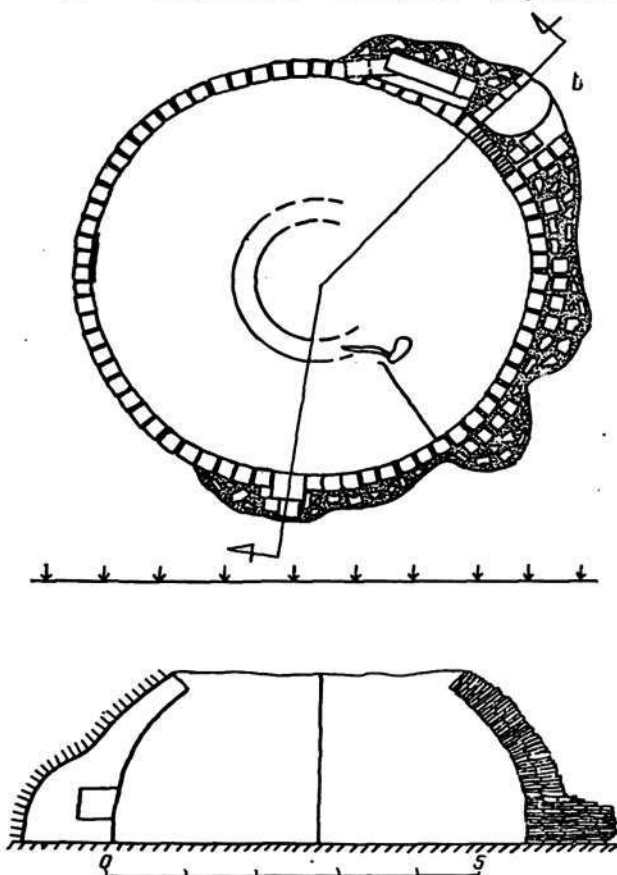

Рис. 1. План и разрез подвала с территории цитадели Тимура.

21,5—24×24×4 см, встречается и кирпич размерами 18—19×18—19×4 см. При строительстве подвала, видно, использовался сборный кирпич с более ранних, разрушенных зданий. Кирпичная кладка выложена на растворе из гача в смеси с мелкой кирпичной крошкой (красной и желтой), предохраняющем подвал от проникновения влаги. В нижней части стены неровности вырубки в лесе мастер выложил битым кирпичом на земляном растворе, затем уложил кирпич на ганчевом растворе, который использо-

¹ Лебедева Т. И. О самаркандских тагона//ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 136—146.

вался довольно экономно. Большая часть купольного помещения — неоштукатурена, и только в 278° от линии севера от пола на высоту сохранившейся кладки (90 см) осталась полоса ганчевой штукатурки шириной 79 см. Края ее аккуратно обработаны. Следовательно, это не кусок сохранившейся штукатурки всего помещения, а единственный оштукатуренный участок. Назначение полосы определить довольно трудно. В 190° от линии севера находилась небольшая ниша высотой 34 см, шириной 33 см и глубиной 38 см. Вход в помещение расположен в 50° к востоку от линии севера. Сохранилась лишь нижняя часть входа. В кладке стены, примыкающей с севера к входу, были обнаружены деревянные брусья, относившиеся к креплению входа. С южной стороны стена разрушена до нижней площадки входа, поэтому возможны два варианта его устройства: прямой ступенчатый сводчатый и полукругом огибающий купол с северной стороны — полуинтентобразный. Строительство подвала производилось в два этапа: в начале под землей было вырублено помещение полусферической формы в материковом лессе, затем оно изнутри было облицовано жженым кирпичом. Во время постройки помещения на месте входной части его была срублена нижняя часть опущенного сверху бадраба. Последний был недавно действующим, т. к. содержимое его разлилось внутри вырубленного в лессе купола, попав под основание стен и частично в само помещение. Чистить его строители не стали, а забросали керамикой XIX в. и засыпали золой и материковым лессом. Нижняя часть бадраба (30 см), находящаяся ниже уровня пола помещения, не была очищена; заполнение имело характерный зеленый цвет, остальная часть его до уровня входа была заполнена желтым материковым лессом и заложена жженым кирпичом (размерами $25 \times 25 \times 26$ — 26×5 см), пропитавшимся содержимым бадраба. Кирпичи сильно осели. Керамика, вынутая из бадраба, датируется второй половиной XVIII — первой половиной XIX в. При закладке бадраба кирпичами между ними была уложена керамика того же времени.

В помещении обнаружено 10 полов, один из них, строительный, относится к вырубке в лессе и девять — к периоду функционирования помещения. На строительном полу обнаружены две ямки от деревянных подпорок. На всех полах (кроме строительного) имеются отпечатки сгнившей травы, найдено большое количество семечек арбуза, тыквы, дыни и немного косточек винограда. В центре помещения — площадка диаметром 1,5—1,7 м, окаймленная небольшим валиком, предохранявшим арбузы и тыквы от скатывания к центру помещения. С этой площадки было удобно брать бахчевые из любой части хранилища. В южной части помещения от небольшой ниши к выходу полы от стены до валика опущены вниз на 15—20 см, образуя ступеньку, вдоль которой находился неглубокий сток (5—6 см) от валика к ямке диаметром 25 см, глубиной 30—40 см у ступеньки; ямка запол-

нена сгоревшим деревом и керамикой XIX в. На предпоследнем полу и в верхней части ямки найдены сложенные кучкой несколько косточек персиков и урюка; видны следы ремонта. В полах и над полами обнаружена керамика XIX в. К периоду заброса помещения относится слой над полами с керамикой XIX в. и большим количеством битого жженого кирпича (обвалившийся или пробитый купол?). Над ним — слой со сгнившим деревом, в горизонтальном разрезе представляющий перекрещивающиеся тон-

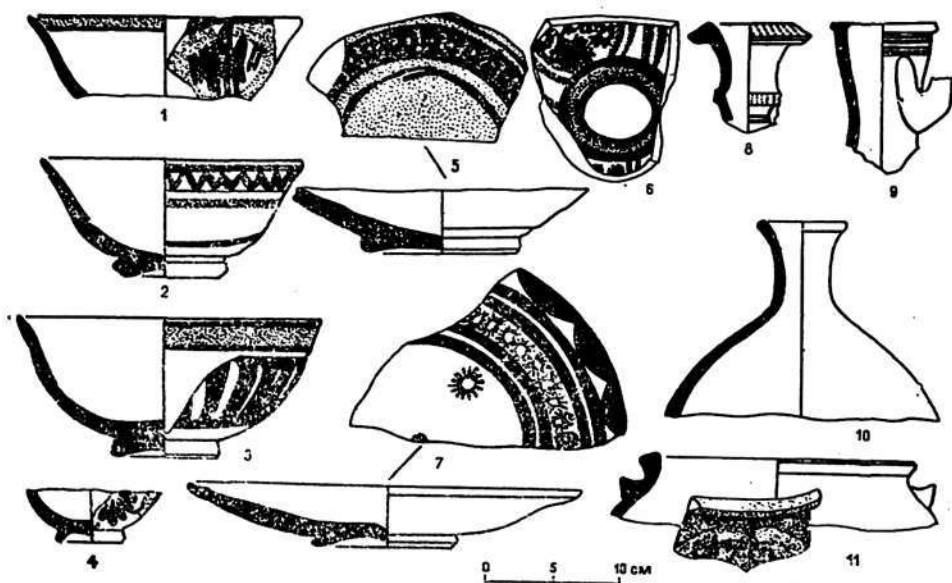

Рис. 2. Керамика XIX в. Самарканд, цитадель Тимура.

кие (диаметром 5—6 см) балки (каркас для подвешивания дынь и винограда?). Последующие слои относятся к периоду использования помещения в качестве мусорной ямы с большим количеством керамики XVIII—XIX вв., костей животных, облицовочных плиток с разрушавшихся построек цитадели Тимура и чередуются с прослойками обвалившегося свода (жженный кирпич с кусками раствора).

Керамика, найденная в период раскопок тагхона, относится к XIX в. Керамика из заполнения бадраба (рис. 2, 2, 3, 7) — поливная, белофонная, с геометрическим рисунком двух цветов — фиолетового и бирюзового на ляганах и тарелках в сочетании со штампованным орнаментом «басма» с внутренней стороны, на косах — орнамент обычно с наружной стороны линейного или арочного характера, полива — всегда по белому ангобу. Из неполивной керамики можно отметить узкогорлый кувшин (рис. 2, 8) светлого серовато-коричневого оттенка, с обеих сторон с точечно-вдавленным гребенчатым орнаментом по венчику и ободку, с дву-

мя прочерченно-вдавленными полосами под ободком. Из жаростойких сосудов в заполнении бадраба найден котел шаровидной формы с выступающим наружу венчиком, налепными ручками (рис. 2, 11) из теста с наполнителем из дробленого чупанатинского сланца. Идентичная керамика встречалась на всех раскопках (их 31) на цитадели Тимура, датируется она второй половиной XVIII—первой половиной XIX в.² Керамика из полов подвала и над полами (рис. 2, 1, 5, 6, 9, 10) одинакова по формам и орнаменту с керамикой из бадраба, но здесь преобладают фрагменты поливных ляганов и тарелок. Кроме того, здесь имеются фрагменты ляганов с коричневой поливой по процарапанному орнаменту, характерной для второй половины XIX в.³ В заполнении подвала также найден фрагмент пиалы риштанского типа самаркандского производства, полностью покрытый бирюзовой поливой по ярко-красному черепку (рис. 2, 4). Орнамент растительного характера (только с внешней стороны) — бледно-фиолетового и синего цветов. Этот фрагмент датируется второй половиной XIX в.⁴ Риштанского типа керамика XIX в. — на кольцевом поддоне, вся столовая посуда этого времени, найденная на цитадели Тимура, имеет дисковидный поддон.

Анализ материала, найденного в процессе раскопок, выявил следующую картину: данное помещение предназначалось для хранения бахчевых культур — арбузов, тыкв, дынь. В середине XIX в. здесь находился дом довольно зажиточного человека, возможно, торговца бахчевыми. Строился подвал наемными мастерами, довольно недобросовестно почистившими бадраб, забросавшими разлившееся содержимое бадраба керамикой и материковым лессом, в результате чего кладка в этой части подвала ложилась выше по сравнению с остальной частью его (в период раскопок на 24 см). Исследование керамики из заполнения бадраба дает возможность установить приблизительно время его использования — середина XIX в. Подвал функционировал небольшой промежуток времени.

Ежегодно после сбора урожая тыквы и арбузы укладывались на подстилку из травы; после продажи товара полусгнившая подстилка собиралась и здесь же сжигалась. Обуглившиеся остатки ее равномерно разгребались по полу, затем весь пол засыпался слоем желтого материкового лесса и утапывался. На 8—9 году существования, вероятно, во время сжигания подстилки, произошел пожар — сгорел каркас для подвешивания дынь. В подвале

² Мирзаахмедов Д. Глазурованная керамика Бухары втор. пол. XVIII—нач. XX в. // Краткие тезисы IV искусствоведческой научно-теоретической конференции молодых ученых (21—24 апреля 1981 г.). Ташкент, 1981. С. 139—141.

³ Он же. Из истории гончарного производства в Бухаре кон. XIX — нач. XX в. // Общественные науки в Узбекистане. 1980. № 10.

⁴ Мирзаахмедов Д., Ахраров И. Керамика риштанского типа из Бухары втор. пол. XIX в. // ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 115, 116.

произведен ремонт: поставлен новый каркас, на предпоследнем полу видны капли и крупинки ганча, использовавшегося при ремонте. Через год-два подвал был заброшен. Время заброса относится ко второй половине XIX в. Анализ костных остатков животных из заполнения подвала, проведенный сотрудником Института археологии АН УзССР А. Батировым, дал следующее: в подвал была брошена задняя часть туши лошади и кости осли, верблюда, овец, которые были сильно выветрены — это свидетельствует об их вторичном попадании в мусорные слои. Характер заполнения подвала указывает на то, что подвал использовался не в качестве домашней ямы для хозяйственных и пищевых отходов, а как общественная свалка. Подвал и, вероятно, дом были заброшены хозяевами, скорее всего, во время событий 1868 г. в цитадели. Если связать заброс построек с этим событием, то время постройки подвала будет соответствовать пятидесятым годам XIX в. Верхняя часть купола подвала разрушилась (возможно, во время боев), через некоторое время упал деревянный каркас, который постепенно был засыпан мусором и кусками падавшего купола. Затем подвал интенсивно загружался боем с ближайших построек и бытовыми отходами. В 80-ые годы XIX в. территория цитадели Тимура была сnivelирована и на ней построена русская крепость гораздо меньших размеров. Зброшенный подвал оказался на территории новой крепости.

В настоящее время в Самарканде навряд ли встретишь подобные подвалы. Национальные традиции постройки жилых и подсобных помещений все теснее сплетаются с европейскими: во многих современных домах имеются просторные бетонированные подвалы и только использованные по назначению и декоративного типа ниши в них напоминают о былых тагхона Самарканда. Местные жители, подходившие во время раскопок на цитадели Тимура, отмечали, что куполообразные, вырытые под землей подвалы очень практичны и удобны — в них держатся постоянная температура, и определенная влажность, позволяющие долго сохранять овощи и фрукты почти без усушки, а также молочные продукты и даже свежее мясо.

Б. Д. КОЧНЕВ

ЗАМЕТКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ НУМИЗМАТИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ, ч. 8 (Караханиды)

Монеты с именем Ахмада б. Насра. Раннекараханидские монеты открывают множество имен, которые по письменным источникам неизвестны. К числу их принадлежит и имя Ахмад б. Наср, впервые прочтенное на фельсе Ходжеида 390/999—1000 г. Ст. Лэн-Пулем. Прошло более ста лет, прежде чем удалось обнаружить еще одну монету с упоминанием того же правителя.

1. Фельс. Ходженд, 390/999—1000 г.¹

Л. ст., внешняя круг. лег.: ал-Амир Ахмад б. Наср...; об. ст., поле: Муаййид ал-'Адл Илек; круг. лег.: ал-Амир ал-Аджалл Абу-л-Хусайн Наср б. 'Али Маула Амир ал-Мум'инин'.

2. Дирхем. Испиджаб, 392/1001—02 г.²

Л. ст., поле: Мут, Тахир Рази; об. ст., поле: ал-Амир ал-Джалл Ахмад б. Наср.

Об. ст. В поле: الله

Л. ст. В поле: م ب
لا اله الا الله
وحده لا شريك له
طاهر
رأرى

Кругом, между двумя двухлинейными ободками (во внутреннем — 12 колечек, скомпонованных по 3): بسم الله

ضر بهذا الدرهم
با سبب اجاب سنة اثنان (так!) و
تسعين و ثلثمائة

محمد
رسول الله
القادر بالله
الامير الجليل
احمد بن نصر

Кругом, между двумя двухлинейными ободками (во внутреннем — 4 пары колечек). Коран, IX, 33.

Чрезвычайно любопытную особенность ходжендского фельса составляет наличие на одном кружке двух круговых легенд с вводной формулой «Из того, что приказал...» и упоминанием разных правителей: на л. ст.— Ахмада б. Насра, на об. ст.— Насра б. 'Али. Можно было бы заподозрить здесь совмещение непарных штемпелей, однако это не единственный случай. Так, на фельсе Ферганы 399/1008—09 г.³ в круг. лег. л. ст. упомянут Ахмад б. 'Али (Насир ал-Хакк), в круг. лег. об. ст.— Наср б. 'Али, на фельсе Илака 403/1012—13 г.⁴ — соответственно Мухаммад б. 'Али (Сана ад-Даула) и Наср б. 'Али. Упомянутая формула часто встречается на саманидских медных монетах, причем она, как установила Е. А. Давидович, вводит упоминание «лица, которому принадлежали реальные права на город или область, в том числе монетная регалия»⁵. В случае же с тремя перечисленными

¹ Lane-Poole St. Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. V. II. L., 1876. P. 121. N 434. (Ст. Лэн-Пулем дано полное описание монеты, поэтому здесь оно не приводится).

² Государственный исторический музей в г. Москве (далее — ГИМ), инв. № 499146, 499147.

³ Государственный Эрмитаж (далее — ГЭ), инв. № 8143, 2986. Второй фельс опубликован Х. Френом (Fraehn Ch. Nova supplementa ad Recensio-nem numorum muhammedanorum. Petropoli, 1855. P. 54, 55. N 11 d), но вместо «Насир ал-Хакк» он читал «Наср».

⁴ ГЭ, инв. № 17111.

⁵ Давидович Е. А. Новые данные по истории Саманидов (клад мед-

раннекараханидскими фельсами, очевидно, наблюдается отступление от саманидской традиции, иначе придется признать, что два разных правителя, находящиеся на разных ступенях иерархической лестницы, обладают равными правами (включая монетную регалию) на одно и то же владение. Как показывает дата ходжендского фельса (390/999—1000 г.), отход от саманидских норм начался буквально с первых шагов караханидского монетного дела (самая ранняя известная караханидская монета относится к 381/991—92 г.)⁶. Но если при помощи формулы «Из того, что приказал...», в значительной степени уже утратившей прежнее значение, невозможно определить, кто же был непосредственным владельцем Ходженда в 390/999—1000 г., то анализ исторической ситуации не оставляет сомнений на сей счет: им был, конечно, не Наср б. 'Али, правитель всего Мавераннахра, а мелкий удельный князь Ахмад б. Наср, который к тому же приходился (по вероятному предположению М. Н. Федорова) сыном Насру б. 'Али⁷.

Еще менее традиционными выглядят испиджабские дирхемы 392/1001—02 г. Это проявляется и в необычной разбивке символа веры на л. ст. (две строки вместо трех), и в обилии имен, и в отсутствии упоминания верховного государя: сразу после халифа назван не тогдашний великий каган Ахмад б. 'Али, а «эмир-славный» Ахмад б. Наср. В саманидское время исключение из надписей серебряных монет имени верховного государя означало одно — открытый мятеж против центральной власти, претензии на бухарский престол; таковы дирхемы Исхака б. Ахмада, Ибрахима б. Ахмада, Йахйи б. Ахмада. Но, как мы уже видели, рискованно подходить к изучению монет Караханидов, исходя из саманидских норм; необходимо проверять их на караханидском материале.

Случаи неупоминания имени верховного сюзерена на раннекараханидских монетах встречаются чаще, чем при Саманидах, хотя и не намного. Как показывает анализ таких случаев, они имели место, когда вассал вел борьбу за ханский престол; восставал против верховного сюзерена, не претендуя на его место; занимал в династийной иерархии высокое положение; обладал давними и прочными позициями в своем владении. В данном случае отпадают первая причина: нейтральный титул Ахмада б. Насра (ал-Амир ал-Джалил), зафиксированный в чекане правителей самых разных рангов, никак не свидетельствует о его претензиях на верховный престол,— и две последних. Остается мятеж или

ных монет IX—X вв. из Самарканда)//Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977. С. 117.

⁶ Ишанханов С., Кочиев Б. Древнейшие караханидские монеты// ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979. С. 142—148.

⁷ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X—начале XI в.//ИЭ. Т. 10. М., 1972. С. 142, таблица.

по крайней мере разрыв вассальных связей (что в конечном счете то же самое).

В 390/999—1000 г. и позднее сюзеренитет великого кагана Ахмада б. 'Али распространялся на все караханидские земли, кроме Восточного Туркестана, но Мавераннахр составлял фактически совершенно самостоятельное владение Насра б. 'Али, все же признававшего себя вассалом Ахмада. Последнему утверждению не противоречит отсутствие имени (титулатуры) Ахмада б. 'Али на ходжендском фельсе 390/999—1000 г., поскольку правило упоминать сюзерена соблюдалось на медных монетах менее строго, чем на серебряных. Ташкентский оазис, Испиджаб и Семиречье не принадлежали Насру, на испиджабском дирхеме 389/998—99 г.⁸ и на монетах Шаша и Илака 391—392/1000—02 гг.⁹ упомянут не он, а Ахмад б. 'Али, иногда — его вассалы. Значит, в отличие от Ходженда, Ахмад б. Наср мог получить Испиджаб не от Насра, а только от Ахмада б. 'Али, но тогда должен был бы проставлять на испиджабских дирхемах имя (титулатуру) последнего. А раз их нет, то скорее всего Ахмад б. Наср сумел захватить Испиджаб без санкции верховного государя, игнорируя его сюзеренные права, т. е. фактически порвав вассальные связи. И, быть может, не случайно ни на последующих испиджабских монетах, ни в караханидском чекане вообще имя Ахмада б. Насра больше не встречается. Как нам представляется, дирхемы Испиджаба без упоминания великого кагана лишний раз свидетельствуют, сколь нестабильной была ситуация в караханидском государстве в период его становления (напомним, что еще не закончилась борьба с последним Саманидом Исма'илом Мунтасиром).

Обратимся к легендам л. ст. разбираемых испиджабских монет. Над символом веры помещено слово, которое встречается только на раннекараханидских дирхемах Испиджаба 389/998—99, 394/1003—04 (?)¹⁰, 395/1004—05 (?)¹¹, 396/1005—06¹², 397/1006—07 (?), 398/1007—08¹³, 399—401/1008—11¹⁴, 402/1011—12 и

⁸Массон М. Е. Кладик дирхемов конца X—начала XI в. из города Янги-Юль Ташкентской области//История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 240.

⁹ Дирхем Шаша 391 г. х.: ГИМ, инв. № 499145; дирхем Шаша 392 г. х.: Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Спб., 1896. С. 199. № 6; фельс Илака 391 г. х.: Федоров М. Н. К вопросу об исторических судьбах дихканства при Караханидах (по данным караханидской нумизматики)//СА. 1975. № 1. С. 115; фельс Илака 392 г. х.: ГЭ, инв. № 9573.

¹⁰ Монеты из хранящегося в Музее истории народов Узбекистана в г. Ташкенте (далее МИУз) Чимкентского клада (инв. № 391/99—102).

¹¹ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 974, № 193а (Автор в дате не сомневался, но похоже, что на монете (ГЭ, инв. № 14160) указан другой год.

¹² Федоров М. Н. Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента//ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 97.

¹³ Чимкентский клад (МИУз, инв. № 391/45—55, 71—72).

404/1013—14 гг.¹⁵ М. Е. Массон считал это слово «буквенным монетным знаком», А. К. Марков читал как ملك (Малик), М. Н. Федоров — как ملك или مله. Оба чтения приняты быть не могут, т. к. на некоторых монетах, в том числе публикуемых, отчетливо видно, что знаков не три, а два: первый — «мим», второй — из группы «ба», что вместе дает م. На одном дирхеме 401/1010—11 г.¹⁶, скорее всего испиджабском, нижнюю строку поля об. ст. составляют три начертанных мелко слова معز الدولة م, из которых последнее — несомненно имя, а два предшествующих — относящийся к нему лакаб¹⁷. Мусульманские имена, которые писались бы так, как будто неизвестны, но в начале X в. и как раз в Испиджабе правил владетель из местной династии Ахмад б. Мут (احمد بن مت)¹⁸. Очень вероятно, что и в спорном слове на испиджабских дирхемах конца X — начала XI в. следует видеть имя Мут, либо личное, популярное среди наследственных испиджабских владетелей, либо родовое, указывающее на происхождение его носителя из древней местной династии (ср. у Бувайхидов: Рука ад-Даула Абу 'Али Бувайх — монетная титулатура сына Бувайха; 'Изз ад-Даула Абу Мансур Бувайх — монетная титулатура внука Бувайха)¹⁹. Как известно, захватив саманидские владения, Караханиды на какое-то время оставили у власти в некоторых окраинных областях Мавераннахра (например, в Илаке и Чаганиане) местных правителей. Приведенные данные позволяют и Испиджаб отнести к числу таких областей.

Под символом веры на той же л. ст. стоит имя Тахир, а еще ниже — относящееся к нему слово راری, которое мы предлагаем читать как رازی, т. е. Рази, видя в нем нисбу, указывающую на происхождение ее носителя из Рея (города в Ираке Персид-

¹⁴ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 220, 221, № 199—202.

¹⁵ Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз, инв. № 392/550—552, 554—555).

¹⁶ Федоров М. Н. Клад караханидских дирхемов... С. 103. (Правда, автор прочел дату как 391 г. х., но на самой монете — 401 г. х. (Государственный музей истории культуры и искусства УзССР в г. Самарканде (далее — МИКИ), инв. № 7701).

¹⁷ Федоров М. Н. (Клад караханидских дирхемов... С. 106) приписал лакаб Му'изз ад-Даула Мухаммаду б. 'Али на том основании, что этот лакаб на монетах Испиджаба 400 г. х. «непосредственно связан с куньей Мухаммада Абу Мансур», но порядок расположения куньи и лакаба (Абу Мансур Му'изз ад-Даула) как раз свидетельствует о принадлежности их разным лицам.

¹⁸ Давидович Е. А. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах//Тр. АН ТаджССР. Т. 27. Сталинабад, 1954. С. 94—98.

¹⁹ Фасмер Р. Р. Куфические монеты Переяславского клада//Изв. ИАК. Вып. 51. Пг., 1914. С. 58, 59.

ском). На раннекараханидских монетах упоминание правителя может быть помещено на л. ст. двумя частями, выше и ниже символа веры, т. е. обе части относятся к одному лицу. Гораздо реже над и под символом веры названы разные персоны, как, например, на испиджабском дирхеме 389/998—99 г.: вверху — Мухаммад, внизу — Абу Наср (Ахмад б. 'Али) и Мут. По аналогии с этим примером можно заключить, что и на разбираемом дирхеме Мут и Тахир Рази не тождественны. Имя Тахир встречается на караханидских монетах впервые, слово же راری представлено также на дирхемах Шаша 400/1009—10²⁰, 404/1013—14²¹ и 416/1025—26 гг.²² Поскольку все перечисленные монеты со словом Рази близки географически и хронологически, скорее всего оно относится к одному лицу — Тахиру. К сожалению, мало что дают для выяснения его статуса и шашские дирхемы, на которых данное слово тоже стоит под символом веры на л. ст.; ясно лишь, что статус этот ниже, чем у остальных упомянутых на монетах лиц. О том же свидетельствует отсутствие какой бы то ни было титулатуры, а также исключительная редкость монет с упоминанием Рази, несмотря на достаточно продолжительную (почти четверть века) деятельность его в Испиджабе и Шаше. И хотя Тахир Рази, подобно Ахмаду б. Насру и Муту мог обладать какой-то частью прав на Испиджаб (конечно, наименьшей), скорее всего это просто чиновник, связанный с деятельностью испиджабского (а затем шашского) монетного двора.

Если верно последнее, то надписи испиджабских дирхемов 392/1001—02 г. отражают двухступенчатую феодальную иерархию: на первой ступени — караханидский правитель Ахмад б. Наср, очевидно, сын Насра б. 'Али, сумевший в нестабильной обстановке захватить Испиджаб, на второй — Мут, испиджабский владетель, происходивший, по нашему мнению, из старой местной династии, оставленной Караханидами у власти; в соответствии с занимаемым положением каждый обладал своей долей прав на эту область.

Монеты Табгач-хана Джабраила. До сих пор была известна единственная монета этого правителя — фельс, изданный А. К. Марковым²³. Тем более интересно обнаружение еще одной его монеты — низкопробного серебряного дирхема. Учитывая некоторую неполноту описания А. К. Маркова и неточное прочтение первой части титула государя, приводим описание обеих монет.

²⁰ Федоров М. Н. Клад караханидских монет... С. 101.

²¹ Тойтубинский клад 1968 г. (МИУз, инв. № 392/457).

²² Кульятинский клад (МИУз, инв. № 398/443—448).

²³ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 850. № 217а.

3. Дирхем. Город ?, 49. г. х.²⁴

Об. ст.: Табгач-хан Джабраил.

عدل
لا اله الا

Л. ст. В поле: الله وحده

لا شريك له

Выпускные сведения — квадратом:

بسم الله ضر / بهذا الدرهم / ...

... تسعين اربع مائة

Обрамление неясно.

الله

محمد رسول الله

Об. ст. В поле: طبغاج خان

جبرئيل

Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним неясным ободками, Коран, IX, 33 (фрагмент).

4. Фельс. Бухара, 49 4/1100—01 г.²⁵

Об. ст.: Табгач-хан Джабраил.

Л. ст. В поле, в двухлинейной ободке — изображение льва влево с поднятым вверх влево хвостом. От левой передней лапы вниз вправо отходит цепь из колечек. Над хвостом — свастикообразный знак. Кругом, в неясном обрамлении:

... ضر بهذا الفلّس بخار اسنة

اربع ...

Об. ст. В поле, в двухлинейной ободке — треугольник из точек с украшением в центре. По сторонам треугольника:

طبغاج / خان / جبرئيل

Кругом, в неясном обрамлении. Коран, IX, 33 (фрагмент).

Атрибуция обеих монет сомнений не вызывает: помещенное на них имя носил, насколько известно, лишь один караханидский государь — Джабраил б. 'Умар. Письменные источники сообщают, что этот восточнокараханидский правитель совершил нашествие на Мавераннахр с войском, состоявшим не только из мусульман, но и из «неверных». Завоевав страну, он через некоторое время попытался захватить также принадлежавший Сельджукидам Хорасан, взял Термез, перешел Амударью со стотысячным войском, но, отправившись однажды на охоту, был схвачен отрядом сельджукидского владетеля Хорасана Санджара (тогда

²⁴ МИКИ, инв. № 10326.

²⁵ ГЭ, инв. № 13654 (А. К. Марков уцелевшее начало даты не читал).

еще не ставшего султаном) и по распоряжению последнего казнен. Это случилось 2 ша'бана 495/22 мая 1102 г.²⁶ В. В. Бартольд тем же годом датировал и завоевание Джабраилом Мавераннахра²⁷, но О. Прицак отнес это событие к 492/1098—99 г., справедливо указав, что незадолго до похода на Хорасан, после трех лет правления, Джабраил казнил своего наместника в Самарканде Мухаммада ал-Багдади²⁸. Невозможность датировать нашествие Джабраила 495/1102 г. и правоту О. Прицака отчасти подтверждают и надписи описанного фельса, датой которого может быть только 491 4/1100—01 г. Публикуемый же дирхем должен быть датирован, очевидно, в пределах 492—495/1098—1102 гг.

Легенды обеих монет открывают неизвестный прежде титул Джабраила — Табгач-хан; письменные источники называют его Кадыр-ханом и Тоган-ханом (поэтому, вероятно, и А. К. Марков читал на описанном фельсе Тоган-хан вместо Табгач-хан). По мнению О. Прицака, Джабраил был «сокаганом», т. е. соправителем верховного государя Восточнокараханидского каганата ал-Хасана (Харуна) б. Сулаймана, носившего титул Табгач Бугра Кара-хакан. Монетная титулатура Хасана короче — Табгач-хан (Табгач-хан)²⁹, т. е. такая же, как у Джабраила. Из нее, конечно, не следует, что второй был «сокаганом» первого. Чтобы выяснить место Джабраила в караханидской иерархии, необходимо вновь рассмотреть то, что известно о Хасане б. Сулаймане.

Около 431—433/1039—42 гг. Караханидское государство окончательно разделилось на два совершенно самостоятельных каганата — Западный (со столицей в Самарканде) и Восточный (с центром в Баласагуне)³⁰. Отец Хасана, Арслан-хан Сулайман б. Иусуф, скончавшийся в 449/1057—58 г., был первым верховным государем Восточного каганата. Хасан не унаследовал баласагунский престол и первоначально правил в Кашгаре, где в 462/1069—70 г. ему было посвящено произведение Иусуфа хассаджиба «Кутадугу билик». Позднее он стал верховным каганом и, по Ибн ал-Асиру, владел Кашгаром, Хотаном и Баласагуном 29 лет, до своей кончины в 496/1102—03 г. По данным того же автора, он захватил верховную власть, взяв в плен отца Джабраила, Тогрыл-тегина 'Умара, царствовавшего (с титулом Карахан) только два месяца³¹. Обычно принято относить правление

²⁶ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. 1. М., 1963. С. 381; Он же. Очерк истории Семиречья//Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 45, 46; Ал-Хусайни Садр ад-Дин 'Али. Ахбар ад-даулат ас-селджукийя/Изд. текста, пер., введ., примеч. и прил. З. М. Буниятова. М., 1980. С. 89.

²⁷ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. С. 45.

²⁸ Pritsak O. Die Karachaniden//Der Islam. Bd. XXXI/1. Berlin, 1953. S. 49.

²⁹ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 272, 273, № 494, 496—498.

³⁰ Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах//НАА. 1968. № 1. С. 69—76.

³¹ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. С. 44, 45; Он же. Богра-

последнего к 467/1074 г., но эта дата, конечно, неверна: еще в 473/1080—81 г. 'Умар вел борьбу с ханом Самарканд³². Хасан был верховным государем не 29, а меньшее число лет. Оно еще уменьшится, если учесть, что нашествие на Мавераннахр, имевшее место, как мы видели, не позже 492/1098—99 г., было совершено Джабраилом, когда он владел Таразом и Баласагуном³³.

Коль скоро цифры, приведенные Ибн ал-Асиром, оказываются неточными, неизбежно возникает вопрос: насколько достоверны его сведения о Бугра-хане Харуне (Хасане) как верховном государе? Не был ли он все время своего правления только владельцем Кашгара, и не наследовал ли Джабраил своему отцу 'Умару в Таразе и Баласагуне? Монетные данные заставляют ответить на этот вопрос отрицательно: в 481/1088—89 г. Хасан чеканил дирхемы в Таразе³⁴, а поскольку он в это время определенно владел Кашгаром, то ему же должен был принадлежать и Баласагун. Значит между 481/1088—89 и 492/1098—99 гг. Хасан б. Сулайман, очевидно, потерял Тараз и Баласагун. Попытаемся уточнить, когда это могло произойти.

В 482/1089 г. (по Хусайни — в 481 г. х.) сельджукский султан Малик-шах вторгся в Мавераннахр, взял Самарканд, а затем дошел до Узгенда и остановился близ границ Кашгара, у «Кашгарского прохода». Сюда к нему прислал посла (или даже явился сам) хан Кашгара и признал себя вассалом Малик-шаха; все исследователи отождествляют этого хана с Хасаном б. Сулайманом³⁵. Хусайни говорит еще об одном походе Малик-шаха, когда он вторгся в «страну кочевников» и подчинил Сурхаба — правителя Тараза³⁶. Дата этого события не приведена, но переводчик и комментатор сочинения Хусайни З. М. Буниятов склонен, исходя из контекста, отнести его к 482/1089 г., оговорив, что имя владельца Тараза не идентифицируется³⁷. В любом случае поход на Тараз не мог быть предпринят раньше взятия Самарканды, т. е. до 482/1089 г. Но если его пришлось совершить уже после подчинения кашгарского хана, то, очевидно, владелец Тараза был от него независим. Очень соблазнительно отождествить его

хан, упомянутый в Кутадгу билик//Соч. Т. 5. М., 1968. С. 419, 420.

³² Буниятов З. М. Гарс ан-Нима ас-Саби и Камал ад-Дин Ибн Фува-ти об истории Караханидов//Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1974. М., 1981. С. 7.

³³ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. С. 45.

³⁴ См.: Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 273, № 496—498 (правда, эти дирхемы не сохранили наименования монетного двора, но таразское их происхождение несомненно, так как по содержанию и размещению надписей они чрезвычайно близки, а по оформлению идентичны дирхеме Тараза 48 г.х. (ГЭ, инв. № 13976). Этот дирхем опубликован (Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 272, № 494), однако дата неверно определена как 46. г.х.).

³⁵ Бартольд В. В. Туркестан... С. 379; Он же. Очерк истории Семиречья. С. 45; Pritsak O. Die Karachaniden. S. 42; Ал-Хусайни. Ахбар... С. 71, 200. Прим. 4.

³⁶ Ал-Хусайни. Ахбар... С. 76.

³⁷ Там же. С. 204. Прим. 11, 12.

с Кадыр-ханом Джабраилом, чему не противоречит приведенное Хусайни «имя» этого правителя (Сурхаб — سرخاب), не тюркское, не арабское (мусульманское), и не библейское, а персидско-таджикское, т. е. для Караханида невозможное. Скорее всего, это искажение какого-то тюркского титула со вторым компонентом «хан» (خان). Такое допущение позволяет предположить (не более!), что Тараз (и Баласагун?) перешли от Хасана б. Сулаймана к Джабраилу б. 'Умару еще около 482/1089—90 г. (не ранее 481/1088—89 г.).

Не позднее 492/1098—99 г. Джабраил был владельцем Баласагуна, столицы Восточнокараханидского каганата. Скорее всего он и должен считаться великим каганом этого государства, а Хасан — его «сокаганом». С завоеванием же Самарканда в руках Джабраила оказались обе караханидские столицы, т. е. он вновь объединил государство Караханидов, хотя и на короткий срок. В качестве великого кагана единого каганата и выступает Джабраил б. 'Умар на описанных выше монетах.

К хронологии последних караханидских владельцев Самарканда. По мнению Е. А. Давидович, во второй половине XII — начале XIII в. Западнокараханидский каганат состоял из нескольких уделов, важнейший из которых находился в Центральном Мавераннахре со столицей в Самарканде. Владетели Самарканда считались одновременно главами Западнокараханидского государства³⁸, поэтому выяснение хронологии их правления особенно важно. Несмотря на обилие нумизматического материала, позволяющего решить многие вопросы позднекараханидской хронологии, некоторые моменты еще не уточнены.

В свое время В. В. Бартольд считал Ибрахима б. ал-Хусайна, владевшего Самаркандом с 574/1178—79 г., преемником Тафгач-хана Мас'уда³⁹, однако монетные данные привели Е. А. Давидович к заключению, что после Мас'уда и до Ибрахима в Самарканде правили еще два государя — Гийас ад-Дун'я ва-д-Дин Мухаммад б. Мас'уд Кылыч Тафгач-хан и Рукн ад-Дун'я ва-д-Дин Мухаммад Акдаш (?) Тафгач-хан. Чекан первого из них представлен монетами 567/1171—72 или 569/1173—74 и 568/1172—73 гг., второго — 571/1175—76 и 574/1178—79 г. Точную дату, когда Мухаммад б. Мас'уд вступил на престол, известные Е. А. Давидович монеты не открывали, но она считала, что это случилось не позже 566/1170—71 г., конец же правления отнесла

³⁸ Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов//Нумизматический сборник. Ч. 2. (Труды ГИМ. Вып. 26). М., 1957. С. 93, 98.

³⁹ Бартольд В. В. Туркестан... С. 417, 418.

к отмеченному у Джамала ал-Карши году смерти Мухаммада — 569/1173—74 г.⁴⁰

Судя по новым монетным данным, чекан Мухаммада б. Мас'уда в Самарканде действительно начинается в 566/1170—71 г.⁴¹, конечную же дату царствования позволяет определить неизданный медный посеребренный дирхем⁴².

5. Самарканд, 5. 71/1175—76 г.

Об. ст., поле: ал-Хакан ал-А'зам Кылыч Тафгач-хан Абу-л-Музаффар Мухаммад Гийас ад-Дунйа ва-д-Дин.

Л. ст. В поле: فرار
لا اله الا الله
وحده لا شريك له
محمد رسول الله
المستضى لله

Об. ст. В поле: سمرقند
الخاقان الاعظم
قلج طغاج خان
ابو المظفر محمد
غياث الدنيا و الدين

Кругом, между двумя линейными ободками:

Кругом, в обрамлении как на л. ст., Коран, IX, 33.

بسم الله ... الدرهم

بسمر قند سنة احدى و سبعين

Хотя имя отца упомянутого на об. ст. Мухаммада в надписях данной монеты не указано, атрибуция ее не вызывает сомнений. Судя по лакабу (Гийас ад-Дунйа ва-д-Дин) и тюркскому титулу (Кылыч Тафгач-хан), это именно Мухаммад б. Мас'уд, а не его преемник, известный по монетам как Руки ад-Дунйа ва-д-Дин Акдаш (?) Тафгач-хан. Поскольку последний выпускал в Самарканде монеты уже в 571/1175—76 г., к этой дате и следует отнести смену одного государя другим.

Таким образом, приведенную у Джамала ал-Карши дату смерти Мухаммада б. Мас'уда нельзя считать достоверной. Впрочем, и весь соответствующий пассаж о Мас'уде и Мухаммаде, как показал тщательный анализ Е. А. Давидович, сильно испорчен, а из двух дат первая (год смерти Мас'уда — 560 г. х.) определенно неверна⁴³. Теперь ясно, что неверна и вторая.

Поскольку в 574/1178—79 г. в Самарканде выпускались монеты и Ибрахима б. ал-Хусайна, и Мухаммада Акдаш (?) Тафгач-хана, время правления последнего определяется абсолютно точно: 571—574/1175—79 гг. Правда, М. Н. Федоров выдвинул

⁴⁰ Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977. С. 180—183.

⁴¹ Кочнев Б. Д. Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII — начала XIII в. // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 80.

⁴² МИКИ, инв. № 8976 (из коллекции В. Л. Вяткина).

⁴³ Давидович Е. А. Вопросы хронологии... С. 181, 182.

совершенно фантастическую гипотезу, согласно которой этого государя вообще не было, а после Мухаммада б. Мас'уда и до Ибрахима правил опять Мас'уд, перед этим удалившийся на несколько лет из Самарканда. Здесь не место разбирать эту гипотезу, отметим лишь, что она основана на произвольном истолковании данных письменных источников и монетных надписей и даже на прямых натяжках: так, имя Мухаммад приписано не правителю, а пророку⁴⁴. Эту гипотезу, особенно после тщательного и хорошо аргументированного исследования Е. А. Давидович, нельзя принять даже как рабочую⁴⁵, публикуемый дирхем не колеблет выводов исследовательницы, а лишь уточняет начало правления Мухаммада Акдаш (?) Тафгач-хана.

Благодаря монетным данным, вступление на самаркандский престол его преемника Ибрахима точно датируется 574/1178—79 г., но год перехода власти к его сыну 'Усману долго не удавалось установить. Определить эту дату позволяют две следующие монеты.

6. Самарканд, 5¹ 9. г. х.⁴⁶

Об. ст., поле: ас-Султан¹... Нусрат а'д-Дунйа ва-д-Дин 'Усман Улуг¹ Султан а'с-Салатин¹.

Л. ст. В поле:...

رسول الله
الناصر لدين
الله

Кругом, между двумя линейными ободками:

... سمرقند ...

Об. ст. В поле:

السلط
.....
نصرة ا
.....
ين عثما
.....
سلطان ا

Кругом, между внутренним линейным и внешним неясным ободками:

... و سحين و ...

7. Самарканд (?), 5¹ 99/1202—03 г.⁴⁷

Л. ст., поле: Улуг Султан ас-Салатин; об. ст., поле: Нусрат ад-Дунйа ва-д-Дин.

Л. ст. В поле, в шестилепестковом картуше:

الغ

Об. ст. В поле, в точечном ободке:

نصرة

⁴⁴ Федоров М. Н. По поводу Афрасиабского клада золотых монет второй половины XII в. // ИЭ. Т. 12. М., 1978. С. 58—61.

⁴⁵ Тем не менее даже после опубликования этой работы Е. А. Давидович М. Н. Федоров не отказался от своей точки зрения (Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в XII—начале XIII в. // ИЭ. Т. 14. М., 1984. С. 108, 109).

⁴⁶ Половинка золотой монеты (динара) из собрания Эрмитажа (ГЭ, инв. № 3886).

⁴⁷ Монета из коллекции В. А. Морозова (г. Алмалык).

Кругом, в линейном ободке:

Кругом стерто.

... سنة تسع و تسعين

Описанный динар 'Усмана определенно выпущен в Самарканде, но от даты уцелело лишь слово, которое обозначает десятки и, исходя из палеографии, может быть скорее прочтено как *سبعين* (семьдесят). Однако семидесятые годы для монет 'Усмана вообще исключены: по словам Ауфи, в 597/1200—01 г. 'Усмани было всего 14 или 15 лет⁴⁸. Следовательно, динар мог быть выпущен в 598/1201—02 или 599/1200—02 г., поскольку в 597/1200—01 г. Ибрахим, по данным того же автора, был еще жив.

Медная монета 599/1202—03 г. относится к числу фельсов, поскольку поверхность ее покрыта насечками — рисками, столь характерными для фельсов Средней Азии IX—XII вв. Местом ее производства наиболее вероятно считать Самарканд, ибо все позднекараханидские фельсы второй половины XII — начала XIII в., за исключением одного (бухарского), биты в Самарканде. Проставленная на нем титулатура, включая лакаб, может быть отнесена и к 'Усмани, и к Ибрахиму, однако последний на монетах Центрального Мавераннахра лишь изредка помещал свое имя, тогда как на всех известных монетах 'Усмана имя его выбито. «Анонимность» фельса 599/1202—03 г. заставляет отнести его к чекану Ибрахима. Этим же годом, следовательно, надо датировать и упомянутый динар 'Усмана, а стало быть, и время перехода самаркандского престола от отца к сыну.

Таким образом нумизматический материал позволяет точно определить время правления четырех последних караханидских владетелей Самарканда: Мухаммада б. Мас'уда (с 566/1170—71 до 571/1175—76 гг.), Мухаммада Акдаш (?) Тафгач-хана (с 571/1175—76 до 574/1178—79 гг.), Ибрахима б. ал-Хусайна (с 574/1178—79 до 599/1202—03 гг.) и 'Усмана б. Ибрахима (с 599/1202—03 до 609/1212 гг.)⁴⁹.

Золотой динар Кадыр-хана. Монеты предпоследнего узгендского Караханида Кадыр-хана известны исследователям еще с прошлого века, однако основная масса опубликована и всесторонне исследована уже в наше время Е. А. Давидович. Она установила, что этот правитель (кстати, известный только по монетам) вступил на узгендский престол не позднее 579/1183—84 г. и

⁴⁸ Бартольд В. В. Туркестан... С. 418. Прим. 2.

⁴⁹ Хронологию позднекараханидских владетелей Самарканда мы уже рассматривали (Жочнев Б. Д. Новые нумизматические данные... С. 76—84), но не располагали тогда приведенными здесь материалами.

правил более четверти столетия, проследила его титулатуру и выяснила происхождение, исследовала монетную политику и многое другое⁵⁰. Но и она, и другие исследователи имели дело лишь с одной категорией монет Кадыр-хана — медными посеребренными дирхемами. Ни медные фельсы, ни золотые динары этого правителя до сих пор не были известны. Поэтому особый интерес вызывает обнаруженный нами в собрании Ошского областного историко-краеведческого музея динар Кадыр-хана⁵¹.

8. 'Уздженд', 602/1205—06 г.

Об. ст., поле:... 'ал-'А' дил Улуг Султан Кадыр-хакан.

Л. ст. В поле: لا اله الا الله

الله محمد

رسول الله

Об. ст. В поле: . . . .

... دل الغ سلطا

ن قدر خاقان

خان (?)

Внизу S-образный знак. Кругом, между двумя линейными ободками, стерто, обрешено или неразборчиво.

Кругом, между внутренним линейным и внешним неясным ободками:

... سنة اثني ...

Хотя от легенды с выпускными сведениями сохранилось всего два слова, место и время чеканки восстанавливаются без труда. Теоретически данный динар мог быть выбит сколь угодно далеко от Ферганской долины, где он найден, поскольку золото легко преодолевает любые границы. Однако в ближневосточной средневековой нумизматике известен лишь один «Улуг Султан Кадыр-хакан» — позднекараханидский владетель Уздженда, в котором только и чеканились его монеты. По ним Е. А. Давидович проследила, что сначала этот государь титуловался лишь хаканом, а около 601/1204—05 г. или несколько ранее стал также «султаном» и «великим султаном» (Улуг Султан)⁵². Поэтому датой публикуемого динара не может быть ни 592/1195—96, ни тем более 582/1186—87 г., а только 602/1205—06 г.

Во второй половине XII — начале XIII в. Караханидское государство делилось на несколько уделов, из которых крупнейшими были Мавераннахрский со столицей в Самарканде и Ферганский с центром в Узгенде (Уздженде). Проанализировав многочисленные нумизматические данные, прежде всего монетную титулатуру, Е. А. Давидович пришла к заключению, что, несмотря на независимость этих уделов друг от друга, Самарканд считался

⁵⁰ Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии... С. 93 сл.; Она же. Канибадамский клад караханидских монет//СА. 1961. № 1. С. 186—200.

⁵¹ ОИКМ, КП 252.

⁵² Давидович Е. А. Нумизматические материалы... С. 97.

столицей всего государства среднеазиатских Караханидов, а приоритет самаркандского владетеля, пусть чисто формально, признавался правителями других уделов⁵³. Одновременно Мавераннахрский удел был и наиболее мощным экономически. Первенствующим политическим и экономическим положением этого удела в системе других карахидских владений объясняется тот факт, что регулярный выпуск золотых динаров осуществляли именно Караханиды Самарканда, начиная с Махмуда б. ал-Хусайна (ок. 553—556/1158—1161 гг.) и вплоть до 'Усмана б. Ибрахима (с 599/1202—03 до 609/1212 г.)⁵⁴. Очень показателен в этом отношении пример Ибрахима б. ал-Хусайна. В течение долгого времени он владел Узгендом (Уздженом), где очень обильно чеканил медные посеребренные дирхемы, но, лишь получив Самарканд, начал бить также и золотую монету. Поэтому выпуск Кадыр-ханом динаров, каким бы он ни был эпизодическим, требует объяснения.

Наблюдения над монетной титулатурой Кадыр-хана позволили Е. А. Давидович заключить, что изменение ее около 601/1204—05 г. отнюдь не случайно. Именно в это время скончался отец Кадыр-хана Ибрахим б. ал-Хусайн, единственный среди Караханидов, носивший титул «султан». При жизни отца Кадыр-хан не мог претендовать на султанский титул, но когда на самаркандский престол вступил его брат 'Усман б. Ибрахим, династическое положение Кадыр-хана изменилось, что и отразилось в титулатуре⁵⁵. По-видимому, получение титула «султан», самого высокого в то время в мусульманском мире, давало ему основание считать себя суверенным государем и одновременно право чеканки золота. Исключительная же редкость его динаров (особенно на фоне намного более многочисленных золотых монет самаркандских владетелей), позволяет предположить, что выпуск их не был вызван экономической потребностью, а объясняется династийно-политическими причинами и преследовал прежде всего прокламативные цели.

М. Н. Федоров считает возможным отнести к Уздженду еще один тип карахидских динаров, впервые опубликованный А. К. Марковым⁵⁶. Выпускные сведения на них не сохранились, титулатура же государя такова: «ал-Хакан ал-А'зам Гийас ад-Дунйа ва-д-Дин Махмуд б. Султан...» Монеты чеканены при халифе Насире (575—622/1179—1225), когда султанами у Караханидов были только Ибрахим и его сыновья 'Усман и Кадыр-хан, следовательно, Махмуд б. Султан мог быть сыном только одного из них. После Кадыр-хана в Уздженте правил Махмуд б. Ахмад,

⁵³ Давидович Е. А. Нумизматические материалы... С. 110.

⁵⁴ Кочнев Б. Д. Новые нумизматические данные... С. 77, 78.

⁵⁵ Давидович Е. А. Нумизматические материалы... С. 97—99.

⁵⁶ Марков А. К. Инвентарный каталог... С. 975, № 516а (4-ое дополнение).

которого М. Н. Федоров и предлагает отождествить с Махмудом б. Султаном, допуская, что Ахмад — мусульманское имя Кадыр-хана⁵⁷.

После выявления золотой монеты последнего наличие динаров также и в чекане его преемника представляется на первый взгляд еще более вероятным. Однако для отождествления Махмуда б. Ахмада и Махмуда б. Султана имеются серьезные препятствия. Судя по монетам, Махмуд б. Ахмад вступил на уздендский престол в 607/1210—11 г., причем не в начале года, так как в том же году его предшественник Кадыр-хан успел выбить в Узденде два типа дирхемов. Известны также уздендские монеты Махмуда 608/1211—12 г., в следующем же году он был, по всей вероятности, низложен хорезмшахом Мухаммадом б. Текешем, который в 610/1213—14 г. выпустил в Узденде дирхемы только от своего имени. Таким образом, Махмуд правил два, максимум три года, причем за это время он проставлял на монетах два лакаба — Джалал ад-Дунья ва-д-Дин и Му'изз ад-Дунья ва-д-Дин⁵⁸. Если же допустить идентичность его Гийас ад-Дунья ва-д-Дину Махмуду б. Султану, то окажется, что в течение очень короткого срока один и тот же правитель фигурирует в монетных надписях под тремя разными лакабами. Явление не невозможное, но все же маловероятное.

Таким образом, самый факт выпуска в Узденде в начале XIII в. позднекараханидских золотых монет (динаров) не вызывает сомнений; неясно только, осуществлялся ли он лишь при Кадыр-хане или продолжался также при Махмуде б. Ахмаде.

А. П. ПЕСТРЯКОВ, Т. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ПАРАМЕТРОВ ЧЕРЕПНОЙ КОРОБКИ КРАНИОЛОГИЧЕСКОЙ СЕРИИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО НЕСЕФА (Южный Согд)

Среди измерительных краниологических признаков, касающихся черепной коробки (мозговой капсулы), с нашей точки зрения, особую значимость имеют ее абсолютные размеры: длина (параметр № 1 в списке Мартина), ширина (№ 8) и высота (№ 17), так как эти признаки характеризуют проявление расового потенциала черепной коробки в целом по трем взаимно-перпендикулярным осям.

Не меньший интерес представляет собой исследование вместимости мозговой капсулы — признак далеко не всегда определяемый советскими антропологами, а также различные соотношения

⁵⁷ Федоров М. Н. По поводу Афрасиабского клада... С. 62; Он же. Политическая история Караханидов... С. 117.

⁵⁸ Кочнев Б. Д. Новые нумизматические данные... С. 85—90.

абсолютных размеров черепной коробки (обычно вычисляется лишь черепной указатель).

В настоящей работе, кроме трех абсолютных размеров черепа — длины, ширины и высоты,— исследуются еще три генерализованных параметра: вместимость мозговой капсулы (V), условный объем черепной коробки (M^3) и относительная высота черепной коробки ($i^{(2)}$).

Вместимость черепной коробки определялась прямым путем — заполнением мозговой полости сыпучим материалом (горохом). К сожалению, в краниологии этот важный признак обычно определяется сугубо математически, исходя из абсолютных размеров черепной коробки — продольного, поперечного и высотного диаметров. Последний диаметр иногда измеряется от точки базион (ba), иногда от точки порион (po). В нашей работе мы пользуемся высотой от базиона как чаще встречающейся в антропологической литературе. В антропологии хорошо известны эмпирические формулы П. Брока¹, Л. Мануврие², П. Роберта³ и другие уравнения, связывающие объем черепной коробки с ее линейными тотальными размерами. Все они имеют один общий недостаток, характерный для эмпирических формул вообще,— они верны лишь в среднем. Каждый конкретный череп, так же как и конкретная черепная серия, имеет индивидуальные черты, не поддающиеся точному определению количественными показателями, а поэтому определенная погрешность индивидуальности будет всегда присутствовать и оставаться неизвестной. Эта непосредственность в ряде случаев сводит на нет все попытки точно вычислить вместимость мозговой капсулы. В советской антропологии вопросами определения объема черепной коробки, исходя из ее тотальных размеров, занимались М. И. Урысон⁴ и С. И. Успенский⁵.

В настоящей статье предлагается ввести в употребление новый генерализованный параметр — «условный объем черепной коробки» (M^3), вычисленный по упрощенной формуле П. Брока:

$$M^3 = \frac{0.II \cdot 0.Ib \cdot 0.Ih}{2}$$

¹ Broca P. Sur la mensuration de la capacité du crâne//Bull. d'Anthropol. Paris, 1864, Ser. 2. T. 1.

² Manouvrier L. Indice cubique du crâne//Comptes Rendus Ass. franc. avanc. sciences. 1880. Rheims.

³ Charles Robert P. Sur le calcul de l'indice cubique et de la capacité du crâne//Comptes Rendus Acad. Sciences. Paris. 1965. T. 260.

⁴ Урысон М. И. Новое в методике вычисления вместимости мозговой коробки черепа на основании его наружных диаметров//Вопросы антропологии. Вып. 20. 1968.

⁵ Успенский С. И. Новый метод вычисления емкости эндокрана и его биофизическая основа//Советская антропология. 1958. № 2.

Этот параметр не претендует на точное соответствие с величиной мозговой капсулы черепа, но зато прост в вычислении и, во всяком случае, может быть легко преобразован в величины, соответствующие данным, полученным по формуле П. Брока и Л. Мануврие. В какой мере эта условная величина соответствует истинной величине мозговой капсулы черепа?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, были вычислены внутригрупповые коэффициенты корреляции между M^3 и истинными объемами мозговой капсулы, измеренными А. Хрдличкой (1924 г.), в 4 эскимосских сериях. В среднем оказалось, что эта величина, равная 0,69, мала для установления индивидуального объема мозговой капсулы по тотальным размерам черепной коробки, но вполне пригодна для сравнительного анализа краниологических серий. В случае отсутствия данных по объему мозговой капсулы в какой-то конкретной краниологической серии мы можем использовать для сравнения с другими сериями условный объем черепной коробки (M^3), предлагаемый настоящей статьей.

Последний изучаемый нами генерализованный параметр — относительная высота свода черепа (h^2).

Существует множество способов определения степени выпуклости свода черепа (относительной высоты). Наиболее употребительны показатели отношения абсолютной высоты свода к продольным диаметрам: глабелла — инион (индекс Швальбе), назион — опистион (индекс Вейденрайха). Реже используются индексы выпуклости поперечного сечения свода черепа к величине, суммирующей значение двух основных трансверзальных параметров черепа — продольного и поперечного диаметров. Именно такой индекс особенно ценен, так как он в значительной мере нивелирует следствие эпохального процесса брахикефализации.

Брахикефализация, как известно, обычно представляет собой увеличение поперечного диаметра головы при одновременном уменьшении продольного. Это приводит к уменьшению высотнопоперечного индекса и увеличению высотно-продольного, при условии неизменности высотного диаметра. Индекс относительной высоты свода черепа (h^2) вычисляется как средняя геометрическая между высотно-продольным и высотно-поперечным индексами:

$$h^2 = \sqrt{\frac{h}{l} \cdot \frac{h}{b}} \cdot 100\%.$$

Сходный индекс использовал Г. Ф. Дебец⁶. Разумеется, рассматриваемые нами три параметра (V , M^3 и h^2) не могут столь же полно характеризовать размер, форму и особенности черепной коробки, как принятая широкая краниологическая измерительная и описательная программа. Но при сравнительном изучении черепных серий методами суммарных сопоставлений по стандарт-

⁶ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области// Труды Института истории и этнографии АН СССР. Т. 17.

ному набору краниологических признаков игнорируется различная таксономическая ценность этих признаков, что, правда, исключительно трудно определить. В данном же случае мы имеем дело с генерализованными параметрами, когда одно число выражает результат взаимоотношений нескольких важных параметров черепной коробки, а поэтому они имеют высокую диагностическую ценность. К тому же и вычисляются они очень просто.

Для того, чтобы оценить размах изменчивости генерализованных параметров M^3 и h^2 (к сожалению, аналогичных по V мы пока не имеем), нами были изучены по литературным источникам около 300 мужских черепных серий современного населения практически из всех регионов Земли. О результатах исследования свидетельствуют следующие данные:

Расы	Число серий <i>n</i>	M^3		h	
		$\bar{x}$	σ	$\bar{x}$	σ
Экваториальная	44	1621	85	86.19	1.88
Австралоиды	7	1650	—	84.9	—
Ведденды	9	1539	—	87.2	1.26
Европеонды Европы	69	1745	55	83.1	1.45
Тихоокеанские монголоиды	55	1706	51	86.9	1.06
Континентальные монголоиды	38	1729	84	80.5	2.12

Приведенные данные служат хорошим сравнительным фоном для оценки соответствующих величин, полученных при изучении краниологической серии памятника Шуллауктепе (средневековый Несеф).

Некрополь Несефа представляет собой городское кладбище IX—XII вв., расположенное недалеко от современного г. Карши Кашкадарьинской области Узбекской ССР. Краниологический материал добыт, реставрирован и статистически обработан Т. Мухамеджановым.

Сохранность серии — средняя, для наших исследований можно было использовать лишь 27 мужских и 24 женских черепа. Приводим средние абсолютные размеры черепной коробки этой серии:

Шуллауктепе	<i>n</i>	Продольный диаметр		Поперечный диаметр		Высотный диаметр	
		$\bar{x}$	σ	$\bar{x}$	σ	$\bar{x}$	σ
♂	27	180.0	7.7	148.9	4.9	137.7	5.6
♀	24	173.2	4.5	141.1	6.6	133.3	5.5

Согласно публикации В. П. Алексеева и Г. Ф. Дебеца⁷, мужские черепа этой серии обладали средней длиной, большими шириной и высотой; женские — тоже средней длиной, большими шириной и высотой. И мужчины, и женщины — брахикранны, но мужчины несколько более — соответствующие показатели равны 83.6 и 82.1.

⁷ Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф. Краниометрия. М., 1964.

Представляем данные этой серии по генерализованным параметрам V , M^3 и h^2 :

Шуллуктепе	n	Продольный диаметр		Поперечный диаметр M^3		Высотный диаметр	
		$\bar{x}$	σ	$\bar{x}$	σ	$\bar{x}$	σ
Ф	27	1504	95	1842	186	84,4	4,2
	24	1375	135	1641	138	85,2	3,8

Сравнив данные по параметрам M^3 и h^2 с результатами исследований шуллуктепинских черепов, делаем вывод: изучаемая серия в панайкуменном масштабе обладает очень крупными размерами черепа.

Так как по краниологическому описанию эта серия европеоидная, а по величинам наших генерализованных параметров она сильно отлична от европеоидов Западной и Восточной Европы и Кавказа (неопубликованные данные), то ее следует квалифицировать как гиперморфную форму южноевропеоидного краниологического типа. От континентальных монголоидов она отличается большей относительной и абсолютной высотой свода, от южноевропеоидных — большей условной величиной черепной коробки.

Ниже представлены данные по параметрам M^3 и h^2 по некоторым среднеазиатским поздним краниологическим сериям (0). Исходные данные взяты из книги В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой «Палеоантропология Средней Азии».

Краниологическая серия, исследователь	n	M^3	h^2
Ташкент, Шейхантаур (Гинзбург)	208	1770	85.3
Боз-Су (Фирштейн)	44	1708	84.7
Самарканд (Гинзбург)	41	1760	85.0
Бухара (Гинзбург)	10	1848	85.0
Коканд, Ак-Мазар (Залкинд)	9	1716	81.6
Самарканд, Ирани (Залкинд)	16	1706	86.0
Горан (Рычков)	64	1612	84.6
Ишкашим (Рычков)	53	1607	84.5
Вахан (Рычков)	8	1577	83.5
Рушан (Рычков)	11	1585	85.8
Шугнан-Шахдара (Рычков)	15	1671	79,8
Шуллуктепе (Мухамеджанов)	27	1842	84.4

Приведенные данные свидетельствуют о том, что представленные среднеазиатские краниологические группы довольно слабо отличаются между собой по относительной высоте черепа — в мировом масштабе он средний, но немного выше, чем у континентальных монголоидов. Исключение в этом отношении составляет группа шугнанцев (Шахдара) — у них очень низкая относительная высота свода. По условной же величине межгрупповой разброс очень велик. Исследуемые серии из Шуллуктепе и Бухары обладают максимальной величиной этого параметра. К ним приближаются краниологические серии из Самарканда и Таш-

кента. Самое минимальное значение величины черепной коробки у памирских групп, что соответствует данным по соматологии современного населения Средней Азии.

А. А. АБДУРАЗАКОВ

ХИМИЧЕСКИЕ СОСТАВЫ КЕРАМИКИ И ГЛАЗУРЕЙ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ УЗБЕКИСТАНА

Узбекистан — край уникальнейших исторических и архитектурных памятников. В его древних городских центрах — Самарканде, Бухаре, Хиве — сосредоточены ценнейшие памятники средневекового зодчества. Они представляют интерес не только как свидетельство деятельности выдающихся личностей или отображение исторических эпох, но и как показатель или мерило мастерства плеяды замечательных мастеров и строителей того времени.

В этих произведениях древности аккумулированы и запечатлены опыт, знания и традиции, выработанные человечеством в течение многих тысячелетий. В настоящее время, изучая те или иные памятники, мы не можем ограничиться результатами только визуального наблюдения. Более важно исследование их материальной основы, т. е. состава, структуры изделий, рецептуры и технологии, сырьевых источников и т. п. Комплексное химико-технологическое исследование, наряду с другими данными, позволяет выявить уровень развития производства строительных материалов и проследить истоки сложения и развития отдельных рецептов глазурей и их оснований. Изучение подобных вопросов имеет не только технологическое значение, но и является критерием оценки уровня развития производительных сил на той или иной территории, так как без наличия определенных знаний и сырьевой базы нельзя организовать производство. Результаты исследования древних материалов как из археологических раскопок, так и архитектурных памятников, позволяют изучить также и уровень развития химических, биологических, геологических и других отраслей у отдельных народов в определенные исторические периоды, их вклад в соответствующие разделы науки.

Изучение архитектурной керамики Узбекистана было начато нами в 1971 г. Объектом исследования послужили керамические основания и глазури из многих памятников Узбекистана и прилегающих к нему районов, а также современные изразцы, изготовленные в самаркандских реставрационных мастерских¹. Параллельно, на базе экспериментальных данных по водопоглоще-

¹ Отчет по теме: «Физико-химические и технологические исследования облицовочной керамики Самаркандских памятников» (1971—75 гг.). Самарканд, 1975. С. 1—48. Институт археологии АН УзССР.

нию, морозоустойчивости, коэффициенту термического расширения образцов керамики и их глазурей, нами была сделана попытка дать оценку качеству древних и современных архитектурных строительных материалов.

Большая часть материалов была изучена методом спектрального анализа, что позволило установить только приблизительный состав компонентов в исследуемых образцах. Отсутствие же точных данных о количественном содержании примесей в глазурях и керамических основаниях не давало возможности ставить вопрос о восстановлении древних рецептов глазурей, их происхождении и культурной принадлежности, направлении развития техники производства изразцов. Поэтому главное внимание нами было уделено химическому анализу образцов, результаты которого легли в основу настоящей работы.

Химические составы керамических соединений. В отечественной научной литературе слабо освещены химические анализы древних строительных материалов, в особенности архитектурной керамики. Впервые такая работа была проведена академиком АН БССР М. А. Безбородовым, опубликовавшим в 1946 г. результаты химических анализов мозаичных изразцов и их глазурей из мечети Анау в Туркмении². Позднее спектроскопическими исследованиями глазурных покрытий занимались П. И. Балабан и М. К. Рахимов³. Большая работа по изучению керамики из центров Узбекистана была проделана Н. С. Гражданкиной⁴. Однако публикация этого автора содержит в основном химические анализы керамических оснований, а данные по их глазурям отсутствуют.

В статье Ф. А. Бурнашевой, посвященной глазурным поливам керамической посуды Афрасиаба (X—XII вв.), приводятся химические анализы голубой и синей глазурей⁵.

Таким образом, если по керамическим основаниям уже накоплен определенный аналитический материал, то по глазурям он еще далеко не достаточен для полной характеристики, и эти сведения не дают достаточного представления об их фактическом состоянии и разнообразии химических типов. В связи с этим далее излагаются результаты химико-аналитических исследований, полученных в ходе изучения указанных материалов.

В таблице 1 приведены химические составы керамических оснований, изготовленных на протяжении X—XVII вв. на террито-

---

² Безбородов М. А. Мозаичные резные изразцы средневекового Анау// ДАН СССР. Т. 51. М., 1946. № 5.

³ Балабан П. И., Рахимов М. К. Средневековые глазури Узбекистана//Стекло и керамика. М., 1955. № 5.

⁴ Гражданкина Н. С. К истории керамического производства в Средней Азии//ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 178, 179.

⁵ Бурнашева Ф. А. Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X—XII вв.//ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963. С. 137—143.

Химические составы керамики архитектурных

№	Место взятия пробы	Датировка	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃
1	Изразец из мавзолея Султан-Саадата в Термезе	XI в.	58,54	13,76	7,02
2	Изразец из-под голубой глазури из мавзолея Айша-биби.	XII в.	61,96	11,80	3,38
3	Изразец из мавзолея Уста-Али (546/5)	XIV в.	58,17	11,78	3,93
4	Изразец из мавзолея Занги-Ата (227)	XV в.	56,79	13,43	5,09
5	Изразец из-под голубой глазури из мавзолея Занги-Ата (228)	XV в.	56,26	13,00	4,61
6	Изразец из-под синей глазури из мавзолея Занги-Ата (228)	XV в.	56,56	13,31	4,54
7	Изразец из мавзолея Сайида-Аллауддина в Хиве (235)	XV—XIX вв.	55,79	15,58	6,18
8	Керамическое основание из-под голубой глазури из мавзолея Безымянного в Шахи-Зинде (391 и 3/142)	XIV в.	56,18	12,94	4,43
9	Изразец из мавзолея Ходжа-Ахмада в Шахи-Зинде	XIV в.	56,07	12,94	4,25
10	То же (32 из/49)	XIV в.	56,42	14,35	5,72
11	То же из-под глазури (199/203)	XIV в.	57,62	17,27	1,08
12	Изразец из медресе Улугбека в Бухаре (49)	XV в.	56,72	15,58	5,91
13	Изразец из медресе Абдуллахана в Бухаре (580)	конец XVI в.	58,98	15,00	5,63
14	Изразец из площади Регистан (материалы Л. Г. Брусенко)	XV—XVI вв.	58,13	12,90	4,80
15	Керамическое основание из-под глазури Биби-Ханым	XV в.	62,54	12,92	3,53
16	Керамическое основание из-под голубой глазури из Надыр-Диван-беги	XVII в.	58,60	8,68	3,71
17	Купольный изразец из-под голубой глазури ССНРПМ (1/2)	1970—1976 гг.	46,14	12,79	3,79
18	То же (1/1)	"	47,90	12,92	3,99
19	То же (1/3)	"	46,33	12,90	3,80
20	Керамическая плитка из-под синей глазури ССНРПМ (2/2)	"	46,94	13,81	4,16
21	То же (2/4)	"	53,83	13,81	4,16
22	Керамическое основание из-под голубой глазури БСНРПМ	1978 г.	58,48	8,45	2,95

Примечание; Анализы № 2, 3, 15, 22 выполнены аналитиком

Таблица 1

памятников Узбекистана (%)

CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O	ппп	TiO ₂	Mn ₂ O ₃	SO ₃	Сумма
11,0	2,38	3,49	2,94	1,18	—	—	0,12	100,43
10,27	5,23	2,48	1,95	0,09	P _{во} =0,81 0,35	0,09	1,20	99,63
10,62	5,65	3,44	1,25	3,36	P _{во} =0,21 0,28	0,06	1,14	99,89
11,49	3,37	3,04	2,02	4,76	—	0,08	—	99,98
12,43	2,67	3,37	0,85	5,52	0,03	0,08	1,02	99,87
12,59	3,46	3,25	2,39	2,38	0,53	0,04	0,99	100,04
11,46	3,88	4,72	2,44	1,32	—	0,09	—	100,46
11,66	2,81	4,33	2,65	5,31	—	—	—	100,40
11,33	2,47	4,59	2,21	6,03	—	—	—	100,59
11,27	1,29	4,20	4,00	1,95	—	—	0,39	99,59
5,07	2,19	4,81	0,24	5,73	P _{во} =4,18 0,03	C _{но} =0,35 0,08	0,89	99,54
11,00	3,13	3,43	1,02	4,50	0,32	0,05	—	100,66
9,94	2,67	4,46	2,00	1,36	—	0,09	—	100,12
10,74	2,27	3,42	2,29	6,08	—	—	—	100,67
5,01	2,42	3,22	1,02	6,34	P _{во} =0,95 —	1,86	—	99,81
9,31	4,74	4,50	2,47	7,90	C _{но} =0,01 —	0,02	—	99,36
14,08	3,21	7,97	2,87	2,17	P _{во} =5,47 0,03	SnO ₂ =0,87 0,07	0,08	99,54
14,42	2,29	9,54	3,06	0,57	P _{во} =4,12 0,07	V=0,95 0,09	0,07 0,06	99,47 99,43
14,90	3,34	8,09	2,99	1,08	P _{во} =4,87 —	V=1,02 0,05	—	—
14,36	3,03	4,60	2,17	10,08	0,07	0,03	0,05	99,22
14,36	3,03	4,60	2,17	2,86	0,07	0,03	0,73	99,68
10,54	0,23	3,29	1,69	1,14	— P _{во} =12,60	0,52	—	99,75

М. Даврановой, остальные — С. Джалаловой.

рии УзССР и КазССР. Кроме того, в ней даны подробные сведения по современным изразцам.

Как следует из таблицы 1, химические составы керамических оснований архитектурных памятников республики и сопредель-

Таблица 2

Химические составы керамики архитектурных памятников Узбекистана (%)

№	Место взятия пробы	Датировка	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO
1	Изразец из мавзолея Занги-ата (226)	XV в.	85,04	3,94	0,74	2,78
2	Керамическое основание из-под черной глазури из Биби-Ханым	.	84,16	3,41	1,01	3,44
3	То же из-под желтой глазури	.	86,05	3,46	0,92	2,38
4	То же из-под голубой глазури	.	86,90	3,41	0,92	2,65
5	То же из-под зеленой глазури	.	87,23	3,07	0,92	3,17
6	Керамическое основание из-под белой глазури из Надыр-Диван-беги	XVII в.	81,14	6,40	1,62	4,31
7	Основание из-под белой глазури	XIV в.	82,76	4,60	2,02	4,24
8	Основание из-под синей глазури (хранится в лаборатории)	XV в.	89,09	2,31	2,15	2,54
9	Песок Чупан-Атинского месторождения	—	86,27	4,65	0,29	2,00

№	MgO	Na ₂ O	K ₂ O	лпп	TiO ₂	MnO	SO ₂	Сумма
1	1,62	2,19	1,00	1,79	—	0,06	0,32	99,48
2	1,94	3,17	1,26	2,29	—	—	—	100,64
3	1,51	3,00	1,20	1,59	—	—	—	100,05
4	1,83	2,83	1,06	1,22	—	—	—	100,03
5	1,73	3,03	1,02	0,38	—	—	—	100,54
6	2,60	1,02	1,30	1,05	—	0,03	—	99,47
7	1,68	1,93	1,45	1,87	—	0,03	—	99,48
8	1,11	1,09	0,52	1,01	—	0,02	—	99,83
9	0,70	2,13	1,00	2,62	0,05	0,10	0,10 P ₂ O ₅ =0,21	100,03

Примечание: Все анализы выполнены аналитиком С. Джалаловой.

ных территорий (мавзолей Айша-биби находится на территории Казахской ССР) в целом сходны и хронологически или территориально их разделить или сгруппировать практически невозможно. Если судить по количественному содержанию главных химических компонентов, составляющих основу материала, то кремнезем колеблется от 55 до 59%, за исключением двух случаев (№ 2 и № 15), когда процентное содержание его доходит до

61,96 и 62,54% соответственно. Такие же близкие соотношения химических компонентов и по количеству второго главного компонента: глинозема. Его содержание в целом во всех памятниках колеблется в пределах 12—15% и только в двух случаях — в мавзолее Ходжа-Ахмада в Шахи-Зинде и медресе Надир-Диванбеги — в пределах 17,27 и 8,68% соответственно. Содержания всех остальных химических компонентов очень близки, они лежат в пределах их значений, встречаемых в составе местных керамических глин. То же можно сказать и о главных окислах керамики — кремнеземе и глиноземе. Их содержание также колеблется в тех пределах, которые обычны для местных сортов керамических глин, анализы не дают основания предполагать намеренный ввод этих компонентов через какие-либо сырьевые материалы.

Наряду с основными и второстепенными (по количественному их содержанию) химическими окислами во многих анализах встречаются и такие компоненты, которые нельзя считать введенными за счет составов глин. К ним относятся окислы свинца в анализах № 2, 3, 11, 15, 17—19, 22, окись меди в анализах № 11, 16 и окись олова в анализах № 17—19. Их присутствие не является результатом намеренного ввода в состав керамических оснований. Видимо, они оказались здесь за счет их содержания в составе глазурей, которыми покрывалась поверхность плиток. Эти элементы могли проникнуть внутрь керамических плиток благодаря пористости оснований и высокой температуре.

В архитектурных памятниках республики наряду с керамическими изразцами на глиняной основе встречаются также и фаянсовые, так называемые кашинные облицовочные материалы. Как свидетельствуют данные химических анализов (таблица 2), среднеазиатские фаянсы больше приближаются к современным диансовым изделиям, содержащим до 95% кремнезема. По сравнению с последними исследованные кашинные основания имеют несколько пониженное содержание кремнезема — в пределах 83—89%.

Сравнительный анализ данных таблицы 2 указывает на то, что кашинные плитки Узбекистана на протяжении XV—XVII вв. изготавливались преимущественно из кварцевых песков, закрепленных на водном растворе какого-либо клея. Вопрос о том, почему в более пористых черепках на кашинном основании отсутствуют компоненты, которые перешли к глиняным основаниям из состава глазурей, требует дальнейших исследований. Результаты сравнительного изучения современных изразцов, выпускаемых реставрационными мастерскими Самарканда и Бухары показывают, что в подборе рецептуры шихты керамических оснований мастера-реставраторы достигли определенных успехов. Так, например, количественное содержание глинозема, окислов железа, щелочей и других компонентов в продукции Самаркандской специальной научно-реставрационной мастерской (СНРПМ).

Таблица 3

Химические составы средневековых и современных синих глазурей Узбекистана (%)

№	Место взятия проб	Датировка	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O	ппп
1	Афраснаб	XI—XII вв.	67,40	2,80	2,34	6,00	3,78	12,97	2,33	—
2	Афраснаб	XI в.	46,75	3,47	0,89	4,00	1,42	3,47	1,48	P ₂ O ₅ =0,29
3	Мавзолей Айша-Биби	XII в.	50,31	12,22	2,21	5,96	1,21	4,37	1,89	1,41
4	То же (542/2)	XII в.	50,36	10,82	1,88	6,16	2,83	3,33	1,45	1,60
5	Мавзолей Уста-Али (71 из 38)	Нач. XIV в.	49,23	12,87	1,45	5,05	2,83	5,00	2,00	1,68
6	Мавзолей Бурдука (192 из 202)	XIV в.	51,86	8,39	2,13	5,41	2,67	2,02	1,29	1,85
7	Лабораторный образец	XV в.	69,40	2,29	1,30	3,43	1,30	10,55	1,40	1,20
8	Мечеть Анау	XV в.	74,47	3,02	2,84	4,44	2,38	9,51	2,73	—
9	Надир-Диван-Бети	XVII в.	60,18	6,74	3,12	4,58	2,18	11,19	2,68	1,30
10	БСНРПМ	соврем. (1978)	51,40	2,38	0,79	2,54	1,47	2,49	1,75	0,65
11	ССНРПМ	1971—75 гг.	57,95	14,30	0,48	5,18	2,24	6,71	3,80	0,14
		1976—80 гг.	40,83	13,75	2,32	5,84	0,68	2,87	2,28	1,21
		1976—80 гг.	57,95	4,29	2,12	5,66	1,78	8,34	2,52	0,96
12	Синтезированные	1960 г.	49,60	3,40	1,09	2,80	1,00	5,83	1,25	0,98

№	MnO	SnO ₂	PbO	TiO ₂	CuO	SO ₂	CoO	ZnO	Сумма
1	0,04	As ₂ O ₃ =0,30	0,17	0,08	0,08	0,60	0,50	—	99,85
2	0,03	6,78	NiO=0,06	Sb ₂ O ₃ =0,03	0,78	Cr ₂ O ₃ =0,04	1,26	0,04	99,60
3	0,04	1,50	16,81	0,04	0,03	1,08	0,74	0,03	99,82
4	0,02	1,34	18,80	0,08	—	1,20	0,32	0,02	99,91
5	0,02	2,04	16,85	0,05	—	1,02	0,26	0,02	100,37
6	0,05	4,66	18,26	0,04	—	0,64	0,62	0,03	99,86
7	0,08	2,85	5,43	—	0,03	—	0,35	—	99,61
8	0,10	—	—	0,04	—	—	0,38	—	100,18
			NiO=0,03	As ₂ O ₃ =0,15	Sb ₂ O ₃ =0,14				
9	0,03	7,09	0,36	—	0,03	—	0,29	—	99,77
10	1,14	0,31	34,38	—	0,03	1,02	0,32	0,03	99,86
11	0,01	—	8,12	0,05	0,48	0,10	0,24	0,02	99,83
	—	0,08	26,91	—	1,20	1,23	0,36	—	99,56
	—	0,53	14,01	—	—	—	0,38	—	99,48
12	—	0,75	32,30	—	—	—	0,42	—	99,40

очень близки и лежат в пределах их содержания в изразцах архитектурных памятников. Однако в анализированных пробах значительно меньше присутствует кремнезем и, наоборот, больше окиси кальция. Этот факт свидетельствует об использовании в настоящее время в Самарканде глины иного источника и состава, чем в средние века. Как видно из анализа № 21 (таблица 1), составы глин современных мастеров-керамистов постепенно приближаются к средневековым образцам. Такое же сходство и различие наблюдаются в составах изразцов Бухары: более близкие значения компонентов наблюдаются по кремнезему, окиси кальция и щелочам, и значительно в меньших количествах присутствуют глинозем, окислы железа и магния. Такие расхождения могут быть легко устранены при соответствующем проведении анализов глин из отдельных карьеров и готовой продукции реставрационных мастерских.

Химические составы синих глазурей. В таблице 3 приведены результаты химических анализов средневековых и современных глазурей, взятых из отдельных архитектурных памятников и реставрационных мастерских. Перед началом анализа глазури специальным способом приклеиваются к стеклянным пластинкам и отделяются от керамического основания путем вырезания. Затем шлифовкой удаляется остаток керамического основания, глазурный слой промывается горячей водой и высушивается. Это очень сложный процесс, поэтому, может быть, количество анализов глазурей растет так медленно. Перечень составов синих глазурей начат с данных Ф. А. Бурнашевой, которая анализировала в основном бытовые глазури, нанесенные на керамическую посуду Афрасиаба. Составы бытовых и архитектурных глазурей Афрасиаба, изготовленных в XI в., заметно отличаются. Образец последних, по-видимому, носит экспериментальный характер, и в нем отчетливо видно воздействие на рецептуру глазурей традиций, существовавших в производстве глазурованной поливной посуды. Наряду с этим сделана первая попытка ввести окиси олова и свинца в состав глазурей, причем в значительных количествах, что еще раз подтверждает мнение об экспериментальном характере образца. С XII в. по XIV в. в изученных памятниках намечается единство и сходство рецептуры синих глазурей, содержание химических компонентов в различных памятниках приобретает близкие значения. Исходя из высокого содержания главных стеклообразующих компонентов (более 3%), глазури этого периода можно отнести к одному химическому типу — $\text{Na}_2\text{O}—\text{CaO}—\text{Al}_2\text{O}_3—\text{PbO}—\text{SiO}_2$. Среди стекол древнего мира и

Примечание: Анализ № 1 заимствован из работы Ф. А. Бурнашевой „Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X—XII вв.“, анализ № 8—из работы М. А. Безбородова „Мозаичные резные изразцы Средневекового Анау“. Анализы № 3, 4, 5, 6, 10—выполнены аналитиком М. Даврановой и № 2, 7, 9, 11—аналитиком С. Джалаловой.

средневековья такие легкоплавкие составы глазурей отсутствуют. Как свидетельствуют данные анализа глазурей образцов № 7 и № 8 (из мечети Анау), этот рецепт уже в XV в. начал меняться — в составе шихты глазурей выросло содержание одного тугоплавкого компонента — кремнезема — при одновременном резком снижении процента другого тугоплавкого компонента — глинозема. В связи с повышением содержания тугоплавкого компонента (кремнезема) мастерам пришлось принять меры по снижению температуры плавления глазурей: увеличить содержание окислов, которые снижают температуру плавления глазурей, в частности щелочей. Содержание последних в глазурях XV в. увеличилось в три раза по сравнению с предыдущим периодом. Анализ глазурей медресе Надир-Диван-Беги (№ 9) свидетельствует о том, что мастера в XVII в. пытались восстановить традиционный пятикомпонентный рецепт глазурей, приблизив содержание многих компонентов к их прежним соотношениям (увеличивая содержание кремнезема и уменьшая — глинозема). Однако эта работа не была доведена до конца, и основные особенности рецептуры глазурей предыдущего периода (XIV в.) продолжали сохраняться.

Сравнение результатов анализов глазурей бухарских и самаркандских реставрационных мастерских дает основание утверждать, что подбор составов по отдельным химическим компонентам мастерами-керамистами осуществлен в целом успешно. Количественные значения компонентов составов современных глазурей во многих случаях приближаются к средневековым, но все же имеют с последними значительные расхождения. Результаты первой попытки синтеза синей глазури, выполненной в Институте археологии АН УзССР (№ 12), приводят к такому же выводу.

Исследование составов синей глазури показало, что на протяжении длительного периода — в XI—XVII вв. — в качестве главного красителя служила окись кобальта. Его концентрация в глазурях колеблется от 0,26 до 1,2%. В некоторых случаях для получения голубого оттенка добавлялось также и незначительное количество окиси меди. Результаты анализов указывают еще на один недостаток работы реставрационных мастерских — в рецептуру синей глазури не включена добавка окиси олова, тогда как она в небольшом количестве (1,34—7,09%) встречается в составе почти всех глазурей памятников XI—XVII вв. Ввод данного компонента улучшает глубину синего цвета глазури путем незначительного глушения ее красящей основы.

Химические составы голубых глазурей. На основе обобщения химико-аналитических данных по голубым глазурям (таблица 4) можно отметить, что анализ № 1, относящийся к бытовым глазурям, значительно отличается по составу от других образцов архитектурной керамики. В отличие от синих, здесь введены все те химические компоненты, которые обычно содержатся в архитектурных глазурях, но содержание окислов несколько иное. Рецепты шихты голубых глазурей на протяжении длительного пе-

риода — с XI по XVII вв. — в целом оставались постоянными за исключением небольших изменений в содержании отдельных хи-

Таблица № 4

Химические составы средневековых и современных голубых глазурей Узбекистана (%)

№	Место взятия пробы	Датировка	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O
1	Афрасиаб	XI—XII вв.	53,40	1,10	0,74	4,06	2,82	10,57	1,11
2	Афрасиаб	XI в.	43,82	4,98	2,81	5,32	0,81	4,87	2,49
3	Мавзолей Ходжа-Ахмада в Шахи-Зинде	XIV в.	50,96	3,48	2,72	6,30	3,53	4,53	1,61
4	Мавзолей Уста-Али 71/из 38	XIV в.	52,81	4,65	1,79	6,85	3,36	2,71	1,79
5	Мавзолей Биби-Ханым	нач. XV в.	41,46	8,10	2,74	5,05	2,15	4,08	2,81
6	Мечеть Анау	XV в.	71,14	1,22	0,53	4,04	3,04	14,79	2,83
7	Мавзолей Анау	XV в.	76,31	2,91	0,46	3,34	2,41	14,49	2,88
8	Медресе Надыр-Диван-беги	XVII в.	56,02	5,39	2,00	4,21	2,60	7,90	2,01
9	БСНРПМ	1978 г.	55,06	2,20	1,89	2,70	1,39	6,72	3,08
10	ССНРПМ	1976—80 гг.	44,96	5,66	2,51	5,41	0,76	5,32	2,12

№	ppp	MnO	SnO ₂	PbO	TiO ₂	CuO	SO ₂	CoO	ZnO	Сумма
1	— Cr ₂ O ₃ =0,02	следы	10,00	12,62	0,07	2,95	0,40	—	— P ₂ O ₅ =0,11	99,99
2	1,41	0,01	5,80	26,01	—	0,98	0,01	0,59	—	99,91
3	1,83	0,07	5,62	16,72	0,03	0,84	1,48	—	0,03	99,75
4	1,22	0,08	4,85	19,08	0,14	0,40	0,08	—	0,02	99,83
5	1,70	0,05	4,81	24,11	0,06	0,96	1,62	—	0,02	99,82
6	—	—	—	0,04	0,05	1,84	0,48	—	—	99,75
7	—	—	—	0,60	следы	0,58	0,48	—	—	100,47
8	1,90	0,02	4,18	12,38	—	1,26	—	—	—	99,87
9	0,80	1,02	3,20	20,69	0,02	0,62	1,07	—	0,07	100,03
10	1,68	—	6,90	19,31	—	0,84	3,24	0,58	—	99,38

Примечание: Анализ № 1 заимствован из работы Ф. Бурнашевой „Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X—XII вв.“, а № 6 и 7 — М. А. Безбородова „Мозаичные резные изразцы Средневекового Анау“. Анализы № 3, 4, 5, 9 выполнены аналитиком М. Даврановой. № 2, 8, 10 — С. Джалаловой.

мических компонентов. Однако последнее обстоятельство древние мастера могли и не заметить, так как такое колебание содержания зависело не от меры объема или веса, а от особенности

Химические составы древних и современных глазурей
Узбекистана (%)

№	Место взятия пробы и цвет глазури	Датировка	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O
1	Белая из комплекса Шахи-Зинда (западный коридор)	XIV в.	63,80	2,56	1,72	3,42	2,01	10,32	1,65
2	Белая из медресе Надир-Диванбеги	XVII в.	68,00	4,66	2,33	4,13	1,77	10,04	3,38
3	Белая из мечети Анау	XV в.	75,10	2,38	0,43	5,14	3,68	10,25	3,83
4	Белая БСНРПМ	1978 г.	36,58	13,3	0,72	2,79	0,49	4,52	3,33
5	Белая ССНРПМ	1978 г.	54,21	2,72	1,49	3,92	1,21	9,61	1,45
6	Коричневая из мавзолея Эмира Бурундука (192,202)	XIV в.	51,16	2,49	1,21	6,31	3,75	4,58	1,91
7	Коричневая БСНРПМ	1978 г.	50,08	3,28	2,42	1,76	0,28	3,22	1,80
8	Желтая БСНРПМ	1978 г.	40,90	3,21	2,81	2,23	0,68	6,69	3,06
9	Желтая ССНРПМ	1978—80 гг.	59,13	0,16	0,18	1,64	0,53	4,70	0,29
10	Фиолетовая из мечети Анау	XV в.	76,24	1,12	0,53	4,14	2,63	9,46	2,88
11	Зеленая ССНРПМ	1976—80 гг.	32,00	5,25	1,23	3,08	2,00	6,84	0,33
12	Черная ССНРПМ	1976—80 гг.	35,10	3,53	1,18	2,96	0,21	1,48	0,74

№	ppp	MnO	SnO ₂	PbO	TiO ₂	CuO	SO ₂	CoO	ZnO	Сумма
1	1,77	0,02	2,39	9,82	—	—	—	—	—	99,48
2	1,14	0,02	3,79	0,40	—	0,04	0,05	—	—	99,69
3	—	—	0,08	—	—	—	0,48	—	—	100,57
4	5,70	0,98	11,40	18,39	0,02	0,02	1,60	—	0,03	99,84
5	0,93	—	4,00	19,92	—	—	—	—	—	99,46
6	1,46	4,00	0,08	21,94	0,09	—	0,80	—	0,62	99,80
7	0,28	4,11	—	31,38	—	0,05	0,98	—	0,05	99,69
8	1,32	0,14	3,88	28,94	0,05	0,03	1,10	—	0,06	99,88
9	0,67	—	8,46	27,13	—	—	—	Sb ₂ O ₃ =4,84	—	99,41
								Sb ₂ O ₃ =5,47		

№	ppp	MnO	SnO ₂	PbO	TiO ₂	CuO	SO ₂	CoO	ZnO	Сумма
10	—	1,39	— Sb ₂ O ₃ —следы	—	0,05	—	0,47	—	—	99,56
11	1,00	—	—	46,51	—	1,50	—	—	—	99,74
12	0,64	—	1,13	52,70	—	—	—	—	—	99,63

Примечание: Анализы № 1, 3, 5, 9, 11, 12 выполнены аналитиком С. Джалаловой, № 4, 6, 7, 8—аналитиком Даврановой М., результаты анализов № 2 и 10 заимствованы из работы М. А. Безбородова „Мозаичные резные изразцы Средневекового Анау“

сырья, и в пределах одного и того же месторождения или территории зависело от многих факторов. Если учитывать составные части, составляющие более 3% содержания глазурей, то все анализируемые образцы можно отнести в основном к одному химическому типу — Na₂O—CaO—Al₂O₃—PbO—SiO₂ с высоким содержанием окиси олова. Исключение составляют глазури только одного памятника — мечети Анау в Туркмении (анализы № 6, 7), которые являются щелочно-кремнеземными, относящимися к химическому типу — Na₂O—CaO—SiO₂. Может быть, при возведении мечети Анау работали мастера-ремесленники, которые больше занимались стеклоделием, нежели керамическим производством, так как указанный трехкомпонентный состав более характерен стеклу, чем архитектурным глазурям. Сравнение результатов анализов позволяет сделать и другой вывод — о близости химических составов глазурей Афрасиаба (№ 2) и мавзолея Биби-Ханым (№ 5). Следовательно, традиционный состав архитектурных глазурей существовал на территории Самарканда с XI до начала XV в.

Он был несколько иным лишь в комплексе Шахи-Зинды, но очень незначительно, так как стеклообразная основа глазурей и все виды сырьевых компонентов сохранялись полностью. Исходя из анализов глазурей медресе Надир-Диван-беги, можно допустить, что их традиционный состав сохранялся в Самарканде до XVII в., когда произошли незначительные колебания содержания отдельных компонентов. Однако общая композиция рецептуры продолжала оставаться прежней. Сравнивая результаты анализов, можно установить успехи и просчеты современных реставрационных мастерских в подборе рецептуры глазурей. Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что содержание некоторых компонентов бухарских мастеров-керамистов очень близко образцам средневековых глазурей, однако заметны и значительные расхождения. Глазури БСНРПМ можно отнести в другой химический тип — Na₂O—PbO—SiO₂, содержащий в своем составе заметный процент окиси калия и олова. На фоне общего количества анализов их можно причислить к одному средневековому типу глазурей. Работу самаркандских мастеров по подбору ре-

цептуры голубой глазури можно считать более успешной, чем бухарских, так как содержание отдельных химических компонентов и соответствующий химический тип глазури идентичны древним. На основе химических анализов можно рекомендовать бухарским мастерским добавку в рецептуру голубых глазурей около 10% глинозема, при этом уменьшая содержание вводимого кварца или кварцевого песка, а самаркандским — несколько повысить количество вводимого в состав шихты глазури кремнезема за счет увеличения добавки кварцевого песка или кварца. В заключение можно сказать, что во всех исследованных глазурях голубой цвет достигался путем добавки к стеклообразной основе окиси меди в пределах от 0,4 до 1,84% и только в одном случае — на Афрасиабе — с окисью меди одновременно добавлялась окись кобальта (0,59%).

Химические составы цветных глазурей. В таблице 5 глазури сгруппированы по цвету. Три из пяти анализов белых глазурей (№ 1—3) взяты из архитектурных памятников, датированных XIV—XVII вв., две — из современных (№ 4, 5). Состав белых глазурей, хотя их можно причислить к одному типу — Na_2O — CaO — SiO_2 — с некоторыми добавками других компонентов, резко колеблется по количественному содержанию отдельных химических окислов. Основным красителем белых глазурей является окись олова, которая, согласно таблице, присутствует в двух анализах из трех. Отсутствие ее в составе глазурей из мечети Анау вызывает недоумение. Только в одном случае (XIV в.) практиковалась добавка к белой глазури окиси свинца. Резко отличается от архитектурных глазурей белая полива Бухарской реставрационной мастерской. Здесь кремнезем вводится, по-видимому, не за счет кварца или кварцевых песков, а, как свидетельствует высокое содержание Al_2O_3 , за счет каолиновых глин. Чрезвычайно высоко в Бухарских глазурях также содержание окисей олова и свинца. Необходима коренная переделка рецептуры в соответствии с анализами глазурей из бухарских памятников. Более близки к традиционному составу белых глазурей составы самаркандских образцов из реставрационных мастерских. Однако для большего сближения составов необходимо немного повысить содержание кварцевого песка и понизить — окиси свинца.

В таблице 5 приводятся анализы коричневых глазурей из мавзолея Эмира Бурундука (№ 6) и БСНПРМ (№ 7). Основу глазури составляет тип Na_2O — CaO — PbO — SiO_2 с высоким содержанием красящего окисла марганца. Значительно ближе по составу и глазури БСНПРМ, однако целесообразнее в составе шихты последних увеличить количество доломитизированного известняка, щелочей (ишкора) и несколько снизить процент окиси свинца.

Аналитиками исследованы также и желтые глазури, однако образцы желтой глазури вследствие их ограниченного распространения получены не были. Пришлось ограничиться образцами

из реставрационных мастерских, рецептура которых в целом сходна. Разница наблюдается, в основном, в содержании кремнезема, щелочей и окиси свинца. Красителем служит окись сурьмы. Состав фиолетовой глазури из Анау (№ 10) аналогичен другим составам глазурей, изготовленным там же. Небольшая разница — в содержании окиси марганца, являющейся основным красителем. Зеленая и черная глазурь ССНРПМ (№ 11, 12) в целом однотипны, отличаются лишь по содержанию щелочных компонентов и красителями. В качестве красителей для зеленой глазури используется окись меди, для черной — перманганат калия, содержание которого не удалось определить аналитически.

Таким образом, в 1976—1980 гг. нам удалось исследовать химические составы изразцов многих памятников и реставрационных мастерских республики, а также продолжить изучение керамических оснований тех памятников, которые ранее не были объектом исследования.

Полученные в ходе исследований химико-аналитические данные помогут восстановить утраченные рецептуры древних глазурей, повысить качество и научный уровень реставрационных работ в СССР.

М. А. РЕУТОВА, Ш. ИЛЬХАМОВ

ПРИМЕНЕНИЕ РЕАКЦИИ ПОЛИУРЕТАНООБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ КОНСЕРВАЦИИ ЛЕССОВЫХ ОБЪЕКТОВ

Археологические экспедиции разных лет открыли большое число памятников архитектуры как времени развитого средневековья, так и более древних эпох. Среди них — буддийское святилище в Айртаме и Фаязтепе и оформленный резным шtukом средневековый дворец в Старом Термезе, могучая фортификация древних и раннесредневековых крепостей Хорезма и большой ряд других древних дворцов и храмов, раннесредневековых замков, жилых кварталов и культовых построек.

Монументальные постройки Топраккалы, Афрасиаба, Термеза, Пенджикента, Ташкента и другие представляют собой сложные и разнообразные архитектурные сооружения. Большинство из них являются настолько уникальными, что переоценить значение их как в научном, так и эстетическом плане очень трудно.

К сожалению, многие интереснейшие объекты, открытые археологами, безвозвратно утрачены из-за отсутствия эффективных способов их консервации. Тысячелетиями находившиеся под землей эти памятники, будучи раскопанными, активно начинают разрушаться, подвергаясь воздействию атмосферных факторов, поэтому в последние годы параллельно с расширяющимися археологическими исследованиями ведется интенсивный поиск методов консервации сырцовых сооружений. Однако некоторые

предложенные варианты оказались неэффективными из-за порчи внешней фактуры объектов¹.

Перспективным в этом отношении является использование реакций полиуретанообразования внутри лессовой основы. Полиуретаны являются классом полимерных материалов, имеющих большое техническое значение. Изменяя структуру и свойства полиуретанов, удается получить самые разнообразные материалы — твердые и мягкие эластомеры, жесткие и эластичные пеноматериалы и т. д.

Свойства полиуретановых покрытий — хорошая адгезия к различным подложкам, превосходная водо- и атмосфероустойчивость, стойкость к различным реагентам, в том числе к факторам внешней среды — открывают путь к их использованию для консервации сырцовых архитектур².

Известно, что полимеризацией диизоцианатов в порах лессовых объектов получены полимерные материалы, стабилизирующие лессовые материалы³. Однако в процессе полимеризации образуются низкомолекулярные полимеры и остаточные мономеры. Одним из путей ускорения реакции полимеризации остаточных групп является использование полиолов, поэтому стабилизация лесса изучалась нами посредством проведения реакций полиуретанообразования в порах лессовых объектов путем взаимодействия диизоцианата с глицерином в присутствии катализаторов.

В качестве исходного мономера использовали смесь изомеров 2,4-, 2,6-толуилендиизоцианата в соотношении 65 : 35.

Для изучения свойств полиуретановых покрытий приготавливались модельные кубики из глины и песка размерами 3×3×3 см. Они пропитывались сначала спиртом, а затем диизоцианатом. Увеличение механической прочности образца свидетельствует о происходящей полимеризации в его поверхностном слое.

Для выявления оптимальной концентрации компонентов: спирта, диизоцианата, катализатора — испытывали несколько вариантов путем варьирования концентраций. При этом руководствовались требованиями, предъявляемыми к закрепляющим материалам.

О влиянии концентрации диизоцианата и глицерина на изменение прочности полиуретановых покрытий свидетельствуют следующие данные:

---

¹ Фридман О. М., Чепко Е. С., Дереникьян Г. С., Машков А. А. Термический метод консервации сырцовых сооружений//Художественное наследие (хранение, исследование, реставрация) 3/33. 1977. С. 172.

² Саундерс Дж. Х., Фриш К. К. Химия полиуретанов. М., 1968. С. 17.

³ Абдуразаков А. А., Камбаров М. К., Ильхамов Ш. Новый способ закрепления древних объектов//ОНУ. 1974. № 4. С. 46, 47; Ильхамов Ш. Полимеризация диизоцианатов в лессовых объектах//Узбекский химический журнал. 1981. № 4. С. 41.

$C_{\text{глицерина}}$	$P_{\text{сж.}}$	$C_{\text{диизоцианата}}$	$P_{\text{сж.}}$
0	14,30	0	14,30
0,5	52,90	10	43,50
1	53,94	20	40,42
5	57,57	30	57,10
10	55,79	40	56,44
20	53,71	50	64,95
		60	59,42

(C — процентная концентрация, $P_{\text{сж.}}$ — механическая прочность на сжатие в кг/см^2).

Исследования показали, что образцы, пропитанные пятипроцентным раствором спирта, имеют максимальное значение прочности — $57,57 \text{ кг/см}^2$. Дальнейшее увеличение концентрации спирта приводит к ускорению реакции полиуретанообразования лишь на поверхности объекта и, следовательно, к более поверхностному закреплению.

Увеличение концентрации диизоцианата ведет к соответственному повышению прочности полимерного покрытия. Однако начиная с пятидесятипроцентной концентрации наблюдается заметное потемнение фактуры лесса и понижение глубины пропитки. Эти два явления неприемлемы в практике консервации археологических материалов. За оптимальную концентрацию мономера для проведения реакции полиуретанообразования принят тридцатипроцентный раствор в присутствии катализатора.

Кроме того, было изучено влияние природы катализатора на процесс закрепления лессовых образцов.

О влиянии концентрации катализаторов — пиридина и триэтиламина — на прочность и глубину полимеризации в твердой подложке свидетельствуют следующие данные:

Концентрация катализаторов (%)	$P_{\text{сж.}}$		Глубина пропитки (см)	
	триэтиламин	пиридин	триэтиламин	пиридин
0	14,30	14,30	—	—
0,5	26,80	44,86	0,7	0,8
1	56,75	56,13	1,3	1,2
2	47,52	42,99	0,7	1,0
3	43,94	41,62	0,6	0,8
4	47,20	48,20	0,6	0,7
5	59,10	56,63	0,5	0,6

Как следует из приведенных данных, наблюдаются два максимальных значения прочности полимерного покрытия. Для триэтиламина при концентрации 1% значение прочности — $56,75 \text{ кг/см}^2$ и при 5% концентрации — $59,10$. Однако глубина пропитки в первом случае 1,3 см, а во втором — 0,5 см. При использовании в качестве катализатора пиридина также наблюдаются два экстремальных значения. При 1% концентрации прочность покрытия — $56,13 \text{ кг/см}^2$, при 5% — $56,63 \text{ кг/см}^2$. Но глубина пропитки в первом случае в два раза больше, чем во втором. Это можно объ-

яснить тем, что увеличение концентрации указанных катализаторов в растворе намного ускоряет реакцию полимеризации. Мономер полимеризуется на поверхности лесового образца, не успев достаточно проникнуть в его поры. Наилучшей концентрацией для проведения реакции является 1% присутствие катализатора.

В 1983 г. растворами с выбранными соотношениями компонентов была проведена консервация некоторых участков памятников Актепе и Чачтепе в г. Ташкенте. Обследование через год показало, что полимерное покрытие достаточно устойчиво к атмосферным осадкам и влиянию света.

В. Д. РУЗАНОВ

ДРЕВНИЕ СПЛАВЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Раскопки памятников эпохи бронзы в Средней Азии, проведенные в последнем десятилетии, привели к накоплению большого по объему материала. Наиболее крупные коллекции металлических изделий связаны с земледельческими культурами, открытыми на юге Узбекистана¹, в дельте Мургаба² и Сумбарской долине³. Спектроаналитическое изучение данных находок, а также предметов, поднятых ранее, химический состав металла которых оставался неизвестным, дало важную информацию о металлах и их сплавах, употреблявшихся среднеазиатскими племенами. Настоящая работа посвящается вопросам динамики развития сплавов, различия и сходства металлов археологических культур эпохи бронзы. В ней обобщаются результаты аналитического изучения более 1550 металлических предметов из памятников земледельческих и степных культур, а также культур «расписной» керамики периода финальной бронзы. Около 1400 изделий этой коллекции спектрально проанализированы в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР⁴. Прочие включенные в обработку анализы заимствованы из работ, опублико-

---

¹ Аскарлов А. А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973; Он же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977; Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983.

² Сарнианиди В. И. Древности низовьев Мургаба//АО. 1972. М., 1973; Он же. Новые открытия в низовьях Мургаба//АО. 1974. М., 1975; Масимов И. С. Новый оазис в низовьях р. Мургаб//АО. 1975. М., 1976; Он же. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба//СА. 1979. № 1.

³ Хлопин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.: Наука, 1983.

⁴ Пользуясь случаем, выражаем признательность А. А. Аскарлову, И. С. Масимову, В. И. Сарнианиди, И. Н. Хлопину, М. А. Итиной, Б. А. Литвинскому, Ю. А. Заднепровскому, Н. М. Виноградовой и другим исследователям за предоставленные материалы.

ванных Б. А. Литвинским⁵, Я. Г. Гулямовым⁶, Е. Е. Кузьминой⁷, Ф. Г. Комаровской⁸ и Л. Б. Кирчо⁹.

Прежде чем перейти к характеристике металлов культур Средней Азии, остановимся на вопросе о границах разделения сплавов на искусственные и естественные¹⁰. Статистическое исследование содержания примесей показывает, что в эпоху бронзы приплавами к среднеазиатской меди являлись олово, свинец и мышьяк. Границы ввода данных лигатур различаются между собой. Если для олова граница определяется примерно с 0,8%, то у сплавов, представляющих свинцовые и мышьяковистые бронзы, этот рубеж выше — 3%. Эти данные были получены при обработке результатов анализа металла южных культур Средней Азии. Столь высокая концентрация объясняется геохимическим своеобразием рудной базы, питавшей сырьем металлообрабатывающее производство южных районов региона. Имеются сведения о том, что данная медь выплавлялась из полиметаллических руд с большим содержанием мышьяка и свинца¹¹. Некоторые рецептурные показатели металла степных племен и их южных соседей сходны, другие — различны. Например, граница отчленения оловянистых бронз фиксируется примерно в той же области концентрации 0,8—1%. Также встречаются сплавы с добавками мышьяка в 3% и выше. Что касается свинцовых бронз, то их рубеж ниже — 1%. Интересные данные получены при сопоставлении сплавов третьей общности — культур расписной керамики с материалами земледельческих культур типа Намазга VI и степных племен. Оказалось, что границы оловянистых, свинцовых и мышьяковистых бронз из ферганских и ташкентских памятников этой общности находят соответствия в материалах южных памятников второй половины II тыс. до н. э., а металл южных общинников эпохи финальной бронзы сходен со сплавами степных культур.

Среди изделий, изученных нами, а также Б. А. Литвинским¹²,

⁵ Литвинский Б. А., Окладников В. А., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов//Т. 33. Душанбе, АН ТаджССР, 1962; Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад: АН ТаджССР, 1954.

⁶ Гулямов Я., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Зарафшана. Ташкент: Фан, 1966.

⁷ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии//САИ. Вып. 4—9. М., 1966.

⁸ Комаровская Ф. Г., Панарин С. А. Химический состав металлических изделий из памятников Арханьского Дахистана//КД. Вып. 3. Ашхабад, 1970.

⁹ Кирчо Л. Б. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе//СА. 1980. № 1.

¹⁰ Эти сведения получены путем статистико-графической обработки результатов спектрального анализа металлических предметов.

¹¹ Сариниди В. И., Терехова Н. Н., Черных Е. Н. О ранней металлургии и металлообработке Древней Бактрии//СА. 1977. № 2.

¹² Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории. С. 26.

Е. Е. Кузьминой¹³ и Л. Б. Кирчо¹⁴, шесть отличаются высоким содержанием цинка (от 1% до 25%). Три предмета были обнаружены на поселениях Намазгатепе и Алтындепе, два — на Дальверзине и один — в Кайрак-Кумах. Сплавы с большими включениями цинка не характерны для эпохи бронзы: они, как известно, бытовали в более позднее время¹⁵.

Древняя металлургия и металлообработка Средней Азии складываются из производств трех общностей культур, различающихся между собой культурно-хозяйственным укладом, поэтому характеристика металла каждой из этих общностей рассматривалась самостоятельно. Данные о распространении типов сплавов на медной основе приведены в таблицах 1 и 2.

Сплавы общности земледельческо-скотоводческих культур. Самые ранние медные изделия Средней Азии найдены в Южной Туркмении, памятниках анауской культуры (конец V тыс. до н. э.)¹⁶. Их появление у населения подгорной полосы Копет-Дага исследователи связывают с воздействиями со стороны иранских очагов металлургического производства¹⁷. При анализе комплексов металлических изделий этой культуры, датируемых IV тыс. до н. э., были получены первые свидетельства использования анаускими мастерами искусственного сплава меди с серебром (биллона)¹⁸. Этот сплав употреблялся очень редко — только в производстве украшений. Большинство изделий, как это было установлено Е. Н. Черныхом¹⁹ и Н. Н. Тереховой²⁰, изготовлены из меди естественного происхождения, имеющей сложный состав примесей. Среди последних ведущее место занимают такие, как свинец и мышьяк, содержание которых достаточно высоко (соответственно, до 3% и 2%). Своеобразием анауского металла является отсутствие примеси олова. Исследователи полагают, что источник меди, которой пользовались анауские мастера, следует искать в районе Туркмено-Хорасанских гор²¹.

Длительное использование меди, выплавленной из руд, обогащенных свинцом и мышьяком, и большой опыт работы с ней

¹³ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия... С. 106, 107.

¹⁴ Кирчо Л. Б. Металлические изделия... С. 169.

¹⁵ Не исключено, что наличие в меди указанных предметов большой примеси цинка носит случайный характер и связано с использованием химического метода очистки металла от окислов (с помощью цинка), при котором могло произойти загрязнение пробы металла цинком.

¹⁶ Бердыев О. Новые раскопки на поселениях Песседжик-депе и Чамаклы-депе//КД. Вып. 2. Ашхабад, 1968. С. 16; Хлопин И. Н. Памятники раннего неолита Южной Туркмении//САИ. БЗ—8, Ч. 1, 1963.

¹⁷ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия... С. 87; Терехова Н. Н. Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении//Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.

¹⁸ Черных Е. Н. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры//КСИА. № 91. 1962. С. 32.

¹⁹ Там же.

²⁰ Терехова Н. Н. Металлообрабатывающее производство... С. 50—72.

²¹ Там же. С. 41.

Т а б л и ц а 1

**Распределение изделий коллекций из памятников земледельческих племен
Средней Азии по металлургическим группам**

Территория	Металлургические группы							Код-во проан. изделий	тыс. до н.э.	
	„Cu“	Cu+Sn	Cu+Pb	Cu+As	Cu+Sn+Pb	Cu+Pb+As	Биллон, Ad (осп-ва)			
Таджикистан	?	?	?	?	?	?	?	—	I	
	6/13,9	35/81,3	—	1/2,4	1/2,4	—	?	43		
	1	?	?	1	?	?	?	2	II	
	2/8,3	18/75,0	—	—	4/16,7	—	?	24	I	
	77/47,0	58/35,4	8/4,9	13/8,0	3/1,7	5/3,0	+	164		
	72/36,3	82/41,6	18/9,1	6/3,0	6/3,0	14/7,0	+	198	II	
	9/43,0	11/52,0	—	—	1/5,0	—	+	21	I	
	44/26,6	114/69,0	1/0,5	5/3,4	—	1/0,5	+	165		
	?	?	?	?	?	?	?	—	II	
	3/33,3	2/22,2	—	—	4/44,5	—	?	9	I	
Южная Туркмения	230/64,4	46/12,9	26/7,3	3 [^] /8,4	6/1,7	19/5,3	?	357		
	29/74,4	4/10,4	2/5,1	1/2,5	1/2,5	2/5,1	?	39	II	
	?	?	?	?	?	?	?	—	I	
	8/57,2	2/14,3	1/7,1	2/14,3	1/7,1	—	+	14		
	38/62,3	3/4,9	10/16,4	2/3,3	2/3,3	6/9,8	+	61	II	
	9	?	+	+	—	?	+	9		
	Итого:	528	375	66	61	29	47	+	1106	III

Примечание. Слева от черты количество изделий в группе, справа от черты процентная доля типа сплава в коллекции. ?—присутствие того или иного типа сплава возможно, + — наличие типа сплава, — тире (—) — тип сплава отсутствует. В графе „Количество проанализированных изделий“ (тире) — сведения о спектрально изученных предметах в опубликованных работах отсутствуют.

Таблица 2

Распределение изделий из памятников степных племен и памятников с крашеной керамикой эпохи бронзы Средней Азии по металлургическим группам

Территория	Металлургические группы							Кол-во проан. издел.
	„Cu“	Cu+Sn	Cu+Pb	Cu+As	Cu+Sn+Pb	Cu+Pb+As	Биллон, Ad (осн-ва)	
Узбекистан								
Южное Приаралье	5/18,5	21/77,7	—	—	1/3,8	—	?	27
Низовья Зарафшана	10/43,5	13/56,5	—	—	—	—	?	23
Центральный Зарафшан	—	49/100	—	—	—	—	?	49
Фергана и Ташкентский оазис	4/16,0	17/68,0	—	1/4,0	3/12,0	—	?	25
Таджикистан								
Север	9/17,3	36/69,3	2/3,8	—	5/9,6	—	?	52
Юг	14/30,4	28/60,8	1/2,2	2/4,4	—	1/2,2	+	46
Киргизия	14/20,5	52/76,5	—	1/1,5	1/1,5	—	?	68
Итого:	56	216	3	4	10	1	+	290
Фергана и Ташкентский оазис	60/42,0	72/50,4	2/1,4	2/1,4	5/3,4	2/1,4	+	143

наложили отпечаток на рецептуру искусственных сплавов, распространившуюся в подгорной полосе Копет-Дага во второй половине III тыс. до н. э. (Намазга IV). После биллона появились искусственные свинцовые и мышьяковистые бронзы, ставшие традиционными не только для данного района, но и других южных областей Средней Азии. Судя по анализам изделий из поселения Алтындепе, в период Намазга IV эти сплавы применялись редко²². Основным сырьем для изготовления предметов служила «чистая» медь. По сообщению Н. Н. Тереховой²³, в это же время на данной территории появились изделия, сделанные из меди с несколько иным химическим составом, что указывает на использование новых источников сырья. Кроме свинца и мышьяка, концентрации которых также высоки, в ней зафиксирована примесь олова. Отсутствие полных спектроаналитических данных не позволяет определить степень значимости такой меди для южно-туркменистанской металлообработки. Однако известно, что в начале II тыс. до н. э. медь этих источников стала основным сырьем, которым пользовались мастера земледельческих культур Южной Туркмении²⁴.

Первая половина II тыс. до н. э. характеризуется появлением новых искусственных сплавов, увеличением количества предметов, сделанных из искусственных бронз, и распространением сплавов на широкой территории, что явилось результатом движения южных племен в восточном направлении. Выходцы из прикопетдагских памятников освоили новые земли в Мургабском²⁵ и Сурхандарьинском²⁶ оазисах, продвигаясь на восток — на территорию Южного Таджикистана²⁷. Вместе с общинниками в эти районы переселились и мастера-литейщики, которые организовали на местах собственное металлообрабатывающее производство. Об этом свидетельствуют следы вторичной обработки металла в виде небольших слитков меди, обломки плавильных сосудов с металлом и очажки для плавки металла, обнаруженные в ряде поселений.

---

²² Кирчо Л. Б. Культурная эволюция в эпоху формирования раннегородской цивилизации (по материалам раскопок Алтын-депе)//Тезисы докладов II советско-американского симпозиума «Археология Средней Азии и Ближнего Востока». Ташкент: Фан, 1983. С. 59.

²³ Терехова Н. Н. Металлообрабатывающее производство... С. 74.

²⁴ К такому выводу приводят анализы металлических изделий из поселений Алтындепе (период Намазга V) и Келлелийского оазиса в дельте Мургаба. Установлено, что из 36 проанализированных предметов из Алтындепе только в трех (8,3%) отсутствует примесь олова, из 37 изделий из поселений Келлели — всего в одном предмете (3%). Во второй половине II тыс. до н. э. на юге Средней Азии металл без примеси олова практически не употреблялся.

²⁵ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы//МИА. М.—Л., 1959. № 73; Масимов И. С. Изучение памятников... С. 131.

²⁶ Аскарлов А. А. Сапаллитепа. С. 122; Он же. Древнеземледельческая культура... С. 155.

²⁷ Литвинский Б. А. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг.//Вып. 10. Душанбе, 1973.

Техническим достижением мастеров этого периода следует считать использование в практике искусственных сплавов меди с оловом²⁸. Кроме подгорной полосы Копет-Дага они встречаются в ранних памятниках Мургаба и культуры Сапалли. Роль оловянистых бронз в металлообработке этих районов была неоднозначной (см. табл. 1). Так, в отличие от Прикопетдагского и Мургабского районов, где сплавы меди с искусственными добавками олова (включая оловянно-свинцовистые) не получили широкого распространения, доля оловянистых бронз в Сурхандарьинском районе значительно выше (44,6%). Судя по соотношению между типами сплавов, выделенных в коллекции данного района, они занимали ведущее место у сапаллинских мастеров. Чем же можно объяснить появление в сапаллинской культуре значительного количества предметов, сделанных из оловянистых бронз? Может быть, сапаллинцы обладали собственным источником олова, который располагался в близлежащих Кугитангтауских горах? Очевидно, нет. Геологические разведки, проведенные в этом горнорудном районе, не обнаружили месторождений касситерита или полиметаллических рудопроявлений, обогащенных оловом. Поэтому олово или оловянистые бронзы скорее всего доставлялись сюда из других районов. Установленные исследователями черты сходства между археологическими материалами культуры Сапалли и восточных памятников Южной Туркмении²⁹, а также типологическая и химическая близость металла³⁰ указывают на тесные культурные и торговые связи, существовавшие между племенами этих районов. Поэтому не исключено, что некоторое количество металла было ввезено на юг Узбекистана из Мургабского оазиса. Объем этих поставок был невелик, поскольку сами южнотуркменистанские мастера испытывали нужду в оловянной лигатуре. В этой связи отметим исследование Н. Н. Тереховой³¹, проведшей металлографический анализ коллекции металлических изделий из поселения Алтындепе и низовьев Мур-

---

²⁸ Спектральный анализ металлических предметов из поселения Акдепе, относящихся ко второй половине III тыс. до н. э., показал, что медь одного из них — полуфабриката в виде прута — содержит достаточно высокую искусственную добавку олова (7%). Эта единственная находка может служить лишь косвенным свидетельством употребления оловянистой бронзы в Южной Туркмении в эпоху ранней бронзы, поскольку среди орудий труда и украшений этого времени предметов, сделанных из данного типа сплавов, обнаружить не удалось.

²⁹ Аскарлов А. А. Южноузбекистанский очаг древнебактрийской цивилизации//Тезисы докладов II советско-американского симпозиума... С. 16—18; Масимов И. С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе//Тезисы докладов II советско-американского симпозиума... С. 72—74.

³⁰ Рузанов В. Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. канд. дис.... М., 1982. С. 13, 14.

³¹ Терехова Н. Н. Медно-оловянистые сплавы в технике металлообработки древних земледельцев Южной Туркмении//Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.: Наука, 1982.

габа. Анализируя предметы, изготовленные из оловянистых бронз, Н. Н. Терехова сделала интересный вывод о том, что южнотуркменистанские мастера на протяжении практически всего II тыс. до н. э., за исключением последних веков, не смогли на практике освоить новый тип сплавов, отчего изготавливаемые ими предметы из оловянистых бронз получались некачественными. К сожалению, металлографический анализ металлических предметов сапаллинской культуры не сделан, что не позволяет проследить технологию их обработки и сопоставить эти данные с южнотуркменистанскими. Приоритет оловянистых бронз над прочими сплавами в металлической коллекции племен Южного Узбекистана служит доводом в пользу наличия второго, более мощного источника оловянистых бронз у сапаллинских мастеров. Причем важно отметить, что этот источник был известен сапаллинцам уже на раннем этапе развития их металлообработки.

Во второй половине II тыс. до н. э. существенных перемен в истории употребления сплавов в вышеуказанных районах не произошло. Так же, как в предыдущее время, здесь употреблялись «чистая» медь, оловянистые, оловянно-свинцовистые, свинцовистые, мышьяковистые и свинцово-мышьяковистые бронзы. Среди изделий с приплавом олова очень редко встречаются такие, медь которых легирована мышьяком и свинцом по отдельности или вместе взятыми. Можно лишь отметить небольшие изменения в области использования оловянистых сплавов: на юге Узбекистана доля этого типа сплавов несколько уменьшилась, а в Приколетдагском и Мургабском районах количество изделий из оловянистых бронз увеличилось (см. табл. 1).

Металлургическая характеристика металла из памятников этого времени Юго-Западной Туркмении (культура Сумбар) по количественному соотношению сплавов резко отличается от характеристики металла вышеотмеченных районов. Прежде всего поражает обилие оловянистых бронз (69%) в коллекции. Месторождения касситерита в этом районе отсутствуют, следовательно, сумбарские мастера работали с привозным металлом. Наличие типологически сходных изделий в материалах сумбарских общинников и степных племен, в частности тазабагъябской культуры, указывает на связи между ними, благодаря которым какая-то часть олова поступала из северных районов в юго-западную часть Туркмении. Однако кроме северного пути ввоза олова, на наш взгляд, существовал еще и южный. Местонахождение южных источников (возможно, одного) нам неизвестно. Другой отличительной чертой металлической коллекции сумбарской культуры является незначительная доля прочих искусственных типов сплавов: из 165 исследованных предметов только 7 изделий (4,4%) оказались изготовленными из свинцовых, мышьяковистых и свинцово-мышьяковистых бронз.

Еще более широким употреблением оловянистых бронз характеризуется металлообработка второй половины II тыс. до н. э.

у земледельческих племен Южного Таджикистана. С одной стороны, этому способствовали интенсивные связи со степными племенами, которые устанавливаются по металлическим комплексам из памятников Гиссарской и Вахшской долин, имеющим смешанные черты земледельческого и степного металла³², с другой, — наличие собственного источника олова. При этом следует указать, что оловянистые сплавы среднеазиатского происхождения, которые, кстати, были также известны населению культур крашеной керамики Ферганской долины и Ташкентского оазиса³³, играли главную роль в металлообработке у земледельческих племен этого района.

Материалы, полученные при раскопках Саразма — поселения раннеземледельческих племен на верхнем Зарафшане, — удревнили дату появления металла в северных областях Средней Азии³⁴. К сожалению, металлические изделия из этого памятника, датированного III — серединой II тыс. до н. э., спектрально не изучены. Прочие исследованные металлические находки эпохи бронзы единичны и несут лишь отрывочные сведения о сплавах, бытовавших у земледельцев на севере этого региона.

Сплавы общности скотоводческо-земледельческих культур. Коллекция металлических предметов этой общности эпохи ранней бронзы немногочисленна и происходит из памятников заманбабинской культуры. Судя по анализам, заманбабинские мастера использовали только чистую медь. Они поддерживали тесные связи с южными районами Средней Азии. Химическое и типологическое сходство металла этой культуры с металлом земледельческих племен указывает на то, что цветная металлообработка у заманбабинцев сложилась под сильным влиянием южных очагов и базировалась на металле, поступавшем от них.

Вместе с тем имеются свидетельства разработки месторождений степными племенами. Они были получены при изучении памятников в районе Лявляканских озер в юго-восточных Кызылкумах³⁵. К сожалению, материалы из этих памятников не проанализированы.

Во второй половине II тыс. до н. э. наблюдается подъем металлургического производства у степных племен. Практически каждая культура, открытая в северных районах Средней Азии, является металлоносной. Характерной особенностью металлооб-

---

³² Виноградова Н. М. Отчет о раскопках могильника Тандырйул в 1975 г.//АРТ. Вып. 15. Душанбе, 1980; Она же. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века//АРТ. Вып. 18. Душанбе, 1978.

³³ Рузанов В. Д. К вопросу о металлообработке у племен Чустской культуры//СА. 1980. № 4.

³⁴ Исаков А. И. Саразм — поселение эпохи палеометалла в долине Зарафшана//Тезисы докладов II советско-американского симпозиума. С. 54—57.

³⁵ Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е. Литейные формы из Лявлякана//СА. 1970. № 2; Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан//МХЭ. Вып. 10. М., 1975.

работки у степных племен является широкое использование мастерами оловянистых бронз (табл. 2). Так, все металлические предметы из памятников в среднем бассейне Зарафшана (могильники Чакка и Муминабад) представляют собой сплав меди с оловом. Преобладающие оловянистых бронз — 77,7% — наблюдается в коллекции тазабагъябской культуры, распространенной в Южном Приаралье. Несколько ниже доля этих сплавов в памятниках Гуджайли — 56,5% — в низовьях Зарафшана. Доминирование оловянистых бронз в металлообработке этих районов можно объяснить освоением местных источников олова, какими, на наш взгляд, являлись месторождения касситерита Зирабулак-Каратюбе-Зарафшанского района и, возможно, оловянные рудопроявления Ауминзатауских гор.

Металл памятников степных культур восточной части Средней Азии металлургически разнообразен (см. табл. 2). Кроме оловянистых бронз и «чистой» меди мастерам были известны свинцовые, мышьяковистые, свинцово-мышьяковистые и оловянно-свинцовые сплавы. Каковы же причины разнообразия металлургических групп в этой зоне? Данные о химическом составе местных металлических предметов и геохимии здешней рудной базы дают возможность определить их. С одной стороны, этому способствовало наличие в горах Ферганы и Ташкентской области свинцово-серебряных месторождений и прочих полиметаллических рудопроявлений, обогащенных свинцом³⁶. Очевидно, они были известны в древности, в частности горнякам-металлургам кайракумской культуры. С другой стороны, важную роль в появлении мышьяковистых и свинцово-мышьяковистых сплавов, столь не характерных для металла среднеазиатских степных культур, на наш взгляд, сыграли связи между населением восточных районов Средней Азии и очагами металлургии и металлообработки Евразийской и Ирано-Туркменистанской провинции. Так, изделия из Чимбайлыкского клада, обнаруженного в Ташкентской области, которые сделаны из оловянистой и мышьяковистой бронз, по химическому составу и форме находят аналогию в материалах степных культур Урала и Поволжья, что дает основание для постановки вопроса об их волго-уральском происхождении.

В южных районах восточных окраин Средней Азии (Южный Таджикистан) цветная металлообработка сочетала черты производственных традиций двух провинций. Ярким примером тому может служить металлическая коллекция бишкентской культуры. Ее металл имеет много общего с металлом земледельческих культур типа Сапалли-Намазга VI. Так, бишкентцы пользовались рецептурой сплавов, традиционной для южноземледельческого круга мастеров — свинцовыми, мышьяковистыми, свинцово-

³⁶ Киреев В. И., Пругер Е. Б. и др. Ревизия и изучение древних горных выработок на территории Узбекистана за 1964—1967 гг.//АМГ УзССР. Т. 1—3. Ташкент, 1968; Буряков Ю. Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака//Наука. М., 1974.

мышьяковистыми и оловянистыми бронзами. Они переняли у земледельцев навыки приготовления этих сплавов (Sn — бронзы с 0,8%, Pb — и As — бронзы с 3%). Преемственность наблюдается также в использовании источников металла и типологическом развитии форм изделий. Вместе с тем эта коллекция имеет черты сходства с металлом северных племен. Их не так много. Во-первых, следует указать на приоритет оловянистых бронз (51,0%), что характерно для металлообработки в степных культурах. Во-вторых, здесь можно выделить изделия, которые по химическому составу и форме сходны с северными образцами. Перечисленные аналогии позволяют сделать вывод о том, что в формировании комплекса бишкентской культуры главную роль сыграли очаги металлообработки земледельческого круга культур; в значительно меньшей степени он был подвергнут влиянию со стороны степных племен.

Металл степных племен Киргизии эпохи бронзы по рецептурным показателям сходен с металлом степных культур Узбекистана и Таджикистана. Для него также характерна высокая доля оловянистых бронз. Наблюдаются примерно такие же количественные соотношения между типами сплавов.

Сплавы общности культур крашеной керамики периода финальной бронзы. На рубеже II—I тыс. до н. э. в материальной культуре племен южных районов Средней Азии произошли резкие изменения. Исчезли памятники культур типа Сапалли-Намазга VI и сформировались новые — культуры с крашеной керамикой³⁷. Примерно в это же время на территориях Ташкентского оазиса³⁸ и Ферганы³⁹ зародились новые археологические культуры.

Произошедшие события нашли отражение в металлургии и металлообработке среднеазиатского региона. Металлообработка производилась в южных районах потерпело сильные изменения. Сократился объем продукции. Прекратилось изготовление многих типов орудий, украшений и бытовых предметов. Значительной трансформации подверглась и рецептура сплавов. Не стало разнообразия типов сплавов, которое было присуще металлообработке периода Намазга VI (см. табл. 1). Вышли из употребления свинцовые, мышьяковистые и свинцово-мышьяковистые бронзы. Литейное производство базировалось только на оловянистых, оловянно-свинцовистых сплавах и «чистой» меди. Ведущее место заняли бронзы с добавками олова. Нельзя не от-

---

³⁷ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргяны//МИА, М.—Л., 1959. № 73; Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа//Ташкент: Фан, 1979.

³⁸ Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале//Известия УзФАН. Ташкент, 1940. № 9; Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры//Ташкент: Фан, 1982.

³⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА, М.—Л., 1962. № 118.

метить перемен в традиции приготовления оловянно-свинцовистых бронз, для которых рубеж ввода свинца уменьшился с 3% до 1%.

Таким образом, металлургические характеристики металла южных культур II тыс. до н. э. и начала I тыс. до н. э. различны. Каковы же причины столь резких перемен? Очевидно, они были связаны с движением групп племен в южные районы Средней Азии, внесших элементы своих традиций в металлообработку земледельческих культур. Естественно, возникает вопрос о культурной принадлежности этого населения. Сравнительный анализ показывает, что металл культур крашеной керамики по ряду металлургических признаков близок металлу степных племен из северных областей Средней Азии, поэтому можно предположить участие последних в формировании металлообработки в южных культурах периода финальной бронзы⁴⁰.

В отличие от южного, металл из памятников расписной керамики северо-восточных областей Узбекистана металлургически разнообразен⁴¹.

В коллекциях чувстской и бургулюкской культур представлены оловянистые, свинцовые, мышьяковистые, оловянно-свинцовистые и свинцово-мышьяковистые бронзы, т. е. все те типы сплавов, которые были известны мастерам южных очагов металлообработки в период Намазга VI. Эти бронзы изготовлялись чувстско-бургулюкскими меделитейщиками по рецептам, аналогичным южным: Sn — бронзы с 0,8%, Pb и As — бронзы с 3%. Очевидно, это сходство не случайно — оно связано с частичной синхронностью металлообработки в культурах расписной керамики Ферганы и Ташкентского оазиса и культурах типа Сапалли-Намазга VI. Думается, что различия в металлургических характеристиках металла южных и северо-восточных культур крашеной керамики носят не столько локальный, сколько хронологический характер.

---

⁴⁰ Гипотеза об участии степных племен в сложении южных культур крашеной керамики не нова. Она неоднократно высказывалась в публикациях. См.: Ганялин А. Ф. Теккем-депе (раскопки 1952—1953 гг.)//ТИИАЭ АН ТуркмССР. Т. 2. Ашхабад, 1956; Марущенко А. А. Елькен-депе/отчет о раскопках 1953, 1955—1956 гг.//ТИИАЭ АН ТуркмССР. Т. 5. Ашхабад, 1959; Толстов С. П., Итина М. А. Проблема суярганской культуры//СА. 1960. № 1. С. 31—35; Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. С. 71—74.

⁴¹ Данные о распределении металлических изделий чувстской и бургулюкской культур по металлургическим группам приведены в последней строке таблицы 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Х. Ташкенбаев. Некоторые данные по палеолиту Зарафшанской долины	3
Б. Абдуллаев, Х. И. Дуке. Некоторые итоги исследования памятников бургулюкской культуры в 1981—1982 гг.	11
Г. А. Пугаченкова. Шортеле	21
Ю. П. Манылов. Археологические исследования городища Каратепе на Нарпае	45
Э. В. Ртвеладзе. Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана.	56
Б. Абдулгазиева. Новые памятники эпохи раннего средневековья в восточной Фергане	66
Т. Дж. Аннаев. Об одной группе раннесредневековой керамики северного Тохаристана	72
Г. И. Богомоллов, Ю. Ф. Буряков. Культовые помещения при жилых домах с городища Канка	76
Г. Мирзалиев. Терракотовые очажки Эски Ахси	88
И. А. Аржанцева. Пояса на росписях Афрасиаба	92
Г. М. Майтдинова. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья	114
У. А. Алимов, Л. М. Сверчков. Археологические исследования в Сырдарьинской области	132
Д. К. Мирзаахмедов. Мечеть Магоки-Курпа в Бухаре	138
Т. И. Лебедева. Тагхона в цитадели Тимура	151
Б. Д. Кочнев. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 8 (Караханиды)	155
А. П. Пестряков, Т. Р. Мухамеджанов. Исследования некоторых параметров черепной коробки краниологической серии из средневекового Несефа (Южный Согд)	171
А. А. Абдуразаков. Химические составы керамики и глазурей архитектурных памятников Узбекистана	176
М. А. Реутова, Ш. Ильхамов. Применение реакции полиуретанообразования для консервации лессовых объектов	189
В. Д. Рузанов. Древние сплавы Средней Азии	192

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА.

Выпуск 21

*Утверждено Ученым советом Института археологии АН УзССР,
Бюро отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор *И. Я. Ильсова*
Художник *В. С. Тий*
Технический редактор *Г. П. Негматова*
Корректор *А. А. Ковалева*

ИБ № 3601

Сдано в набор 10.08.87. Подписано к печати 16.12.87. P03172. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,75. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 1000. Заказ 184. Цена 3 руб.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан»: Ташкент, проспект М. Горького, 79.

